

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 1, 2009

Филология

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)

Д. И. Польшвинный, д-р ист. наук
(зам. председателя)

В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)

Л. В. Михеева (ответственный секретарь)

К. М. Авербух, д-р филол. наук (Москва)

Ю. М. Воронов, д-р полит. наук

Н. В. Усольцева, д-р хим. наук

К. Префке, профессор (Германия)

Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)

О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. Н. Таганов, д-р филол. наук

О. М. Карпова, д-р филол. наук

И. А. Хромова, канд. филол. наук

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*
редакторы: *О. А. Кручинина*, *О. Я. Литвак*,

О. В. Батова

технический редактор *И. С. Сибирева*
компьютерная верстка *Г. Б. Клецкиной*
обложка *Р. Е. Круглов*

ISBN 978-5-7807-0743-1

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

Бабаева Р. И. Служебные слова и клишированность немецкого обиходного дискурса 3
Ваняцкая Е. А. Специфика выражения и сокрытия эмоций коммуникантов-девочек (На материале англоязычных художественных текстов) 14

Денисов К. М. Об одной составляющей терминологической триады английской интонационной системы 22

Лисник М. В. Речевая компрессия как проявление закона экономии: переосмысление понятия) 28

Ужова О. А. Два словаря 33

Чичанова А. К. Проблема билингвизма в функционально-прикладном аспекте 41

Яценко М. В. Корень *weg* в словаре и тексте поэмы «Исход». К проблеме интерпретации древнеанглийского поэтического текста 48

Литературоведение

Дзуцева Н. В. Символика лирического сюжета в «Зимних сонетах» Вяч. Иванова 56

Синохина И. В. Проза Н. И. Колоколова. Созвучия с другими авторами произведений XX века 69

Цветков Ю. Л. Фридерика Майрёкер — «райская птица» австрийской поэзии (К 85-летию со дня рождения) 77

Фейзуллаева З. М. Прорыв в ментальность (На материале творчества Джамала) 90

Рецензии 95

Хроника 105

Аннотации 111

Summaries 114

Сведения об авторах 117

IVANOV STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 1, 2009

Philology

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

- V. N. Egorov*, Doctor of Economics (Chairman)
D. I. Polyviannyi, Doctor of History
(Vice-Chairman)
V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)
L. V. Micheeva (Secretary-in-Chief)
K. M. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)
Yu. M. Voronov, Doctor of Politics
N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry
K. Prefcke, Professor (Germany)
Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)
O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD:

- A. N. Taganov*, Doctor of Philology
O. V. Karpova, Doctor of Philology
I. A. Khromova, Candidate of Science
(Philology)

Editorial Staff:

- Publishing House Director *L. V. Mikheeva*
Editors *O. A. Kruchinina*, *O. V. Batova*,
O. Ya. Litvak
Technical Editor *I. S. Sibireva*
Computer layout *G. B. Klyotskina*
Cover *R. E. Kruglov*

ISBN 978-5-7807-0743-1

© SEI of HPE "Ivanovo State University",
2009

CONTENTS

Linguistics

- Babaeva R. I.** Function words and clichés in
german everyday discourse 3
Vansyatskaya E. A. Peculiarities of expressing
and masking emotions of girl-speakers (On the
basis of literary texts) 14
Denisov K. M. One of the three terminological
t's in the intonation system of english 22
Lisnik M. V. Speech compression as an eco-
nomy law's manifestation: recomprehension of
the notion 28
Uzhova O. A. Two dictionaries 33
Chichanova A. K. Bilingualism in its functional
and applying aspects 41
Yatsenko M. V. The root *weg* in the dictionary
and text of the Old English poem *Exodus*. To
the problem of interpretation of Old English
poetic text 48

Study of Literature

- Dzuzeva N. V.** Symbolism of lyric plot in "Win-
ter Sonnets" by Vyacheslav Ivanov 56
Sinohina I. V. Prose by N. I. Kolokolov: accord
with other authors of works of the XX century 69
Tsvetkov Y. L. Friederike Mayröcker as "Para-
dise bird" of austrian poetry (85 years since
birthday) 77
Feyzullaeva Z. M. Breakthrough into Metareality
(based upon works of Jamal) 90

Reviews 95

Chronicle 105

Summaries 111

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА И КЛИШИРОВАННОСТЬ НЕМЕЦКОГО ОБИХОДНОГО ДИСКУРСА

Незнаменательные слова в большинстве своем не являются семантически самодостаточными, реализация их семантического потенциала возможна лишь при поддержке разнообразных вербальных и невербальных средств, поэтому для идентификации их значения в каждом конкретном случае необходимо знание контекста. В связи с этим подобные слова в отечественной лингвистике квалифицируются как дискурсивные. Описание таких лексических единиц является непростой задачей, т. к. необходимо учитывать множество языковых и экстралингвистических факторов, а также важно четко определить терминологическую базу анализа, которая позволит наиболее адекватно эксплицировать суть данных слов. Описание дискурсивных слов является актуальной темой для современной лингвистики, этому посвящены работы ученых на материале разных языков.

В предлагаемые схемы описания не всегда вписываются случаи, где слова незнаменательных частей речи употребляются в составе устойчивых фраз, клишированных сочетаний. Как известно, повседневное общение изобилует стандартными фразами — формулами речевого общения, стереотипными фразами, образными устойчивыми сочетаниями, что и создает клишированность обиходного дискурса. Особенностью подобных устойчивых сочетаний является то, что значение данных единиц не является суммой семантики составляющих, они передают определенную информацию, которая в большинстве случаев отличается от буквального значения фразы. Овладение такими клишированными единицами при изучении иностранного языка имеет особое значение, т. к. они должны усваиваться учащимися в готовом виде. При этом важным является осознание прагматических функций устойчивых сочетаний.

Наибольший интерес представляют: а) устойчивые сочетания и фразы, в состав которых входят лишь неполнозначные или частично неполнозначные слова; б) устойчивые сочетания и фразы с частицами и междометиями; в) устойчивые сочетания, в которых предлоги и союзы служат не только для передачи грамматических отношений, но и для обозначения определенного дополнительного содержания, сообщения информации прагматического плана.

Рассмотрим употребление немецких предлогов, союзов, частиц и междометий в составе речевых клише, характерных для обиходного дискурса.

1. Предлог — конструирующий элемент устойчивых фраз, характерных для повседневного общения

В ситуациях повседневного общения коммуниканты обладают обширной общей апперцепционной базой, что позволяет им значительную часть информации оставлять невербализованной. В данном процессе задействованными оказываются и предлоги немецкого языка. При описании слов данного класса отмечается, что их функционирование осуществляется в составе комплекса, в котором наряду с предлогом имеются базисная часть и адьюнкт [9, S. 609].

Базис	Предлог	Адьюнкт
<i>Ich wohne</i>	<i>bei</i>	<i>meinen Freunden</i>
<i>Spiel nicht</i>	<i>mit</i>	<i>dem Feuer</i>
<i>Das Bild</i>	<i>an</i>	<i>der Wand</i>

В устной коммуникации один из этих элементов может опускаться, и даже не исключено сокращение всего комплекса до одного предлога. Для неофициальной устной коммуникации характерно употребление предлогов без адьюнкта, в этом случае предлог сближается с полнзначными словами, в словарях подобные употребления нередко трактуются как разговорные наречия: *eine Flasche mit* (вместо *eine Flasche Mineralwasser mit Geschmack*); *Kaffe mit* (вместо *Kaffe mit Schlagsahne*); *etw. gegen bekommen* (*begehrte Mengelware gegen Hergabe einer Angelware erhalten*); *in sein* (вместо *in Mode sein*).

Подобные единицы, возникшие из сокращенной конструкции с предлогом, совпадают по форме со словами, появившимися в результате опускания основной части у глаголов с отделяемыми приставками. Например: **ab**: *ich weiß nicht, warum ich so ab* (ugs.; *müde, erschöpft*) *bin*; **an**: (ugs.) *elliptisch; anziehen*: *nur rasch den Mantel an und weg von hier!*; *mit nur wenig an* (*nur wenig bekleidet*) *öffnete sie die Tür*; *ohne etwas an* (*unbekleidet, nackt, ohne etwas angezogen zu haben*); **auf**: (ugs.) [*nicht mehr od. noch*] *nicht im Bett*: *früh a. sein; bist du noch a.?*; *der Patient darf schon ein paar Stunden a. sein*.

Другой случай, в результате которого возникает слово, соответствующее по форме предлогу, а по значению приближающееся к полнзначным словам, связан с редукцией формы местоименных наречий (*mit* вместо *damit*).

Таким образом, в результате этих трех разновидностей процесса импликации в языке повседневного общения возникли своеобразные коллоквиальные формы, где слово, совпадающее по форме с предлогом, употребляется в функции полнзначного слова. Из подобных единиц возникли фразеологизмы, конструирующим элементом которых является слово или слова, формально соответствующие предлогам, а по значению близкие полнзначным словам. Например, *auf und davon, durch und durch, in sein* и др. Такие устойчивые сочетания можно разделить на несколько групп:

1) сочетания, состоящие из базисной части и предлога (адьюнкт опускается): *in sein; nicht so ohne sein; weder auf noch ein wissen; Herr von und zu; auf etw. aus sein; ohne baden*:

in sein: (ugs.) *sehr in Mode sein, von vielen begehrt sein, betrieben werden*;

nicht so ohne sein: (ugs.) *nicht so harmlos, sondern stärker, bedeutender sein als gedacht: eine Grippe ist gar nicht so ohne; dieser Mann, Vorschlag ist durchaus nicht ohne*;

das ist nicht ohne: (ugs.) das ist bedeutend, eindrucksvoll, beachtlich;
er ist nicht ganz ohne: (ugs.) a) er ist klug, anständig, ansehnlich; b) er ist launisch, wenig zuverlässig;

weder auf noch ein wissen: völlig ratlos sein;

Herr von und zu: Neureicher;

aus sein (*auf etw.*): etw. sehr gern haben, erreichen wollen; auf etw., jmdn. versessen sein: *auf Abenteuer, auf eine Belohnung, auf diesen Posten auf sein*;

2) сочетания, содержащие лишь предлог и адьюнкт (опускается базисный компонент): *an (und für) sich; von mir aus; Ohne mich!*:

an (und für) sich: eigentlich, im Grunde genommen: *dagegen ist an sich nichts einzuwenden; die Großmutter ... war an sich noch gut auf den Beinen*;

aus sich heraus: unaufgefordert;

von mir aus: (ugs.) meinetwegen;

Ohne mich! (ugs.) Ausdruck der Ablehnung. Verkürzt aus “das mag geschehen, aber ohne mich!”;

ohne was: (ugs.) a) nackt; b) ohne irgendwelche Beimischung (Kaffee ohne was = Kaffee ohne Milch und Zucker);

3) сочетания состоят из слов, формально соответствующих предлогам, и из неполнозначных слов: *durch und durch; über und über; um und um; ab und zu; ab und an; auf und davon; mit ohne was an; Von wegen!; ab dafür!*:

durch und durch: (ugs.) 1. völlig, ganz und gar: *ich bin durch und durch nass; ich bin durch und durch davon überzeugt*; 2. bis ins Innerste, durch Mark u. Bein: *der Schrei, der Schmerz ging mir durch und durch*;

für und für: (veraltend) [für] immer: *an jmdn. für und für die Erinnerung bewahren*;

über und über: völlig; von oben bis unten: *er war über und über mit Schmutz bedeckt*;

um und um: (landsch.) ganz, rundherum, völlig: *die Sache ist um und um faul*;

ab und zu: gelegentlich; von Zeit zu Zeit: *ab und zu besucht er uns*;

ab und an (bes. nordd.) gelegentlich; von Zeit zu Zeit: *er kommt ab und an, um nach dem Rechten zu sehen*;

mit ohne: (ugs.) ohne etwas, ohne Zubehör, frei von;

Von wegen! (ugs.) ausgeschlossen! (Ausdruck der Ablehnung, der Abweisung): A: *Wir könnten ihn doch besuchen*. B: *Den? Von wegen!*;

4) устойчивые сочетания, в состав которых входит сокращенный вариант местоименного наречия или отделяемая приставка без основного глагола: *Da sei Gott vor!; Ab nach Kassel!; Ab mit Schaden!; Ab Trumeau! Aus der Traum!; Ab durch die Mittel!; mit wenig an*:

Da sei Gott vor! (Ausruf der Abwehr) *davor möge uns Gott bewahren!*

Ab dafür!: (ugs.) Schluß damit!, Einverstanden.

Ab durch die Mitte!: (ugs.) Geh fort!

Ab nach Kassel!: (ugs.) Hinaus! Fort!

Ab mit Rückenwind!: (ugs.) Schnell fort!

Ab mit Schaden!: (ugs.) Weg damit!

Ab Trumeau!: (ugs.) Verschwinde!

Auf und davon!: (ugs.) [schnell] fort!

Aus der Traum!: (ugs.) Schluß damit erledigt!

mit ohne was an: (ugs.) unbekleidet;

mit wenig an: (ugs.) spärlich bekleidet.

Описанные обороты, активно используемые в живой речи, свидетельствуют об имплицитности языка повседневного общения.

2. Союз — конструирующий элемент устойчивых фраз, характерных для повседневного общения

Слова, относящиеся к классу союзов, могут быть конструирующими элементами устойчивых сочетаний, которые служат для передачи прагматической информации. В этом случае можно говорить о сочетаниях трех видов: а) о непредикативных единицах, состоящих из нескольких слов и выполняющих совместно прагматическую функцию; б) о предикативных единицах, имеющих прагматическое значение, в которых одним из элементов, определяющим своеобразие конструкции, является союз; в) о фразах, в которых союз употребляется в значении полнозначного слова.

1). Речевые клише, лишённые номинативной функции

К данной группе мы отнесли типичные сочетания, состоящие преимущественно из незначительных слов и выполняющие прагматические функции. Они употребляются преимущественно для организации процесса коммуникации и для передачи субъективно-эмоциональных оценок и комментариев. Функции выявленных коммуникативных формул совпадают в основном с описанными выше прагматическими функциями союзов. Для повседневного общения характерны следующие «устойчивые кластеры» (термин Ю. Дарагана).

Стартовые сочетания: *und da, und dann.*

Возвращение к исходному пункту: *oder aber; oder auch.*

Завершение речевого шага: *und so; so oder auch so, und so weiter.*

Und, und, und!

Введение аргумента: *ja, aber.*

Сигналы обратной связи: *Also und? Und jetzt? Ja, und? Ja, und was weiter? Ja, und weiter? Und Du? Und wie ist es (da)?*

Реагирующие эмоциональные фразы: *Aber warum denn? Aber nur! Kein aber! Aber ja! Aber nein! Aber sicher! Es ist aber so! Das ist aber fein! Aber, aber! Und ob! Also, und ob! Na und? Und wie! Und doch! [und] wenn auch! Und wenn schon! Weil!*

Как показал анализ, союзы вносят вклад в формирование прагматической составляющей обиходного дискурса преимущественно в составе «кластерных объединений», а не при индивидуальном употреблении. Большинство сочетаний созданы с участием трех слов — *und* (19 сочетаний), *aber* (11), *oder* (3).

Und: *und da, und dann; und so; und so weiter; Also und? Und jetzt? Ja, und? Ja, und was weiter? Ja, und weiter? Und Du? Und wie ist es (da)? Und ob! Also, und ob! Na und? Und wie! Und doch! [und] wenn auch! Und wenn schon! Und, und, und!*

Aber: *ja, aber; oder aber; Aber warum denn? Aber nur! Kein aber! Aber ja! Aber nein! Aber sicher! Es ist aber so! Das ist aber fein! Aber, aber!*

Oder: *oder aber; oder auch; so oder auch so.*

Гораздо реже в образовании подобных сочетаний принимают участие слова из группы подчинительных союзов. Подобные примеры немногочисленны.

Ob: *Und ob! Also, und ob!*

Wenn: *[Und] wenn auch! Und wenn schon!*

К «кластерным объединениям» с прагматическими функциями мы отнесли и случаи редупликации, когда устойчивое сочетание образуется путем повторения одного и того же слова, например: *Aber, aber! Und, und, und!*

Устойчивые сочетания, состоящие из незначительных слов и выполняющие в речи прагматические функции, не всегда находят отражение в лексикографических источниках.

2). *Фразеосхемы, определяющим элементом которых является союз*

Понятие фразеосхемы (синтаксического фразеологизма) используется в работе А. Д. Шмелева: «В составе современного русского языка находятся такие ряды близких по строению фразеологизмов, которые являются результатом не преобразований какого-то определенного фразеологического словосочетания, а скорее результатом своеобразной лексикализации отдельных синтаксических конструкций, имеющих (именно как конструкции, а не сочетания каких-то конкретных слов) фразеологический характер. В отличие от фразеологических единиц лексики (или лексических фразеологизмов) во фразеологических конструкциях нет лексической неподвижности. Они не связаны с определенными словами как таковыми, но они обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определенных, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определенных служебных слов. В то время как лексические фразеологизмы индивидуальны в лексической сфере, индивидуальность фразеологических конструкций проявляется в сфере синтаксиса, т. е. в пределах заданной схемы допускается в той или иной мере свободное лексическое наполнение» [3, с. 327]. Как следует из данного описания, в ряде фразеосхем своеобразие может определяться наряду с конструкцией и служебным словом, рамки фразеосхемы имеют довольно определенные лексические «скрепы» [3, с. 330]. В немецком языке также могут быть выделены подобные синтаксические фразеологизмы, многие из которых характерны для языка повседневной коммуникации. В данном случае нас интересуют характерные для разговорной речи фразеосхемы с прагматическим значением, обязательным элементом которых являются союзы.

При анализе немецкоязычного обиходного дискурса было выявлено небольшое количество фразеосхем, которые используются для передачи прагматической информации. Это конструкции, обязательными элементами которых являются слова *dass, und, wenn*.

DASS ...! Предложения с *dass*, имеющие форму придаточного предложения и употребляемые без главного предложения, передают различные прагматические значения: они могут быть угрозой, выражением сожаления, желанием: *Dass mir keine Klagen kommen!*; *Dass es so weit kommen musste!*; *dass ihn doch der Teufel hole!* [5]. *Dass du um acht zur Stelle bist!* (ugs.) Чтобы в восемь ты был на месте! (разг.) [1, с. 52] *Dass du aber keinem davon erzählst!* (ugs.) не вздумай никому рассказывать об этом! [1, с. 74].

С союзом *wenn* связаны две фразеосхемы: первая используется для передачи нереального желания, а вторая для выражения вынужденного согласия и вежливого введения просьбы или вступления в разговор.

WENN ...! *Wenn er doch endlich käme!*; *Wenn ich nur wüsste, ob sie es wirklich war!*; *Ach, wenn ich doch aufgepasst hätte!*

WENN ... (вынужденное согласие, вежливая просьба). *Wenn du meinst, ... Wenn die Sache so steht, ... Wenn es (schon) sein muss, ... Wenn es darauf ankommt, ... (ugs.) Wenn ich unterbrechen darf, ...*

Для союза *und* могут быть выделены две фразеосхемы, используемые для эмоционального реагирования на слова собеседника.

...UND ...! *er uund hilfsbereit!; ich uund singen?; Ich uund mir das Leben nehmen!*

UND ...? *Das muss alles noch weggebracht werden. — Und warum?; Die Frauen wurden gerettet. — Und die Kinder?*

Для описания полной картины дискурсивных функций союзов представляется необходимым остановиться на тех идиомах, в которых рассматриваемые нами слова употребляются в качестве полнозначных слов.

Нами было обнаружено всего лишь три таких фразеологизма.

Da ist ein Und bei. В словаре Х. Кюппера представлено следующее описание данного фразеологизма: «= da gibt es noch eine Schwierigkeit, einen Nachteil. Die Erklärung ist noch nicht abgeschlossen, eine wichtige Fortsetzung steht noch aus» [6, S. 864].

Другой фразеологизм создан на основе союза *aber*, суть этого фразеологизма заключается в том, что это слово здесь олицетворяет любые возражения и преграды. Описание этой идиомы зафиксировано в словарях.

Die Sache hat ein Aber. «(da ist ein Aber bei) = die Sache hat ihre Schwierigkeit, gilt nur mit Einschränkung. Das substantivierte Adverb meint hier soviel wie “Einwand” o.ä.» [6, S. 4].

Третий фразеологизм связан с обобщенным восприятием двух союзов — *aber* и *wenn*. Последнее слово ассоциируется в данной идиоме с сомнениями, неуверенностью: Da gibt es aber noch viele Wenn und Aber.

Da gibt es aber noch viele Wenn und Aber (Spiegel 25, 1977, 103); Jeder weiß, für jeden stehen Dutzende andere auf der Straße, die ohne Wenn und Aber an ihre Stelle treten würden (Wallraff, Ganz unten 184) [5].

Функциональный спектр слов рассмотренного класса в повседневном общении образуют союзные функции и прагматические функции. Союзы могут выполнять указанные функции в составе устойчивых сочетаний или коммуникативных клише. Рассматриваемые слова даже могут иногда употребляться как полнозначные слова в составе фразеологизмов.

Прагматические функции данных слов, как правило, сочетаются с их основными функциями, а порой при употреблении этих слов в обиходном дискурсе прагматические функции становятся доминирующими.

3. Употребление частиц в устойчивых сочетаниях и фразах

Употребление частиц в обиходном дискурсе тесно связано с другим аспектом повседневной коммуникации — с его клишированностью. Употребление стереотипных конструкций является характерной чертой разговорной речи, трудно себе представить повседневное общение без формул речевого общения и многочисленных шаблонных фраз. Клишированность спонтанной речи и употребление частиц — это две черты своеобразия обиходного дискурса, которые тесно взаимодействуют друг с другом. Эта взаимосвязь проявляется в следующем:

1) частица является обязательным элементом некоторых идиом (в данном случае частицы входят в состав фразеологизма в качестве одного из компонентов, создающих экспрессивность устойчивого сочетания);

2) частица — дополнительный компонент устойчивой фразы (частицы не являются обязательным элементом устойчивой фразы, но часто ее сопровождают, т. к. позволяют вписать данную конструкцию в актуальный разговор);

3) частица входит в состав стереотипной фразы, не являющейся собственно идиомой (некоторые фразы с частицами, становятся стереотипными конструкциями повседневного общения в силу частотности употребления, это особенно характерно для фраз, состоящих исключительно из незначительных слов);

4) частицы образуют кластерные объединения, которые в силу рекуррентности приобретают характер стандартных клишированных конструкций.

Рассмотрим более подробно каждый из названных случаев.

Частицы в составе фразеологизмов. В составе устойчивых фраз употребляются преимущественно частицы, характеризующиеся наибольшей частотностью в повседневном общении, — *ja, doch*. Данные лексемы не затрагивают содержания фраз, они усиливают ее экспрессивность. Об их интегрированности в состав фразеологизма свидетельствует зафиксированность в специальных лексикографических изданиях данных конструкций вместе с частицами. Так, в состав следующих фразеологизмов входит частица *ja*.

Das ist ja heiter! Das wird ja heiter! Das kann ja heiter werden! — Веселенькое дело! Хорошенькая история!

Das ist ja mein erstes Wort! — Я об этом первый раз слышу!

Da lachen ja die Hühner! — Это курам на смех!

Das wäre ja noch schöner! (Ausdruck der entrüsteten Ablehnung.) — Вот еще! Еще чего! Этого еще не хватало! Ни под каким видом!

Das wird ja immer schöner! — Час от часу не легче!

Es brennt ja noch nicht! — Нечего так торопиться, ведь не пожар же!

Das ist ja eine reizende / nette / schöne Bescherung! — Вот так сюрприз! Вот тебе и на! Извольте радоваться!

Еще более многочисленной является группа фразеологизмов с частицей *doch*.

Aber nun muss ich doch sehr bitten! (Ausruf der Entrüstung.) — Нет уж позовольте!

Da hört sich doch die Weltgeschichte auf! (Ausruf empörten Erstaunens.) — Это уж слишком! Дальше ехать некуда! Это переходит всякие границы!

Da hört sich doch alles auf! (Ausruf des Erstaunens, der Verärgerung.) — Это уж слишком! Ну, знаете!

Da hört sich doch verschiedenes auf! (Ausdruck der Entrüstung.) — Это уж слишком!

Da hört (sich) doch die Gemütlichkeit auf! — Что за безобразие! На что это похоже! Куда это годится! Это уж чересчур!

Da hat doch einer (jemand) dran gedreht! — Кто-то тут уже свою руку приложил!

Ich bin doch nicht vom wilden Affen gebissen! — Я пока еще с ума не сошел (не спятил)!

Das ist doch keine Art (und Weise)! — Это же ни на что не похоже! Это же недопустимо!

Das sieht doch ein Blinder mit dem Krückstock! — Это и слепому видно!
Das soll doch gleich ein Donnerwetter dreinschlagen! (*Ausruf der Verärgerung.*) — Разрази тебя гром!

Das soll doch der Teufel dreinschlagen! — Черт побери! Черт бы их побрал!

Mein Arsch ist doch keine Münzeanstalt! — Я не купаюсь в золоте! У меня не уйма денег!

Ich kann mich doch nicht zerreißen! — Я же не могу разорваться на части!

Dein Vater ist doch nicht Gläser! — Ты же не стеклянный (отойди)!

Das ist doch zum Davonlaufen! / *Das ist doch nicht zum Aushalten!* — Это прямо невыносимо!

Das ist doch zum Verrücktwerden! — Прямо с ума можно сойти!

К обязательным элементам некоторых фразеологизмов могут быть отнесены также частицы *auch*, *noch mal*, *na*.

Zum Teufel noch mal!; *Himmel noch mal!* — Черт побери!

Zum Teufel auch! *Den Teufel auch!* — Черта с два! (*грубый отказ или протест*); *Zum Donnerwetter auch!* — Ко всем чертям!

Na, dann prost! — Ну, добра не жди!

Na, dann gute Nacht! — Это добром не кончится.

В ряде случаев в словаре при описании фразеологизмов модальные частицы указываются в скобках, что свидетельствует о факультативности их употребления.

Das ist (doch) klar wie Klärchen! — Это яснее ясного.

Das ist (doch) kein Beinbruch! — Это не так уж страшно! Это еще можно пережить.

Du bist mir (ja / vielleicht) einer! — Хорош же ты гусь!

Das ist (doch / schon / ja) für 'n Groschen! — Грош цена этому.

В диалогах устойчивые сочетания нередко сопровождаются частицами, что позволяет данные фразы сделать более экспрессивными.

В повседневной речи нейтральная формула речевого общения благодаря частицам приобретает более доверительный характер: *Na, wie geht es denn?*, *Also bis dann!*, *Na mach's gut!*, что придает общению необходимую тональность.

Частицы в стереотипных фразах, состоящих из незначительных слов.
 В повседневном общении широко распространены стереотипные фразы, состоящие из незначительных слов. Они являются клишированными фразами обиходной речи, которые используются преимущественно в качестве стандартных реагирующих реплик.

Also : *Also dann!* — Ну, хорошо!; *Also doch!* — Стало быть, значит, все-таки! Вот как!; *Na also!* — Вот видишь! Ну, что я тебе говорил! Сразу бы так!; *Also bitte!* — Еще чего!

Auch: *Wenn auch!* — Хоть бы и так!; *Wozu denn auch!* — К чему, в самом деле!; *Tja, wann auch!* — Да когда там!

Denn: *Na denn (eben) nicht!* — Ну, тогда и не надо!; *Wenn schon, denn schon* — Уж делать, так делать; *geschweige denn* — не говоря уже о ...; *es sei denn* — разве что ...; если только не ...

Doch: *Also doch!* — Я так и думал! (знал); *Ja doch!* — Ну конечно!; *Nicht doch!* — Да что ты (вы)!

Eben: *Na eben!* — То-то! Вот именно!; *Dann eben nicht!* — Ну в таком случае [тогда] не надо.

Erst: (Nun) erst recht! — (Теперь) тем более!

Schon: Schon gut! — Ладно (уж)! Ну хорошо!; (Na) und wenn schon! — А хоть бы и так! Ну, это не беда!; Wenn schon, denn schon. ≈ Делать, так делать! Кто сказал А, должен сказать Б.; (Dieser) schon gar nicht! — (Этот) уж ни в коем случае!; Sie sind schon einer! — Вот вы какой!

Приведем несколько примеров употребления подобных фраз с частицей *ja*.

АС: *und die sagt / die haben*

АВ: *nun ja / das ist ja auch bekannt* [7, S. 53].

Кластерные объединения частиц в речи. Диалогические частицы в процессе коммуникации объединяются в кластеры по функциям, они отделяются от основной фразы паузой. Так, в качестве стартовых сигналов могут использоваться одновременно несколько функциональных слов, это преимущественно частицы *ja*, *also*, *na*, *nee*. К ним могут присоединяться слова из других классов и сочетания, выполняющие сходные дискурсивные функции — *ich meine*, *ich glaube*, *so*, *ach so* и т. д.

А: *das is komisch*

*meine Mutter fängt also immer mehr an
sich daran zu gewöhnen*

В: *hm*

А: *also / so / ich mein / meine Ansichten erzähl ich ihr nich / ne* [4, S. 47].

Подобные кластерные объединения являются «мостиком» между соседними фразами и передают динамику когнитивной деятельности коммуниканта, они являются сигналами для слушателя: *also* — «я взял на себя роль говорящего и хочу сделать некоторое обобщение», *so* — «пока еще думаю», *ich meine* — «приготовься выслушать мои соображения».

Кластерные объединения в начале реплики нередко начинаются сочетанием «*ach so*», которое является сигналом восприятия информации, высказанной собеседником.

А: *ja / nee / wir ham uns einladen lassen!*

В: *ach so / naja / ich mein / ich hab ja auch den Vorteil
daß die Feierei nich hier is / ne* [4, S. 69].

Кластерное объединение, выполняющее стартовую функцию, можно разложить на следующие элементы, передающие отдельные кванты информации: *ach so* — «я воспринял сказанное», *naja* — «я сейчас ее обрабатываю», *ich mein* — «приготовься выслушать мои соображения».

В реагирующих репликах используются одновременно несколько слов, для которых характерна функция «поддержание коммуникации» — *ja*, *eben*, *sicher*, *klar* и другие, подобные им.

А: *ah ja / is ja ein en totaler Quatsch
nur um Steuern zu sparen / zu heiraten*

В: *jo / eben / klar*

und außerdem ist das total unmoralisch [4, S. 41].

АВ: *ach so / nein / nein / ich fahre gern ein bißchen*

АА: *ach so / ja / wenn du gerne fährst*

АВ: *na ja / eben / ja / doch / doch*

ich möchte gern ein bißchen fahren [7, S. 68].

Модальные частицы, как и диалогические частицы, в повседневном общении также объединяются в кластеры. Закономерности образования подобных партикулярных комбинаций рассматриваются в работе М. Турмаир [8]. Исследовательница отмечает, что объединение модальных частиц в ре-

чевые кластеры коррелирует с типами предложений и семантикой частиц; данные комбинации всегда интегрированы в основное высказывание.

В повествовательных предложениях встречаются *denn auch; denn wohl; doch einfach; eben einfach; halt eben; halt einfach; doch schon; doch mal; einfach mal; doch ruhig; ruhig mal; ja auch; ja eben; ja einfach; ja mal; ja schon; ja sowieso; ja wohl; doch sowieso; wohl auch; wohl sowieso; denn doch; doch wohl; doch nicht etwa*.

Для вопросительных предложений без вопросительного слова характерны *denn auch; denn wohl; auch JA; denn eigentlich; denn etwa; denn nicht*. Следующие комбинации употребляются в вопросительных предложениях с вопросительным словом: *denn auch; denn wohl; denn eigentlich; denn bloß; denn nur; denn schon; auch schon*.

Побудительные предложения являются средой функционирования таких комбинаций, как *doch bloß; doch nur; doch einfach; eben einfach; halt eben; halt einfach; doch schon; doch mal; doch ruhig; ruhig mal; auch JA; bloß JA; nur JA; nur mal; nur ruhig; halt schon; halt mal; eben mal*.

В отдельную группу исследовательница выделяет предложения, выражающие желание, где употребляются *doch bloß; doch nur; einfach mal*.

В восклицательных предложениях встречаются *doch bloß; doch nur; auch bloß; auch nur; aber auch* [8, S. 282].

Как показывает анализ, в реальных разговорах могут быть самые разнообразные комбинации частиц. Решающими факторами для одновременного употребления нескольких частиц являются тип предложения и непротиворечивость контекста семантике частицы.

Проиллюстрируем наиболее употребительные в обиходном дискурсе комбинации частиц.

AB: *ja / denn / ich mein / man spart da ja auch Kraft / nicht? wenn man äh immer an alles denken will*

AC: *genau / genau* [7, S. 57].

Сочетание *ja auch* является одним из наиболее употребительных. Данные частицы встречаются, как правило, в аргументативных высказываниях. *Ja* подчеркивает известность сообщаемого собеседнику, а *auch* — стандартность ситуации.

Партикульный комплекс *doch mal* является характерным для директивных высказываний. *Doch* указывает на некоторое несоответствие, противоречие и подчеркивает корректировку действий (*не сомневайся, не раздумывай!*), *mal* подчеркивает несложность, ненастойчивость предложения.

AA: *ja / komm doch mal raus* [7, S. 63].

В спонтанной речи нередко встречаются комплексы частиц, которые включают более чем две частицы.

AA: *ach / der war überhaupt aber noch teilweise erhalten / ja?* [7, S. 57].

Таким образом, употребление частиц в обиходном дискурсе связано тесным образом с его клишированностью. Это проявляется в употреблении частиц в составе кластерных объединений. Модальные частицы объединяются с другими модальными частицами, а диалогические частицы со словами, выполняющими сходные дискурсивные функции.

Другой аспект взаимосвязи частиц с клишированностью повседневной речи проявляется в том, что они нередко интегрируются в устойчивые фразы или сопровождают их в речи с целью повышения экспрессивности высказывания и придания им смысла, соответствующего контексту.

4. Первообразные междометия — конструирующий элемент речевых клише

Типичные эмоции, закрепленные за данным словом, сопровождаются, конкретизируются стандартными фразами, которые нередко вместе с междометием становятся устойчивыми сочетаниями. Междометия немецкого языка являются элементом многих фразеологизмов. Тот факт, что междометия могут быть конструирующими элементами фразеологизмов, отмечается в работе Н. Ю. Шведовой, посвященной синтаксису русской разговорной речи [2]. Из всех междометий немецкого языка наиболее продуктивным в плане участия в создании устойчивых сочетаний является слово *ach*.

Ach: *Ach so. Ach nee/ Ach nein! Ach ja. Ach prima! Ach nur! Ach, du Schande! Ach, ich habe keine Ahnung. Ach wo! Ach was? Ach übrigens... Ach du dickes Ei! Ach du meine Güte! Ach du liebes Lieschen! Ach du liebes bisschen! Ach du heiliger Strohsack! Ach du liebe Zeit! Ach du lieber Gott! Ach du heiliger Bimbam! Ach du meine Fresse! Ach du Schande! (Ach du) lieber / heiliger Himmel! Ach herrje / herrjemine! Ach du grüne Neune! Menno! Ach menno!*

Междометие *och*, отмечаемое в словаре как разговорный эквивалент слова *ach*, является не столь продуктивным в области формирования междометных фразеологических единиц, поэтому примеры устойчивых сочетаний с данным словом немногочисленны.

Och: *Och, der Ärmste! Och Gott! Och Mann!*

Междометные фразеологические единицы формируются также вокруг слова *oh*.

Oh: *Oh Mensch! O du liabs Herrgöttle von Biberach! O mein Gott! Oh Gott! Oh leck! O / Oh Graus!*

Pfui: *Pfui Spinne / Teufel!*

Таким образом, при изучении немецких служебных слов следует уделять особое внимание их употреблению в составе устойчивых сочетаний и фраз, т. к. в этих случаях функции незнаменательных слов могут отличаться от их основных функций.

Предлоги и союзы в устойчивых сочетаниях и фразах могут служить не только для выражения грамматических отношений, но и для передачи дополнительного содержания, сообщения прагматической информации. Как правило, в подобных случаях наблюдаются отступления от нормативного употребления, проявляющиеся в нереализованной валентности (например, у предлогов опускается один из элементов предложения, у союзов придаточное может употребляться в качестве самостоятельного предложения).

Частицы и междометия в устойчивых сочетаниях и фразах могут служить для того, чтобы вписать высказывание в контекст, либо лишь для усиления эмоциональности высказывания. В первом случае частицы и междометия являются факультативными элементами устойчивых сочетаний и не всегда фиксируются словарями, во втором случае они — обязательный элемент фразеологизма.

Библиографический список

1. *Городникова М. Д., Добровольский Д. О.* Немецко-русский словарь речевого общения. М.: Рус. яз., 2002.
2. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003.
3. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык: лексика. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006.
4. *Brons-Albert R.* Gesprochenes Standarddeutsch: Telefondialoge. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1984. (Studien zur deutschen Grammatik; Bd. 18).
5. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: In 10 Bänden. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2000. (10 Bände auf CD-ROM. PC-Bibliothek Version mit Plus-Paket).
6. *Küpper H.* Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart; Dresden: Klett, Verlag für Wissen und Bildung, 1993.
7. *Texte gesprochener deutscher Standardsprache: [Т.] 3: Alltagsgespräche. Reihe 2. Texte.* 1. Aufl. München: Max Hueber Verlag, 1975. Bd. 3 / Hrsg. von H. Steger, U. Engel und H. Moser.
8. *Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen // Linguistische Arbeiten. Tübingen: Niemeyer, 1989.
9. *Weinrich H.* Textgrammatik der deutschen Sprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993.

ББК 81.432.1

Е. А. Вансяцкая

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ И СОКРЫТИЯ ЭМОЦИЙ КОММУНИКАНТОВ-ДЕВОЧЕК (На материале англоязычных художественных текстов)

Уже долгое время ученые пытаются разрешить спор, является ли невербальная коммуникация врожденной или приобретенной. Свой вклад в решение этого вопроса внесли американские ученые П. Экман и У. Фризен, которые для объяснения своей теории предложили использовать понятие «демонстрационные правила» (display rules) для экспрессивного поведения [5]. Ученые пришли к выводу, что оба подхода по сути являются правильными. Для подтверждения этого положения П. Экман разработал нейрокультурную теорию выражения эмоциональных состояний (в частности, аффекта) на лице, согласно которой существуют определенные звенья в человеческом мозге, отвечающие за связь эмоционального состояния и определенной группы лицевых мышц [4]. В своей теории ученые важное место отводят идее социального обучения, по которой каждый человек обучается определенному набору демонстрационных правил, соответствующих личностным, ситуационным и культурным нормам. Использование этих правил зависит не только и не столько от знаний о том, как и какие эмоции можно проявлять в зависимости от конвенциональных норм того или иного социального контекста, но прежде

всего от мотивации и способности контролировать свое собственное поведение в соответствии с полученными знаниями [16, 18]. К наиболее распространенным формам демонстрационных правил относятся:

1) симуляция — проявление тех или иных чувств, которые вы в данный момент не испытываете;

2) подавление — создание впечатления, что у вас нет никаких чувств, в то время как в действительности они у вас есть;

3) маскировка — сокрытие реального чувства тем, которого в данный момент у вас нет.

Эмоции находят свое выражение еще в самом раннем детстве и, по мнению ученых, могут контролироваться двумя способами. В детстве происходит автоматический контроль эмоций, и лишь постепенно, с развитием обучения, эмоции начинают свободно/осознанно контролироваться ребенком. Именно второй тип обеспечивает необходимую основу для самоуправления экспрессивным поведением в межличностных контактах. Таким образом, ребенок должен не только иметь способность контролировать свое поведение, но и обладать определенным социальным опытом, который учит его правилам межличностных контактов, а также когнитивной способности понимать, как его поведение воспринимается остальными.

Экспериментальные исследования [6, 21], проведенные со взрослыми, подтвердили, что эмоциональные состояния, не выражаемые вербально, могут проникать через невербальный канал, который контролирует говорящий. К способам передачи относят мимику, свойства голоса (высота, тон) и телодвижения. Было доказано, что легче всего контролировать мимику, т. е. лицевые движения, в то время как голос и движения тела выдают говорящего, выражая истинную информацию, скрываемую им.

Было также отмечено, что мужчины и женщины имеют различный потенциал в симулировании, подавлении и маскировке эмоций. Как правило, женщины лучше и точнее кодируют свои эмоциональные состояния, чем мужчины, а также им присуща способность лучше их распознавать [9]. В свою очередь, мужчины должны обладать лучшей способностью подавлять свои эмоции, а женщины превосходят их в маскировке эмоций, т. к. женщины имеют больший опыт в выражении своих экспрессивных состояний. Но о каких-то больших, принципиальных различиях между мужчинами и женщинами говорить нельзя [17].

Можно предположить, что в определенном возрасте происходит коммуникативное развитие у мальчиков и девочек и они учатся различным возможностям сокрытия эмоциональных состояний. Проводимые исследования подтверждают мысль, что дети младшего школьного возраста не обладают необходимыми знаниями и умениями, чтобы скрывать или подавлять свои истинные эмоциональные состояния [16]. Таким образом, демонстрационные правила являются конвенциональными социальными нормами, которым детям необходимо научиться. При этом некоторые ученые отмечают, что существуют определенные различия между мальчиками и девочками в сокрытии эмоций — девочкам удается лучше, чем мальчикам, притворяться, причем это умение приходит с годами [8]. При исследовании возрастных групп детей 5, 9 и 13 лет ученые выяснили, что детям удается продуцировать некоторые мимические элементы, которые входят в передачу более сложных эмоций (счастье, удивление, гнев, отвращение, страх и печаль). При этом способ-

ность улучшается с возрастом, но выражать отрицательные эмоции сложно даже детям старшей возрастной группы [7, 15].

Ученые предполагают, что дети в возрасте от 6 до 12 лет обязательно должны демонстрировать экспрессивный контроль, причем он передается успешнее по мимическому каналу, чем по вокальному (голосовые изменения), ввиду того, что движения лица легче контролировать. Учеными было сделано предположение, что в результате проведения эксперимента будут обнаружены различия по полу. Мальчикам лучше удастся подавление эмоций, а девочкам — их маскировка при выражении как положительных, так и отрицательных эмоций [17]. Принимая во внимание теорию обучения и теорию когнитивного развития, было отмечено, что те дети, чей уровень общения с другими выше (по мнению родителей и других детей в семье), тем легче им удастся освоить экспрессивный контроль. Детям младшего возраста (6—7 лет) сложно притворяться относительно отрицательных эмоций и сокрытия их, в то время как к 10—12 годам это удастся легче. Что касается сокрытия или маскировки положительных эмоций, то все возрастные группы испытывали трудности. Единственное различие между мальчиками и девочками при маскировке, сокрытии эмоций, наблюдается при подавлении отрицательных эмоций посредством мимического канала. К 10—12 годам мальчики легко «нейтрализуют» свои негативные чувства. Это положение согласуется с другими психологическими исследованиями [3, 12], в которых констатировалось, что подавление аффективного поведения является закономерным возрастным развитием мальчиков в отличие от девочек.

Принимая во внимание психологические исследования, обратимся к художественной литературе для детей, которая предоставляет нам большие возможности для анализа интересующего нас явления, а именно невербального поведения детей. Исходя из предположения, что дети, в отличие от взрослых, не стараются, да часто и не умеют скрывать свои чувства, постараемся доказать это на материале литературы для детей. Материалом исследования послужило творчество англоязычных детских писателей XX и начала XXI века. Основным для выделения тех или иных литературных произведений в класс детских служит критерий адресованности с изначально осмысленной автором в момент написания произведения направленностью произведения к детской аудитории. Для анализа детских прозаических произведений основой выбора послужила репрезентативность исследуемого явления — невербального поведения детей. Нами были проанализированы примеры из речи детей, полученные методом сплошной выборки. Коммуниканты-дети испытывают определенную эмоциональную реакцию (далее — ЭР), которая передается по одному из каналов — вербальному либо невербальному. Необходимо подчеркнуть, что для анализа нами отбирались лишь те примеры, коммуниканты в которых достигли младшего школьного возраста (6—7 лет), т. к. речь ребенка уже достаточно сформирована и он не испытывает трудностей фонетического, морфологического и синтаксического характера, а также имеет достаточно сформированный словарь. Дети, герои художественных произведений американской прозы, как правило, принадлежат к среднему классу, и поэтому их речь можно признать нормативной для детей их социального статуса и уровня развития.

Нами был проанализирован большой массив примеров, но в данной статье обратимся к монополювым коммуникативным актам, в которых описывается речь коммуникантов-девочек.

Перед нами не стоит задача последовательного анализа тех или иных видов невербального компонента коммуникации (далее — НВК), чтобы определить частоту их употребления. Задача данного исследования — проследить, как и каким образом происходит вербализация положительных и отрицательных эмоций. Рассматриваемые примеры проанализированы в соответствии с определенной методикой: описание типа НВК, сопровождающего речевой акт; указание языкового коррелята (далее — ЯК), с помощью которого НВК представлен в тексте; описание ЭР коммуниканта 1 (говорящего). В некоторых случаях необходимо обращение к вербальной части высказывания или к прагматическому контексту для установления истинного характера ЭР.

Исходя из того что в коммуникативном акте могут использоваться как вербальные, так и невербальные составляющие, представляется важным изучить, как они соотносятся между собой при описании ЭР коммуникантов. Начнем анализ подобных текстов с рассмотрения ситуаций, в которых вербальный компонент (далее — ВК) и НВК отражают одну и ту же ЭР. Таким образом, оба эти компонента согласуются друг с другом и, на наш взгляд, можно говорить о конгруэнтных (согласованных) высказываниях.

Проведенный анализ позволит выяснить, как происходит вербализация тех или иных видов ЭР в речи коммуникантов-девочек.

За основу мы берем классификацию, разработанную В. В. Ганиной [1], в соответствии с которой выделяются следующие классы НВК.

1. **Паралингвистический класс НВК**, в который входят фонационные и респираторные НВК.

2. **Кинетический класс НВК**, в котором можно различать следующие виды НВК: жестовые, мимические, пантомимические и тактильные.

3. **Миремические НВК**, которые имеют отношение к взгляду человека.

В корпусе фактического материала предполагается последовательно обратиться к анализу положительных и отрицательных ЭР. Они могут быть выражены отдельными видами НВК, а также с помощью их комбинаций или комплексов.

Выражение положительных ЭР с помощью отдельных видов НВК

Анализ примеров художественной литературы, а также данные, полученные экспериментальной психологией, позволяют сделать вывод о том, что с помощью фонации и жестов легче всего контролировать лицевые движения, а труднее всего скрывать информацию и, следовательно, истинный характер переживаемых чувств. Поэтому обратимся к анализу примеров мимических, фонационных и жестовых НВК, которые достаточно часто встречаются в произведениях для детей американских писателей.

1. “I guess every kid should be proud of his pet,” Sally said softly [19, p. 29].

Рассматриваемый отрезок текста имеет ярко выраженную положительную окраску. Специфическим средством ее выражения является ЯК фонационного НВК «to say softly». Входящее в описание НВК наречие «softly» интенсифицирует положительную ЭР заботы и любви к домашним животным.

2. In the case was the necklace. It glittered under the light.

“Oh,” Violet whispered. “It’s so beautiful” [20, p. 38].

Коммуникативно-прагматическая ситуация свидетельствует о восхищении коммуниканта, что находит подтверждение в ВК, в котором присутствует положительно коннотированное прилагательное «beautiful». Респираторный НВК выражен глагольной номинацией «to whisper», что свидетельствует об

интенсивности переживаемой эмоции, такой как восторг. Эмоция настолько захватывает коммуниканта, что он испытывает трудности при ее вербализации.

3. “Hi,” said the girl, as her sneakers brought her to a squeaky halt. She had a thicket of red hair and a face busy with freckles. When she smiled, her braces sparkled [11, p. 4].

В анализируемом примере девочка прибегает к мимическому НВК, отраженному в тексте с помощью ЯК «to smile». Улыбка, как известно, амбивалентна, поэтому для правильного декодирования ситуации необходим прагматический контекст, который в данном случае показывает, что коммуникант проявляет радость от знакомства с новыми детьми.

4. Jeannie gave her a big hug. “Garnet, I’m so proud of you,” she said. “I guess I just didn’t know a winner when I saw one” [2, p. 94].

В приведенной ситуации ЭР выражается коммуникантом с помощью жестового (в широком смысле) НВК, ЯК которого выражен словосочетанием «to give a big hug», а словарная дефиниция «to put your arms around someone to show your love or friendship» [13, p. 700] согласуется с характером коммуникативной ситуации. Коммуникант-девочка испытывает радость от победы сестры в соревнованиях.

Выражение отрицательных ЭР с помощью отдельных видов НВК

В корпусе фактического материала для отражения отрицательных ЭР преобладают группы фонационных НВК.

5. “I don’t like practical jokes,” Sally said disgustedly [19, p. 67].

В анализируемой коммуникативно-прагматической ситуации выражается негативное эмоциональное состояние коммуниканта. Информация о направленности ЭР передается через номинацию фонационного НВК «to say disgustedly». Основным компонентом, необходимым для верного декодирования невербального поведения говорящего, является наречие «disgustedly», словарная дефиниция которого «in an extremely unpleasant manner» [13, p. 395] подтверждает, что фонационный НВК передает отрицательную ЭР отвращения.

Второй разновидностью этого класса НВК является респираторный НВК, который также можно считать достаточно распространенным в речи девочек младшего школьного возраста.

6. Jessie sighed and said, “Let’s go back to the pond and cool off” [20, p. 41].

В коммуникативном акте присутствует ЯК респираторного НВК — «to sigh». ВК в данной ситуации окрашен нейтрально, поэтому для дешифровки ЭР необходим прагматический контекст. Коммуникант испытывает отрицательную ЭР разочарования, связанную с личными переживаниями, которая выражается по невербальному каналу.

7. I waved sadly to Kristy as Elizabeth drove down the street [14, p. 17].

Героиня использует жест, который представлен в тексте с помощью ЯК «to wave», семантика которого нейтральна, — «to move your hand to say hello or goodbye or as a signal» [13, p. 1618]. Однако данный глагол модифицирован наречием «sadly» с ясно выраженной отрицательной коннотацией, что и позволяет правильно декодировать ситуацию, которая имеет отрицательную окраску: девочка огорчена расставанием, поэтому через НВК жестового характера выражена отрицательная ЭР печали.

8. “Do you have to get so dressed up for your lessons? I mean, can’t you ever relax?” Cammy grimaced [10, p. 30].

В рассматриваемом примере коммуникант-девочка совершает мимическое движение, которое представлено ЯК «to grimace». Он окрашен негативно, что подтверждается словарной дефиницией ЯК, входящего в описание НВК, — «to make an ugly expression by twisting your face, because you do not like something» [13, p. 625]. В данной коммуникативно-прагматической ситуации героиня испытывает отрицательную ЭР недовольства.

Выражение положительных ЭР с помощью комплекса НВК

В условиях реальной коммуникации НВК редко встречаются изолированно, например только жест или улыбка, а чаще всего в виде комплексов, передающих положительные или отрицательные ЭР. Различные виды НВК, образующие комплекс, дополняют и подкрепляют значение друг друга, способствуя выражению психологического состояния героя. Автор художественного текста, будучи представителем определенного социума, не может игнорировать этот факт, а должен выражать его с помощью метаязыка и определенных лингвистических средств.

Использование нескольких видов НВК, имеющих однонаправленный характер (положительный или отрицательный), позволяет нам проследить интенсивность переживаемой коммуникантом ЭР.

Обратимся к рассмотрению использования различных сочетаний НВК коммуникантами-девочками с целью выражения положительной ЭР. Преобладающей структурой сочетаний НВК является мимический НВК + жестовый НВК, что подтверждает данные психологии о возможных способах вербализации ЭР.

9. Jessie's face broke into a big smile. She put her hand over the receiver and said, "It's her!" [20, p. 94].

В приведенном коммуникативном акте ЭР, испытываемая коммуникантом, передается через НВК двух видов: мимический и жестовый. Мимический НВК представлен предикативной фразой «smb's face broke into a big smile», а также глагольной номинацией «to put the hand over». Для правильного анализа ситуации и определения истинного характера ЭР необходимо привлечение прагматического контекста. В данном случае коммуникант-девочка испытывает ЭР радости, т. к. по телефону ей удалось найти человека, о чем она сообщает окружающим, прикрывая рукой трубку.

Выражение отрицательных ЭР с помощью комплекса НВК

Проведенный анализ позволяет говорить, что в феминной группе наиболее распространенной структурой при выражении отрицательных ЭР является сочетание жестового НВК + фонационного НВК.

10. For the first time since Sparkler had arrived, Garnet wondered if she should have bought him. Nothing had gone right. She leaned her head against the wall and cried [2, p. 45].

В рассматриваемой коммуникативно-прагматической ситуации испытываемая коммуникантом-девочкой отрицательная ЭР передается по нескольким невербальным каналам. Жестовый НВК представлен глагольной номинацией «to lean the head against smth», а фонационный НВК передается глаголом «to cry». НВК дополняют друг друга и выражают отрицательную ЭР разочарования.

Необходимо отметить, что в речи детей достаточно часто находит отражение физиологическое проявление эмоций. Это подтверждает мысль о том, что детям трудно, а до определенного возраста просто невозможно контролировать проявление своих чувств, поэтому именно неконтролируемое их

выражение свидетельствует об истинно переживаемых эмоциях. Отрицательные эмоции гораздо чаще передаются в тексте художественного произведения.

11. Рассмотрим пример.

She must conquer her fear now. Her knees wouldn't stop shaking as she moved next to the horse. She hoped Sparkler wouldn't sense her fear. Garnet took a deep breath and set her body in motion. Her mind froze. Then she was sitting on Sparkler [2, p. 70].

В анализируемой ситуации, которая имеет отрицательную направленность, коммуникант последовательно испытывает различные психофизиологические проявления страха. Они представлены рядом глагольных номинаций «to shake (about knees)», «to take a deep breath» и «to freeze (about mind)». Они свидетельствуют о том, что коммуникант испытывает сильный страх перед первой поездкой на необъезженной лошади, и это находит свое отражение в литературном произведении.

12. Коммуниканты-девочки также испытывают положительные эмоции, которые проявляются в психофизиологических реакциях.

Sammy opened the letter and read it. Her ears felt hot. Happiness filled her [10, p. 31].

В рассматриваемом отрезке текста коммуникант проявляет свою положительную ЭР через физиологическую реакцию, которая представлена посредством предикативной фразы «smb's ears felt hot». То, что испытанная ЭР окрашена положительно, подтверждает использованное автором позитивно окрашенное существительное «happiness».

Тем не менее произведения художественной литературы регистрируют случаи, в которых героини являются неискренними, и для правильного понимания ситуации необходимо привлечение прагматического контекста и экстралингвистических факторов.

13. Рассмотрим пример, в котором героиня притворяется, играя во взрослую жизнь.

Rachel extended her hand. "Hello," she said. "I'm Barbra Streisand" [11, p. 20].

Девочка младшего школьного возраста мечтает стать певицей и актрисой, поэтому часто притворяется при общении с другими детьми. Она совершает мануальный жест, представленный ЯК «to extend one's hand», который, по ее мнению, присущ человеку взрослому, во-первых, и творческой профессии, во-вторых. Подобным образом девочка проявляет радость от прихода гостя.

14. В следующем примере, героиня проявляет хитрость, чтобы добиться награды, прибегая к комплексу НВК.

"This is my first marathon, and I didn't think I could make it," she said panting. She wiped her face with a forearm and smiled bravely at the TV camera [19, p. 78].

Героиня, принимавшая участие в марафоне, решила прославиться по-своему: она пришла последней. Демонстрируя усталость, она совершает ряд действий — фонационное, жестовое, а также мимическое, которые представлены рядом глагольных номинаций — «to say panting», «to wipe one's face» и «to smile bravely». Все они направлены на то, чтобы вызвать сочувствие в

пользу говорящего. Лишь привлекая очень широкий контекст, мы узнаем, что вся усталость надуманна, т. к. все это время девочка пряталась в кинотеатре.

Таким образом, тексты художественных произведений для детей регистрируют ситуации, когда девочки проявляют определенные способности к маскировке истинно переживаемых ими чувств, стремясь произвести определенное впечатление на адресата.

Проведя небольшое исследование примеров речи коммуникантов-девочек (на материале художественной литературы), можно прийти к определенным выводам.

1. В речи девочек присутствуют различные виды НВК, но нами для анализа отбирались лишь те, которые, по данным психологии, определено легко/трудно скрыть.

2. Чаще всего в маскировке эмоций используется фонационный вид НВК, реже это осуществляется с помощью мимических и жестовых НВК.

3. Дети не обладают способностью притворяться или скрывать свои истинные, переживаемые ими чувства, поэтому в текстах художественного произведения превалируют конгруэнтные высказывания с различными типами НВК.

4. Как правило, дети говорят то, что чувствуют, хотя зарегистрированы случаи отражения в речи героинь скрываемых либо подавляемых эмоций. Наряду с вербальными средствами дети учатся и невербальным средствам, а также тому, как скрывать, подавлять свои эмоции или притворяться.

Библиографический список

1. *Ганина В. В.* Невербальные компоненты коммуникации, отражающие эмоциональные реакции человека: Гендерный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2005.
2. *Anderson M. D.* *The Wild Arabian*. Willowship Press, 1987.
3. *Buck R.* Nonverbal Communication of Affect in Preschool Children: Relationships with Personality and Skin Conductance // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1977. Vol. 35.
4. *Ekman P.* Universals and Cultural Differences in Facial Expression of Emotion // *Nebraska Symposium of Motivation* / Ed. by J. K. Cole. University of Nebraska Press, 1971.
5. *Ekman P., Friesen W. V.* Nonverbal Leakage and Clues to Deception // *Psychiatry*. 1969. Vol. 32.
6. *Ekman P., Friesen W. V.* Detecting Deception from the Body or Face // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1974. Vol. 29.
7. *Ekman P., Roper G., Hager J. C.* Deliberate Facial Movement // *Child Development*. 1980. Vol. 51.
8. *Feldman R. S., White J. B.* Detecting Deception in Children // *Journal of Communication*. 1980. Vol. 30.
9. *Hall J. A.* Gender Differences in Nonverbal Communication Skills // *Quantitative Assessment of Research Domains* / Ed. by R. Rosenthal. San Francisco, 1980.
10. *Hamilton V.* *Cousins*. Scholastic Inc., 1990.
11. *Howe J.* *What Eric Knew*. N. Y.: Avon Books, 1985.
12. *Maccoby E. E., Jacklin C. N.* *The Psychology of Sex Differences*. Stanford University Press, 1974.
13. *Macmillan English Dictionary*. Bloomsbury Publishing Plc., 2006.
14. *Martin A. M.* *Karen's Little Sister*. Scholastic Inc., 1989.

15. Odom R. D., Lemond C. M. Developmental Differences in the Perception and Production of Facial Expressions // Child Development. 1972. Vol. 43.
16. Saarni C. Children's Understanding of Display Rules for Expressive behavior // Developmental Psychology. 1979. Vol. 15.
17. Shennum W. A., Bugental D. B. The Development of Control over Affective Expression in Nonverbal Behavior // Development of Nonverbal Behavior in Children / Ed. by R. S. Feldman. Springer-Verlag New York Inc., 1982.
18. Snyder M. Self-monitoring of Expressive Behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1974. Vol. 30.
19. Sobol D. J. Encyclopedia Brown Sets the Pace. Scholastic Inc., 1982.
20. Warner G. C. The Mystery of the Hidden Painting. Scholastic Inc., 1992.
21. Zuckerman M., Larrance D. T., Spiegel N. H., Klorman R. Controlling Nonverbal Cues: Facial Expression and Tone of the Voice // Journal of Experimental Social Psychology. 1981. Vol. 17.

ББК Ш 101 + Ш 143.21-1

К. М. Денисов

ОБ ОДНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРИАДЫ АНГЛИЙСКОЙ ИНТОНАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

При интонировании высказывания говорящие на английском языке сталкиваются с тремя стратегическими задачами: членением речевого потока на смысловые отрезки (*intonation phrases*, или *chunks*), определением позиции интонационного центра (*nucleus*) относительно прочих элементов интонационного контура и выбором ядерного тона (*nuclear tone*). Лингвистические интонационные системы, питающие эти стратегии, получили в английском языке названия *tonality*, *tonicity* и *tone* [3, p. 6].

Определяя содержание каждого из этих понятий, английские фонетики следуют номенклатурно-функциональному принципу, смысл которого заключается в анализе единиц, включающих признаки данного понятия, и в установлении их соответствующей функциональной атрибуции.

Так, понятие *tonality*, первое из «трех Т», или «триады» интонационных систем, объемлет процесс принятия решений по членению речевого потока на отрезки (*chunks*). Каждый интонационный отрезок ассоциируется с определенной интонационной структурой (*intonation pattern*) и носит название интонационной фразы — ИФ (*intonation phrase*, или *IP*). Каждая ИФ, или тональная группа, имеет собственную интонационную структуру (*tune*). Характер членения и организации речевого потока в конечном счете определяется стратегией формирования *информационной картины* высказывания. К примеру, высказывание *We don't know who she is* может быть либо представлено единой ИФ, либо делиться в зависимости от информационной важности отрезков следующими возможными способами:

- We don't know | who she is.
- We | don't know who she is.
- We don't | know who she is.
- We | don't know | who she is.

Таким образом, термин *tonality* означает не только членение речевого потока, но и его организацию путем сопоставления и противопоставления единиц членения по критерию информативной важности. *Информация* понимается при этом очень широко (как *предметно-логическая, психологическая, грамматическая, демаркационная, дискурсивная*). В связи с типом передаваемой информации образуется функциональное поле переменных величин просодической номенклатуры (пауз, темпа, мелодики, ритма и др.), составляющих устойчивые, произвольные комбинации, или *интонемы*, т. е. дискретные единицы данной интонационной (лингвистической) системы.

Функциональное поле интонационной системы, обозначенной термином *tonicity*, включает *фокусирующий* (выбор и акцентирование ядра фразы) и *прагматический* компоненты. Говорящие используют ударение, громкость, тембр, темп и тональные изменения для выделения слов или словосочетаний, наиболее важных с точки зрения передаваемого ими значения. Таким образом, создается интонационный (+ информативный) центр, так называемое *ядро* высказывания (ударный слог самого важного слова). *Ядро*, как обязательный компонент любой ИФ, может быть подвижно, чему немало способствуют факультативные элементы его орбитальной периферии: предъядерный участок, включающий *предтакт* и *шкалу*, и заядерный участок, или *хвост*. Границы всех элементов интонационной структуры фразы не обязательно совпадают с границами слов, но обязательно совпадают с границами слогов.

Для каждого из абсолютного большинства высказываний подходит целый набор возможных интонационных группировок. В соответствии с изменяемым значением и речевым контекстом ядро может возникнуть в любом месте ИФ. К примеру, фраза *We are 'planning to fly to 'Italy*, где ядро подчеркнуто, а ударные слоги выделены диакритикой ('), может быть произнесена в зависимости от прагматической ситуации следующим образом:

- We are 'planning to 'fly to Italy.
- We are 'planning to fly to Italy.
- 'We are planning to fly to Italy.

Tone как система просодических элементов, демонстрирующих направление, характер, регистр и диапазон динамики основного тона в сочетании с тональным поведением предъядерного и заядерного участков интонационной структуры фразы, ассоциируется с функциями выражения *личностного отношения, синтаксической, или коммуникативной, и прагматической*. Общей для всей перечисленной триады считается функция *индексации*. Вместе с сегментной составляющей интонация является показателем социальной или личностной идентичности, манеры и стиля говорения [2, p. 15].

Центральной для данной триады систем является *tonicity*, поскольку именно размещение ядерных тонов определяет как синтагматическое членение (интонационную фразировку), так и положение статических и динамических тонов в каждой ИФ. Очень важным в этой связи представляется вопрос критериев ядерной акцентуации в речи. Особенно актуальна данная проблема для лиц, изучающих английский язык как иностранный.

Итак, *ядро* представляет собой завершающий и наиболее проминантный участок ИФ; это — слово, выделенное по *прагматическому критерию* информационной значимости и снабженное одной из разновидностей ядерных (динамических) тонов (fall, rise, fall-rise, etc.).

С фонетической точки зрения, *ядро* — это особо ударенный слог, вершина которого отличается одновременным изменением тонального уровня (высоты основного тона) и сигнализирует о начале тонального движения. Ударение в ядре носит ритмизованный характер, т. е. обладает *ритмическим акцентом* (rhythmic beat).

Одним из критериев размещения ядра считается *лексический критерий*. Для того чтобы сделать слово ядром интонационной фразы, мы должны разместить *тон-акцент* на лексически ударном слоге. Словесное ударение является просодическим компонентом правильного произнесения слова, закрепленного в словаре. Место его положения определяет, в частности, степень редукции безударных гласных многосложных слов по долготе и качеству, тем самым задавая особый ритм как самому слову, так и дискретной части речевого континуума, содержащей это слово.

Следующим критерием локализации ядра является признак конечности позиционирования. Ядро, по определению, обычно располагается на последнем значимом слове или вблизи последнего слова ИФ. Если заключительное слово в ИФ несет смысловую нагрузку, оно будет носителем тон-акцента, как в следующих примерах:

- The 'bridge is about to col'lapse
- I'd 'like to buy 'crackers
- 'Could you tell me the 'time?

Акронимы, наименования букв и числительные рассматриваются как отдельные слова. В цепочке нескольких букв или цифр, ядро, таким образом, выпадает на последний элемент:

- My 'room number is 50'6.
- 'Switch over to MT'V.

Лексический по происхождению ядерный акцент приобретает далее дифференцирующий *грамматический критерий*. В английской морфологии принято универсальное деление слов на значимые (*content*) и служебные (*function*). К *значимым словам* относятся существительные, прилагательные, большинство глаголов и наречий. Лексические значения таких слов определяются словарем, и слова эти имеют, как правило, прямые переводные эквиваленты в других языках. К *служебным словам* относятся местоимения, предлоги, союзы, артикли, частицы, вспомогательные глаголы, модальные глаголы. Значение этих слов полностью объясняется грамматикой, а не словарем. Подобные слова могут не найти прямых переводных эквивалентов в других языках.

Таким образом, ядерному выделению обычно подлежат значимые слова, а не служебные. В особенности это касается личных местоимений, предлогов, вспомогательных и модальных глаголов и их всевозможных комбинаций. Вот лишь несколько примеров:

- I 'can't 'hear you.
- 'Ask him what that 'din is.
- 'Who do you think you are 'talking to?
- We've 'just received a 'parcel from her.
- They did 'better than I 'thought they would.

При определении понятия *последнего значимого слова* отдельно следует упомянуть поведение композитов. Большинство композитов в английском языке являются одноударными (*single-stressed, front stressed, early stressed*).

Их интонационное поведение ничем не отличается от поведения простых односоставных слов. Ядерный тон-акцент приходится на ударный слог их первого элемента вне зависимости от начертательной разновидности композита: слитная (*close*), дефисная (*hyphenated*) или двухсловная (*open*). Это видно из следующих примеров:

- 'Put the pumpkin in the 'wheelbarrow.
- She's 'lost her 'credit card.
- They e'ventually 'caught that nasty 'fire-raiser.

Композиты могут содержать вставки (*nested compounds*), т. е. один из компонентов композита может сам состоять из более чем одного элемента. Если внешний композит одноударен, то ядерный тон-акцент будет также приходиться на первый элемент:

- 'credit card bill = bill for using a credit card {' ['credit card]bill }

Некоторые английские композиты являются двухударными (*double-stressed, late-stressed, end-stressed*), т. е. обладать главным, или первичным (*primary*), и вторичным (*secondary*) акцентами. Главное лексическое ударение приходится на второй компонент, соответственно, и ядерный тон-акцент в этом случае будет приходиться на второе слово:

It was 'Christmas 'Eve.

There are some 'ham 'sandwiches.

Следующие типы композитов в английском языке являются двухударными.

1. Имена собственные (|*Rupert 'Murdoch, |James Mc 'Donnell*).
2. Названия улиц и публичных мест [|*Victoria 'Road, |Oxford 'Avenue* (за исключением композитов, оканчивающихся на *street* — '*Oxford Street*)].
3. Названия гостиниц и школ [|*Harvey Ho'tel, |Trinity 'College, |Bailey's 'Restaurant* (но '*high school, 'secondary school, 'Pizza Hut*)].
4. Композиты, в которых первый элемент указывает на место или время [|*Christmas 'Eve, |Christmas 'Day, |Christmas 'pudding, |summer va'cation, |evening meal, |Town 'Hall, |kitchen 'window* (но '*Boxing Day, 'Christmas present, 'Christmas card, 'birthday card*)].
5. Композиты, в которых первый элемент именуется материал или ингредиент [|*leather 'jacket, |pork 'chop, |pumpkin 'pie* (за исключением композитов, содержащих *juice* или *cake*, например: '*orange juice, 'carrot cake*)].

Определяющим для позиционирования ядерного тон-акцента в интонационной структуре английской фразы является *информативно-логический* критерий. Этот критерий базируется на принципах тема-рематического деления высказывания. Интонационный центр фразы является ничем иным, как границей завершения новой, актуальной информации, т. е. *ремы*. Говорящие избегают позиционирования ядра на лексеме, повторяющей сказанное ранее. Они не выделяют старые информативные единицы, а деакцентируют их. Например, трудно представить себе подобное интонирование в диалогическом единстве:

* D'you object to dogs? — No I a'dore 'dogs.

Скорее это будет выглядеть так:

• D'you object to dogs? — No I a'dore dogs.

Можно утверждать главенство логико-синтаксического принципа позиционирования ядра ИФ над лексико-грамматическим. Об этом свидетельст-

вует, в частности, деакцентуация повторяемого значимого слова по причине его предсказуемости, даже если оно содержит элементы новой информации:

- They 'carried a 'green chair and a 'blue chair.

Однако акцент вновь появляется, как только исчезает элемент тривиальности и предсказуемости:

- They 'carried a 'green chair and a blue 'sofa.

Таким образом, позиционирование ядерного тон-акцента является результатом произвольного планирования речи говорящим. Принятое коммуникативное решение может входить в противоречие с объективной реальностью [4, p. 23]. Импликатура несоответствия плана реальности используется при создании комического эффекта:

- The ^YQueen | said 'how de\lighted she was | to be in /Scunthorpe, || and 'then the \Duke made a joke.

Следующим критерием анализа лингвистической сущности тон-акцента является введение понятия *фокус* (focus), смысл которого состоит в концентрации внимания на определенной части высказывания. Когда мы произносим некий речевой отрезок (ИФ), мы можем сфокусировать внимание на нем в целом (*широкий фокус*) или избирательно на одном из его лексических компонентов (*узкий фокус*). Та часть ИФ, которая помещается в фокус, носит название *область фокуса* (focus domain).

Максимальной областью фокуса является вся ИФ. При этом мы используем тон-акцент нейтральной разновидности (*neutral tonicity*), когда ядро помещается на последнем значимом лексическом элементе:

- 'What happened 'afterwards? — 'Everyone burst out 'laughing.

При узком фокусе тон-акцент носит логически выверенный и избирательный характер (*marked tonicity*). Если, к примеру, в ответе на вопрос мы повторяем часть речевого материала самого вопроса, то эта часть не войдет в область узкого фокуса, и, соответственно, останется безударной, а ядерный тон-акцент очертит границы области фокуса:

- 'Who brought the 'wine? — 'Mary.
'Mary did.
'Mary brought the wine.
I think it was 'Mary.
I think it was 'Mary that brought the wine.

Все пять версий ответа в данном диалогическом единстве содержат узкий фокус. Область фокуса — *Mary*. Интонация концентрирует наше внимание на фокусе, переводя прагматические варианты представления старой информации в статус перформативного фона.

Сущность синтаксического понятия *эллипсис* становится при этом более понятной. В живой диалогической речи, без ущерба для смысловой структуры высказывания, усекаются информативно нерелевантные участки, которые, однако, (как это видно из представленного примера) могут быть легко восстановлены. Вариативность подобной реконструкции не влияет на информативную достаточность ответа, что свидетельствует о факультативности фона реализации тон-акцента.

Особой разновидностью узкого фокуса является *контрастивный фокус* (contrastive focus). В этом случае, ядерный тон-акцент притягивает внимание

слушающего к контрасту, производимому говорящим. Любое слово, включая все возможные служебные слова, может стать в этом случае ядром ИФ:

- 'I'm | 'writing a \letter. || 'What are \you doing?
- It 'wasn't \under the table, | but 'actually \on it.
- I can 'send a fax \to him, | but I 'can't receive one \from him.

Контраст бывает двойным, когда говорящий вместо одного ядра может сделать два:

- 'You've got \better, | but 'I \haven't. или
- \You've | got \better, || but \I | \haven't.

Иногда, наряду с *эксплицитным фокусом* возникает *имплицитный фокус*, как в примере:

- I don't know what \you're complaining about.

Интересно, что при углублении фокуса и усилении ядерного акцента, усложняются направление движения основного тона и характер пауз (не говоря уже о вариациях темпа, ритма и тембра) [1, p. 35]. Таким образом, возникают прямая взаимозависимость в поведении различных элементов интонации, определенная системность и предсказуемость подобного поведения. При всей подвижности тон-акцента на оси высказывания, можно, по-видимому, проследить, выявить и описать закономерности использования просодической палитры в создании насыщенной информационной картины.

Рамки настоящей статьи не позволяют рассмотреть нюансы размещения тон-акцента на представителях всех морфологических группировок слов. Перечислим лишь некоторые наиболее сложные для иностранцев случаи.

1. Идиомы (а. *фразеологические* и б. *интонационные*) отличаются фиксированным тон-акцентом: а. Onions *make my 'eyes water*. You're going to get your '*fingers burnt*. б. '*There's a good boy!* (to compliment a child or an animal); What '*of it?* (= I don't care); I am '*at it* (= I am busy).

2. Отрицание собеседником пропозиции говорящего:

Why going to 'Spain again? — We are 'not going to Spain! или
We are not 'going to Spain!

3. С начала 80-х годов прошлого века отмечена тенденция акцентировать служебные слова без видимой на то прагматической причины (стиль средств массовой информации и публичной речи), например:

- 'Customers waiting \for this service | \are advised | that the service \will be arriving | in a 'few \minutes.

В заключение необходимо отметить важный концептуальный сдвиг взглядов английских фонетистов на интонацию в целом как на интеграл компонентов. Интонационный анализ любого отрезка просодической структуры — ИФ, высказывания, СФЕ и текста — носит полифункциональный и многокомпонентный характер, тем самым свидетельствуя об уходе от абсолютной гегемонии мелодического компонента, оставшейся лишь в корневом единстве трех системообразующих терминов. Таким образом, взгляды отечественных и английских фонетистов на комплексную сущность *интонации* становятся, по сути, сходными.

Библиографический список

1. *Cauldwell R.* Streaming speech. Listening and pronunciation for advanced learners of English. (CD-ROM, ISBN 0-9543447-0-7). Birmingham: Speech in action, 2002.
2. *Gussenhoven C.* The phonology of tone and intonation. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
2. *Wells J. C.* English intonation: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
3. *Wichmann A.* Intonation in text and discourse: beginnings, middles and ends. Harlow: Longman, 2000.

ББК 81.001.6

М. В. Лисник

РЕЧЕВАЯ КОМПРЕССИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНА ЭКОНОМИИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Речевая экономия¹ — общая для всех европейских языков тенденция, проявления которой могут быть различными — в соответствии с особенностями структурной организации каждого отдельного языка. Однако в любом случае принцип экономии может рассматриваться как выражение закона наименьшего усилия (по формулировке А. Мартине). Е. Р. Меликсетова отмечает, что «принцип экономии есть величина относительная, имеющая пределы экспансии (расширения) и компрессии (сжатия)» [10, с. 70]. Основную причину компрессии автор видит в «стремлении языка к экономии» [10, с. 71].

Мысль о том, что языковая структура должна определяться «"экономным распределением" между ее частями, получила достаточно широкое распространение уже в XVII—XVIII вв. в связи с обсуждением различных проектов создания искусственных языков» [6, с. 26].

Иначе ставили проблему речевой экономии младограмматики. Г. Пауль противопоставляет два типа языка: литературный язык, в котором много «всякого рода излишеств» и «повседневный язык», который стремится избавиться от подобных излишеств [11, с. 301—315].

Самый далекий прототип теории речевой экономии — теория удобств. Немалая роль в создании теории языковой экономии принадлежит таким фонетистам 80-х гг. XIX века, как англичанин Г. Суит, датчанин О. Есперсен и француз П. Пасси. П. Пасси излагает функциональную теорию фонетических изменений. Основной тезис Пасси резюмируется следующим образом: «...язык постоянно стремится освободиться от того, что является лишним; язык постоянно стремится выделить то, что является необходимым» [15, с. 227].

Первый принцип П. Пасси объединяет с поисками «легких» артикуляций и называет «законом наименьшего усилия». Вместе с Г. Суитом П. Пасси предпочитает рассматривать этот закон отдельно как «принцип экономии». Второй принцип своего тезиса о фонетических изменениях П. Пасси называет «принципом эмфазы», принципом выделения главного в речи [15, с. 228] и противопоставляет его «принципу экономии»: «Чувствует необходимость сохранения чего бы то ни было не тот, кто говорит, а тот, кто слушает. Если говорящий в процессе говорения пренебрегает важным элементом речи, то

© Лисник М. В., 2009

¹ Что касается разграничения понятий «языковая экономия» и «речевая экономия», нередко употребляемых в лингвистической литературе как синонимы, мы считаем термины «экономия» и «компрессия в речевой деятельности» применимыми исключительно к понятию *речи*, а не языка. Компрессия языковых средств реализуется непосредственно в речевой деятельности в конкретном языковом материале, а не в абстрактной системе знаковых единиц общения. Кроме того, речевая компрессия (особенно на фонетическом уровне), как и сама речь, индивидуальна и обладает своей спецификой.

его плохо понимают, и он вынужден начать снова. Отсюда необходимость точно артикулировать все то, что является важным» [15, с. 122].

Данное утверждение наводит на мысль о том, что принцип экономии в речи не всегда является оправданным. Это касается в большинстве случаев фонетического аспекта речевой экономии — артикуляции звуков. Также в связи с этим представляется немаловажным и вполне возможным переосмысление самого понятия речевой экономии.

На формирование теории экономии наложили свой отпечаток труды Дж. Ципфа, который предложил понятие «принципа наименьшего усилия, регулирующего языковое поведение людей» [13, с. 56—133]. В основу своей работы о «принципе наименьшего усилия» Дж. Ципф положил тезис о противоречии между присущими человеку потребностями общения и его естественной инерцией, стремлением свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность.

В 1955 г. с истолкованием явления экономии в речи, аналогичным истолкованию данного явления П. Пасси, выступил французский лингвист А. Мартине. Выражение, предложенное Ципфом, — «принцип наименьшего усилия, регулирующей языковое поведение людей» — А. Мартине заменяет просто словом «экономия», а противоречие между присущими человеку потребностями общения и его естественной инерцией называет «коренным» и определяющим языковую эволюцию вообще.

По мнению А. Мартине, именно принцип экономии управляет функционированием фонологической системы. «Экономичной» фонологической системой он считает такую, в которой неизбежные артикуляционные отклонения не приводят к слиянию фонем. Действие принципа экономии ученый ставит в зависимость от функций языка. Центральной и первичной функцией языка он считает общение [9, с. 62]. Взяв за основу главный тезис Дж. Ципфа о «коренном» противоречии, А. Мартине отмечает, что языковое поведение регулируется «принципом наименьшего усилия» [9, с. 126]. А. Мартине считал, что П. Пасси, противопоставивший свои два принципа, не осуществил их синтеза: «Термин "экономия" включает все: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия — это синтез действующих сил» [9, с. 130]. А. Мартине также отмечает явное несоответствие между «теоретическим числом различных однородных звуков, которые могут артикулироваться органами речи» (это число безгранично), и «практическими возможностями человеческих органов»: «органам речи свойственна инерция, которую говорящий должен непрерывно преодолевать» [9, с. 128].

В качестве стремления к большей экономичности фонологической системы А. Мартине выдвигает требование «более четкой реализации различных фонем».

В некотором роде подобную идею о точности изложения с целью экономии усилий слушающего и в определенной степени говорящего можно встретить в трудах Л. В. Щербы [14, с. 115—116].

Итак, речевая экономия — понятие неоднозначное, многоплановое: она может проявляться на различных языковых уровнях как в сокращении речевых усилий, так и в их избыточности, как в небрежном изложении событий, так и в четком. Речевая экономия — это синтез различных, действующих в языке и речи сил. При достаточно четкой артикуляции звуков, правильном произношении слов происходит своего рода экономия усилий восприятия

слушающего — сокращение его умственных усилий, направленных на извлечение необходимой информации из слов собеседника, в результате чего увеличивается быстрота реакции слушающего на полученную информацию. Кроме этого, «экономятся» и речевые усилия самого говорящего, так как, если говорящий пренебрегает во время диалога четкой артикуляцией или слишком часто использует усеченные синтаксические конструкции, между собеседниками может возникнуть непонимание и, как следствие, ситуация переспроса, возможно и неоднократного. При переспросах же, когда говорящий вынужден одно и то же слово или одну и ту же фразу повторить несколько раз, при этом делая упор на четкость произношения, вряд ли может иметь место экономия речевых усилий. В ситуации переспроса она теряет свою первоначальную суть и становится не экономией речи, а ее избыточностью.

Вопрос об экономии языковых средств достаточно широко обсуждался в 70—80-х гг. XX века. Данное обсуждение было связано с различными опытами применения математических методов в лингвистике. В 70-х гг. проводились исследования, в которых крайне скептически рассматривался вопрос о значении и роли принципа речевой экономии в истории функционирования языка [4, с. 64].

Конечно, не следует абсолютно отказываться от количественного истолкования речевой экономии и допускать, чтобы термин «экономия» начал смешиваться с другими терминами и понятиями. Но не стоит и ограничиваться лишь данным истолкованием, считая совершенно неправомерным более широкое истолкование термина.

Тем не менее явление, при котором один и тот же объем информации передается минимальными языковыми средствами, до 80-х гг. XX века не имело однозначного определения в лингвистической литературе. Оно характеризовалось как «разного рода неполнота выражений» [3, с. 12]. Н. Д. Примерова объясняет это явление «действием лингвистической компрессии» [12, с. 18]. Обратимся к трактовке термина «речевая компрессия».

Термин «компрессия» пришел в лингвистику из теории связи, где он обозначает сжатие спектра речевого сигнала, имеющего определенную информативность, без уменьшения объема заложенной в него информации. Лингвисты дают различную трактовку термину «компрессия», и сфера явлений, охватываемых данным понятием, различна. Например, компрессированными считаются конструкции, которые передают необходимый объем информации, являясь менее протяженными. Компрессией также считаются «закономерные преобразования вторичного порядка, которые способствуют приведению развернутых сложных конструкций к форме менее сложной, передавая тот же объем информации, что и полные, развернутые синтаксические конструкции» (см.: [12, с. 7—8]). Н. Д. Примерова понимает под компрессией «сокращение структуры языковой единицы без изменения заложенной в ней информации, имеющее системный характер и немаркированное стилистически. Это сокращение может происходить как за счет опущения избыточных элементов, так и за счет замены их менее протяженными элементами» [12, с. 20].

Проблеме «экономии и избыточности в речи» уделял внимание отечественный ученый В. Г. Гак, проводивший исследования на материале французского языка в сопоставлении с русским [6, с. 23—24]. Характеризуя экономию, Гак подразделяет ее на *структурную* («когда устраняется слово из предложения») и *семантическую* («используется слово более широкого зна-

чения»). Экономия в построении высказывания приводит к многозначности, переосмыслению значения слов и синтаксических категорий. Например, в предложении *Pierre n'a pu venir à cause de la maladie de sa mère* (Пьер не смог прийти по причине болезни матери) причина выражена конкретно. При опущении существительного (*Pierre n'a pu venire à cause de sa mère*) может возникнуть многозначность (опущено существительное *болезнь*) и указанную причину можно установить только благодаря знанию ситуации.

Явление речевой компрессии связывают с понятием *имплицитности*, определяемой как «невывраженность части логических связей, существующих между предметами и явлениями действительности в лексическом наполнении предложения и его грамматической структуре. Имплицитность повышает смысловую емкость высказывания, не усложняя при этом его синтаксическую структуру. Однако в данном случае формальная организация предложения не соответствует его внутреннему содержанию» [12, с. 21].

Вопросы речевой экономии и компрессии весьма широко обсуждаются и в последние годы. Отечественные лингвисты в своих работах не ограничиваются констатацией фактов компрессии речи, а пытаются установить теоретическую базу этого явления [8, с. 15]. Свою точку зрения на причины, лежащие в основе действия принципа речевой экономии, исследователи базируют на концепциях А. Мартине, А. М. Пешковского, Б. А. Серебренникова, в соответствии с которыми источником тенденции к экономии признается человеческий организм.

Почетный профессор Коллеж де Франс Г. Вайнрайх утверждает в статье «*Les économies de l'esprit*» («Экономия разума»), что «неограниченное применение языковых элементов в их ограниченном количестве — таков особый тип экономии, свойственный естественным языкам как любым знаковым системам, существующим в мире» [16, с. 27]. Ученый выделяет два типа речевой экономии: «*l'économie de l'abondance*» («экономия избытка») и «*l'économie de la litote*» («экономия литоты»). Экономия избытка доказывает, что «какой-либо конкретный язык, как бы ограничен он ни был в своих естественных ресурсах, может стать относительно богатым в наборе своих средств благодаря богатству литературных произведений, вышедших из него» [16, с. 27—28]. Этот тезис Г. Вайнрайх связывает с историей развития проблемы речевой экономии во Франции, где «кульминация данного лингвистического усилия приходится на 16 век, когда почти все писатели данной эпохи провозгласили: "Чем больше у нас в языке будет слов, тем он будет совершеннее". Французский классицизм 17 века отказывается от этой метафоры: "Избыток языковых средств не всегда является признаком совершенства языков. Французский язык получает огромное удовольствие заключать много смысла в немногословии". Экономия литоты, как сказал А. Жид, это "искусство выражать много, говоря при этом мало". Древняя риторика уже проповедовала краткость (*la brevitás*), но в узких пределах» [16, с. 28]. Г. Вайнрайх в качестве первопричины (*causa prima*) данной риторической фигуры (*litote*), краткости, называет «краткость самой жизни (*la brièveté de la vie*), неизбежный принцип всякой экономии времени».

По нашему определению, речевая компрессия, как проявление речевой экономии на структурном уровне, может включать в себя все случаи сведения речевых усилий к произносительному минимуму.

Проявления речевой компрессии можно наблюдать на различных языковых уровнях. Многочисленные теории экономии речи доказывают, что

речь и сама стремится к «компрессии», к устранению избыточности. Как неоднократно отмечалось многими авторами, тенденция к компрессии языковых средств связана со стремлением к быстрой и рациональной переработке информации.

Мы скорее склонны объяснять действие речевой компрессии, по примеру Е. Р. Меликсетовой, стремлением речи к экономии.

Рассмотрим проявления речевой экономии на языковых уровнях. Достаточно подробные классификации таких проявлений даны В. В. Елькиным на материале английской разговорной речи [8] и А. А. Абызовым на материале канадского варианта английского языка [1].

На *фонетическом* уровне языковой системы ученые выделяют следующие признаки экономии речевых усилий в английской разговорной речи: ассимиляция, аккомодация, редукция, элизия (афереза, синкопа, апокопа), эпентеза, редукция ударения, синкретизм, контракция.

На *лексическом* уровне речевая экономия проявляется в аббревиациях (лексических, лексико-синтаксических, инициальных, телескопических, эллипсных, именных субстантиватах), обратном словообразовании.

На *синтаксическом* уровне выделяют эллипсис (контекстуальный, ситуативный), замещение (структурное, неструктурное), окказионализмы, препозитивные атрибутивные комплексы с внутренней предикацией.

На наш взгляд, не во всех выделенных явлениях можно констатировать тот результат, о котором писал В. В. Елькин, а именно — «сокращение речевой цепи». Такое, например, явление фонетического уровня, как эпентеза, означает не сокращение, а, наоборот, «возникновение в слове под влиянием определенных морфонологических или фонетических условий звука, отсутствовавшего в первоначальной форме этого слова» [2, с. 526]. Таким образом, в данном случае принцип экономии проявляется скорее не в «сокращении речевой цепи», а в «упрощении» самой техники артикуляции.

Из всего вышесказанного следует, что речевая экономия — явление многоплановое и сводить его к одному лишь сокращению речевых усилий и элементов высказывания было бы слишком поспешно и нецелесообразно. Это лишь одна сторона данного явления, его, так сказать, структурный аспект. В более широком понимании речевой экономии следует учитывать и смысловой аспект данного явления: способность передавать информацию, подтекст высказывания. Речевая экономия проявляет себя не только в «сокращении» языковых средств, но и в их «расширении».

Библиографический список

1. Абызов А. А. Фонетические характеристики английской компрессированной речи: (На материале канадского варианта английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2005.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
3. Богатова Г. А. История слова как объект русской исторической лексикографии. М., 1984.
4. Будагов Р. А. Человек и его язык. М., 1974.
5. Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка. Махачкала, 1954. Ч. 1.
6. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М., 1981.
7. Дрезен Э. В поисках всеобщего языка. М.; Л., 1925.
8. Елькин В. В. Диалогическая речь — основная сфера реализации языковой экономии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2001.

9. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях: Пер. с фр. М., 1960.
10. *Меликсетова Е. Р.* Компрессия как одна из форм лингвистической экономии // ИЯШ. 1983. № 3.
11. *Пауль Г.* Принципы истории языка: Пер. с нем. М., 1960.
12. *Примерова Н. Д.* Речевая компрессия в диалогическом единстве: Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1988.
13. *Цинф Дж.* Поведение людей и принцип наименьшего усилия. М., 1949.
14. *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
15. *Passy P.* Etudes sur les changements phonétiques et leurs caractères généraux. Paris, 1890.
16. *Weinrich H.* Les économies de l'esprit // Le français dans le monde. 1999. № 305.

ББК 81.432.1—3

О. А. Ужова

ДВА СЛОВАРЯ

Первым, поистине пионерским изданием в области лингвострановедения стал появившийся в Советском Союзе в 1980 г. лингвострановедческий словарь «Великобритания». При его подготовке авторы не имели возможности опираться на опыт составления других аналогичных публикаций, что делало их задачу крайне сложной. Ведь целью авторов было предложить читателям не простой симбиоз обычного двуязычного словаря и энциклопедического справочника, на суд пользователя выносился оригинальный словарь, разъясняющий особенности употребления, дополнительную смысловую нагрузку, политические или иные коннотации различных слов, словосочетаний или названий. Первоначально издание было задумано как словарь реалий, однако с изменением типа словаря необходимо было расширить круг освещаемых вопросов и углубить разработку статей, особенно когда речь шла о словах или понятиях, объяснение которых можно найти лишь в специальной литературе или редких справочных изданиях. Над словарем работала большая группа ученых, основой его послужил справочник A. Room «An A to Z of British Life», изданный в Великобритании в 1980 г. Советские соавторы А. Рума перевели правую часть словарной статьи и составили к ней пояснение. Выражая глубокую благодарность российским коллегам и соавторам П. В. Колесниковой, Г. А. Пасечнику, А. В. Петровой, Е. Ф. Роговой, П. А. Сапрыкину, В. И. Славину, Н. Ф. Тимофеевой, А. Рум отмечает в примечании к словарю, что задача создания столь широкого по тематике справочника была бы не под силу одному человеку.

Мегаструктура словаря включает три части: предисловие, собственно словник, и раздел приложений. Предисловие отличает краткость и содержательность: на 17 страницах (3,5 % от общего объема словаря) располагаются следующие блоки информации: Предисловие, Introduction, Введение, Как пользоваться словарем, Использованные источники, Условные сокращения.

© Ужова О. А., 2009

Во вступительной статье русские соавторы указывают, что данный словарь — первое издание такого рода. Далее они обосновывают концепцию создания словаря и подчеркивают, что, используя материалы английского лексикографа А. Рума, они стремились дать такие переводы и так составить пояснительную часть каждой статьи, чтобы советскому читателю, специально не занимавшемуся Великобританией, стали ясны явления и особенности, присущие этой стране. Авторы добавляют, что словарь был дополнен статьями, отсутствовавшими в материале английского автора, но которые представлялись им необходимыми для более правильного, с их точки зрения, освещения современной жизни и истории Великобритании. Они отмечают, что в первую очередь это касается политической тематики, материалов, характеризующих расстановку классовых сил Великобритании, борьбы трудящихся за свои права, их действий против наступления монополий на жизненные интересы народа. Авторы заявляют, что особое внимание было обращено на те статьи, которые отражают специфику профсоюзного и рабочего движения Великобритании, и на терминологию, относящуюся к забастовочному движению британских рабочих. Они считают важным упомянуть в словаре места, связанные с пребыванием в Лондоне Карла Маркса и В. И. Ленина.

Разделы *Как пользоваться словарем*, *Условные сокращения* посвящены особенностям построения словарной статьи, что значительно облегчает работу со справочником. Раздел *Использованные источники* объемён, он содержит около 160 единиц, относящихся к разным областям общественной жизни Великобритании, что свидетельствует о широком круге тем, включенных в словарь: экономика, политическая система и государственное устройство, демократическое и рабочее движение, средства массовой информации, история страны, система образования, религия, традиции и обычаи, культура и искусство, достопримечательные места, повседневная жизнь и быт, спорт. Авторы отмечают, что словарь рассчитан на широкий круг читателей и может быть использован как для изучения иностранного языка, так и для научных целей [2, с. 3; 8].

При работе над словарем лексикографы пользовались справочной литературой и периодическими изданиями 1973—1976 гг., по отдельным темам — 1977 г. Однако в словаре не учтено административное деление, введенное в 1974 г. Ряд изменений, не отраженных в словаре, помещен в предисловии, например, **May Day** — с 1978 г. официальный выходной день [bank holiday].

За разделами вступительной статьи следует сам корпус словаря, составляющий 441 страницу. Раздел приложений содержит 30 подразделов, объединенных в четыре группы и три таблицы. Он несет пользователю разнообразную информацию: лексико-семантические характеристики языковых реалий, принципы передачи безэквивалентной лексики, правила русского написания слов различных типов, правила русской передачи английских слов; передачу английских фонем, английских сочетаний гласных и согласных букв, а также групп согласных. Однако основная часть данных имеет культурологический характер, так как представлена словами и фразами, часто используемыми в английской литературе, быту, экономике, политике и т. д., например:

- правила и традиции,
- имена людей,
- клички животных,
- географические названия,
- индивидуальные названия растений и др.

Таким образом, на мегауровне прослеживается ориентированность на толкование культурных особенностей, что подтверждает организация материала в разделе приложений и во вступительном слове.

Рассматривая макроструктуру, следует отметить, что основную массу входных единиц составляют имена собственные. Они включают названия лондонских клубов и популярных справочных изданий, спортивных площадок и различных мест в Великобритании, известных благодаря историческим, культурным, а то и просто туристическим ассоциациям. Такое соотношение входных единиц корпуса свидетельствует о стремлении составителей создать справочник, энциклопедически нормативный, что является его достоинством, поскольку он разъясняет особенности употребления, дополнительную смысловую нагрузку, политические или иные коннотации различных слов, словосочетаний или названий.

В словарь включены некоторые американизмы и слова, пришедшие из других языков. Как правило, это современные слова, прочно утвердившиеся в речи британцев и отражающие реалии, уже не воспринимаемые как иностранные. В то же время авторы избегали включения в словарь сленга или жаргонных слов и выражений и делали это лишь в тех случаях, когда такие вокабулы имеют какие-то дополнительные коннотации или важны для понимания современной британской действительности.

Культурно-ориентированные номинации представлены:

- названиями жителей (Aberdonian, Irishman, Scotsman, East-Endер);
- названиями кинотеатров (Academy cinema, Astoria, Cinecenta, Continentale);
- названиями музеев (Abbotsford, Ashmolean);
- названиями театров (Arts Theatre Club, Adelphy, Aldwych farce, Aldwych theatre, Almost Free Theatre, Amateur Dramatic Club, Ambassador's);
- названиями улиц (Anderson Street, Baker Street, Park Lane, Cockspur Street, Cornhill, Farringdon Road);
- названиями дорог (A 1, A-road);
- названиями стран и городов (Albany, Bournemouth);
- названиями зданий и архитектурных комплексов (Abbey, Adelphy);
- названиями парков (Alexandra Park, Regent's Park);
- названиями ресторанов (Angus Restaurant, Angus Steak House);
- названиями магазинов (Aquascutum, Dickins and Jones, Foyle's, Antique Hypermarket, Army and Navy Stores, Aspreys);
- названиями драгоценностей, медалей, уникальных предметов (Albert, France and Germany Star);
- названиями различных организаций (A.A.¹, A.A., Apple Corps Ltd, ARCOS, Arnolds, Arsenal, A.S.L.E.F., A.S.L.I.B., Aspro-Nicholas);
- названиями военных терминов и именами известных военачальников (Alexander Hamilton's Cannoneers, All arms training centre);
- именами известных людей и персонажей (Alice, Allan-a-Dale, Merry Monarch);
- названиями праздников (All Fool's Day, Allhallows' Day);
- символами Великобритании и именованьями англичан (All-red, Anglo-Saxon);
- названиями судов, устройств, военных установок (A-1, Abbot);
- названиями документов и законодательных актов (AA certificate, Act of Parliament);

- названиями книг (Augmented Roman Alphabet, Authorized Version, “Arden Shakespeare”, Armada²);
- терминами в науке и искусстве (Arts, Arts and crafts);
- названиями растений (Aspidistra, Duke of Devonshire);
- названиями и видами школ (Assisted schools, Aston University);
- названиями профессий и видов деятельности (Abbess, Abbot, Admiral of the Fleet, advocate, air chief marshal, air scout, Attorney General);
- породами животных (Aberdeen Angus, Airedale);
- разновидностями еды (Abernethy, Ailsa Craig);
- названиями мер и весов (Acre, Apothecaries’ pound, engineer’s chain);
- видами одежды и аксессуаров (Academic dress, Accessories);
- названиями игр (Animal, Vegetable or Mineral, Aunt Sally);
- исторически значимыми датами (Annus Mirabilis, Atmospheric Caper);
- церковными санами и титулами (Archbishop, Archbishop of Canterbury);
- кличками животных (Cheshire cat);
- неофициальными названиями коллективов (Blues, Citizens).

В словаре представлены также номинации, относящиеся к спорту (accumulator), химическим веществам (acid), монархии (Address from the Throne), наградам и призам (Admiral’s Cup), политике и политическим организациям (Admiralty), мифологии (afanc), средствам массовой информации (“Analysis”).

Входные единицы даны в канонической форме (split, albert, honour, name, poll), словообразовательной форме или словосочетании (Scholarship Level, Dorset Marl). Словообразование представлено аффиксальным способом (sterling, baroness), аббревиацией (D.F.C., G.C.E.), способом композиции (cash-and-carry, guesthouse, name-day).

Итак, основу словника словаря составляет культурно-ориентированная лексика, где разъясняются особенности употребления и различные коннотации слов, словосочетаний или названий. В статьях приводятся скорее общие, чем специализированные сведения, так как задачей авторов было «изложить необходимую информацию в сжатой, компактной форме» [2, с. 4].

Микроструктура словаря «Великобритания» также в полной мере соответствует заявленному статусу лингвострановедческого словаря.

Словарная статья анализируемого справочника представляет собой традиционную модель: заглавное слово — фонетическая характеристика — дополнительная семантико-функциональная характеристика — толкование — объяснение. Например, **Baby Austin** [фон. зн.] *разг.* «Бейби Остин» (*то же, что Austin Seven*).

Baby Austin — заглавное слово, выделенное полужирным шрифтом. Далее следует ключ к произношению, выполненный в символах международного фонетического алфавита, и дополнительная семантико-функциональная характеристика (ДСФХ), которая в случае **Baby Austin** представлена пометой сферы употребления — *разг.* (разговорное). Затем дается перевод на русский язык, а в скобках приводится подробное описание понятия, его характеристика, которая выделяется определенным шрифтом.

Следует отметить, что система помет, используемая в словаре, достаточно разнообразна. Среди других аспектов ДСФХ в анализируемом словаре присутствуют:

- 1) региональные пометы: *австрал., шотл., ирл.*;
- 2) пометы сферы употребления: *бирж., ком., офиц., студ., фин., фольк., церк., шк., шутл., юр., прост., разг., рел.*;
- 3) статусные пометы: *амер., диал., жарг., искаж., фам., эвф.*;
- 4) функциональные пометы: *мн.ч., наст.вр., перен., полн., род., уменьш.*;
- 5) темпоральные пометы: *ист., уст.*;
- 6) этимологические пометы: *валл., голл, греч., гельск.*

Итак, в корпусе получили отражение почти все информационные категории ДСФХ, признанные в современной лексикографии, за исключением стилистической. Формат помет разнообразен. Одна группа маркеров представлена в виде сокращения после фонетической транскрипции, например: [фонетические символы] *сокр.* Некоторые характеристики даются в конце статьи в угловых скобках, например: <полн. *abbey church*>. Если маркеры комбинируются, то последовательность их следующая: употребительные — функциональные, например, **V and A ... разг. сокр. от...**

За блоком ДСФХ следует раздел толкования. Необходимо отметить огромную работу, проделанную русскими соавторами А. Рума. Именно ими был выполнен перевод словаря, причем авторы старались давать уже апробированные русские эквиваленты, например: **Royal Mint** — Королевский монетный двор. В тех случаях, где их нет, применялся метод калькирования (**Kentish Wild White** — «Кентский дикий белый»), транскрипции (**Rugby School** — Рагби-Скул) или описательного перевода (**sabbatical year** — годичный отпуск для научной работы).

Иллюстрации, как вербальные, так и графические (черно-белые фотографии, схемы), являются частью микроструктуры данного словаря. Вербальные иллюстрации — словосочетания — используются довольно редко, в основном для того, чтобы помочь читателю понять смысл и особенности употребления слова или чтобы показать наиболее характерную сочетаемость данного слова с другими словами. Графические иллюстрации сопровождают географические объекты и достопримечательности, например: г. Борнмут, набережная; г. Бристол; схема карты Соединенного Королевства Великобритании; Кентерберийский собор. Подобные иллюстрации представляют собой гид к культурным реалиям, что, безусловно, добавляет культурологической и общеобразовательной ценности словарю.

В толковании культурно-ориентированных единиц содержится большое количество энциклопедической информации, например:

Arthur, King [фон. зн.] король Артур (*легендарный король бриттов [Brits], герой кельтских народных сказаний и центральный образ цикла рыцарских романов Круглого стола [Round Table], предполагаемым прототипом короля Артура был вождь силуфов, живший в 6 в.*).

Как наглядно демонстрирует пример, толкование имеет не только историческую, но и литературоведческую перспективу. Подобный стиль толкования обладает и культурологической, и общеобразовательной ценностью.

Ссылки широко используются в словаре. Они даются либо непосредственно после фонетической транскрипции, либо после перевода в круглых скобках. Ссылки, следующие за пояснением, помещаются в тех же скобках, что и пояснение, и отделяются от него точкой с запятой, например:

A 1 [фон. зн.] A 1 (*официальное обозначение Большой северной дороги* [Great North Road]; *см. тж. A-road*).

В отдельных случаях ссылки приводятся в угловых скобках и также отделяются точкой с запятой от другой информации, содержащейся в них. Менее употребительные слова отсылаются к более употребительным, стилистически окрашенные слова — к нейтральным.

Орфографические варианты и случаи полного соответствия слов в смысловом и стилистическом отношении образуют отсылочную характеристику со знаком равенства, если их включение в одну статью привело бы к нарушению алфавитного порядка, например:

Approved society [фон. зн.] = friendly society.

При стилистическом несовпадении словарная статья снабжается соответствующей стилистической пометой и указаниями *см.* или *сокр. от.*, например:

A.A.¹ [фон. зн.] *сокр. от* Automobile Association.

Часто при заглавном слове, отличающемся от другого заглавного слова в стилистическом или эмоционально-экспрессивном отношении, дается только перевод, а вместо пояснения — ссылка, вводимая указанием *то же, что*, например:

Albainn [фон. зн.] Олбейн (*то же, что Albany*¹).

Если ссылочное слово отсылается к двум или более словам, ссылки стоят при светлых арабских цифрах со скобкой.

В словаре широко используются ссылки, оформленные нетрадиционно: они даются в квадратных скобках, непосредственно после того слова, к которому относятся. Такие ссылки служат для создания у читателя более полного представления об описываемом предмете. Они встречаются в пояснениях, этимологических сведениях и переводах, например:

AA certificate [фон. зн.] свидетельство «АА» (*выдается Британским бюро киноцензоров* [British Board of Film Censors]; *разрешает показ кинофильма, на кот. допускаются дети тк. старше 14 лет*).

При несовпадении числа слов, поясняемых ссылкой в квадратных скобках, и ссылочного слова, при неполном совпадении переводов, а также при других отклонениях от текста в квадратных скобках дается помета *см.*, например:

Attorney [фон. зн.] *юр.* 1. уполномоченный, доверенный 2. атторней, поверенный (*старое название солистиров* [см. solicitor]; *было официально отменено в 1873*).

Для того чтобы помочь читателю найти в других источниках дополнительные сведения, связанные прямо или косвенно с описываемым в словарной статье предметом, в квадратных скобках также дается английское написание соответствующего имени, названия и т. п. В этом случае перед заключенным в скобку словом стоит звездочка (*), указывающая на его отсутствие в самом словаре, например:

Argo [фон. зн.] «Арго» (*фирменное название грампластинок «Арго рекорд компании»* [*Argo Record Company]).

В целом можно сделать вывод, что данное издание оправдывает статус лингвострановедческого словаря, так как дает толкование культурно-ориентированных единиц, реалий. Необходимо отметить, что в словаре разъясняются особенности употребления и различные коннотации слов, словосоче-

таний и названий. В то же время информация в статьях приводится скорее общая, а не специализированная, так как задачей авторов было ее изложение в сжатой форме.

Отличительной чертой данного издания является его идеологическая ангажированность. Советские авторы, как уже упоминалось выше, дополнили словарь статьями, касающимися расстановки классовых сил в Великобритании, борьбы трудящихся за свои права, специфики профсоюзного, рабочего и забастовочного движения, а также связанными с пребыванием в Лондоне К. Маркса и В. И. Ленина. По мнению М. С. Колесниковой, это свидетельствовало об «индоктринационной» функции первых лингвострановедческих словарей [1, с. 65].

Второе издание словаря «Великобритания» вышло через двадцать два года, в 2000-м.

Необходимо отметить, что единственным автором его является только А. Р. У. Рум. Российские соавторы, участвовавшие в подготовке первого издания, не упоминаются.

Во вступительной статье он пишет, что цель словаря — «отразить слова и словосочетания современного английского языка, показать, какие из них являются современными, а какие историзмами... Важной задачей при составлении словаря было включить последние данные и информацию». А. Р. У. Рум отмечает, что «обеспечить полную "современность" оказалось невозможным».

В статье от издательства указывается, что данный словарь является новым изданием словаря «Великобритания». Но содержание второго издания было значительно пересмотрено в связи с изменившимися реалиями Великобритании и России.

В этом издании:

- обновлен английский словник за счет включения новых статей, отражающих сегодняшние реалии, названия организаций, обществ, журналов, теле- и радиопрограмм, культурных центров и т. д., например: Advertising Standards Authority, Advisory, Conciliation and Arbitration Service, “Antiques Roadshow”, BAT Industries, British Nuclear Fuels, Central Television, Department of Social Security, Business and Technician Education Council, Business Expansion Scheme, Centre for Exploitation of Science and Technology, “New Statement and Society”, Prevention of Terrorism Act, Republican Labor Party, “Spaghetti Junction”;

- исключены статьи, отражающие устаревшие реалии, например: Anglo-Soviet Parliamentary Group, bipartisan foreign party, British Socialist Party, Communist University, Electrical, Electronic Telecommunication and Plumbing Trades Union, Great Britain — USSR Association, Karl Marx Monument, Lenin’s Memorial, Lenin’s Room, Marx House, Marxism Today, Marx Memorial Library, Marx Monument, Marx grave, National Socialist Party, National Union of Agriculture and Allied Workers, Northern Ireland — USSR Friendship Society, Scotland — USSR Friendship Society, Social-Democratic Federation;

- сокращен объем реалий, касающихся военной тематики, исключены следующие единицы: all arms training centre, Army Emergency Reserve, A-services, Caernarvon², Hereford;

- исправлены пояснения в статьях о фирменных названиях, товарах, марках автомобилей и т. п., например: **Aertex**... фирменное название трикотажа компании «Амальгамейтед коттон миллз траст» [* Amalgamated Cotton Mills Trust] (в первом издании), **Aertex**... фирменное название трикотажа

компании «Уильям Холлинз энд К^о» [* William Hollins and Co] (во втором издании);

- уточнены тиражи газет и журналов, например: “**Daily Express**”... тир. более 2 млн. экз. (в первом издании), “**Daily Express**”... тир. ок. 1,5 млн экз. (во втором издании);

- уточнены цифры учащихся и студентов в школах, колледжах, университетах и других организациях, например: **Berkhamsted School**... ок. 500 учащихся (в первом издании), **Berkhamsted School**... ок. 450 учащихся (во втором издании);

- отражены переименования компаний, молодежных центров и т. д., например: в первом издании упоминается **National Union of Railwayman**, а во втором с учетом всех изменений — **National Union of Rail, Maritime and Transport Workers**.

Автор отмечает, что словарь рассчитан на широкий круг читателей и может быть использован как для изучения иностранного языка, так и для научных целей [3, с. 7; 11].

За предисловием следует словник, куда помещен дополнительный раздел (middle matters). Он занимает 12 страниц и представляет собой комбинацию цветных фотографий («Пирс в Борнмуте», «Торговый центр в Борнмуте», «Замок Хауард в Йоркшире», «Конные гвардейцы» и др.), на которых можно видеть британские достопримечательности, природные ландшафты и события повседневной жизни Великобритании («Праздник в Шотландии», «Уличный рынок»).

Данный подраздел средней части словаря посвящен современной культуре Великобритании, он обширен по количеству приведенной информации, энциклопедичен по методам представления материала.

За разделами вступительной статьи следует сам корпус словаря, составляющий 500 страниц. Раздел приложений обширен и содержит 30 подразделов, объединенных в три группы. Он несет пользователю разнообразную информацию: лексико-семантические характеристики языковых реалий, принципы передачи безэквивалентной лексики, правила русского написания слов различных типов. Таким образом, мегаструктура второго издания словаря А. Р. У. Рума «Великобритания» сходна с мегаструктурой первого издания. Словарная статья анализируемого справочника представляет собой традиционный образец, использованный и в первом издании: заглавное слово — фонетическая характеристика — дополнительная семантико-функциональная характеристика — толкование — объяснение. Что касается системы помет, в корпусе получили отражение почти все информационные категории ДСФХ, признанные в современной лексикографии, за исключением стилистической, что, по-видимому, можно отнести к недостаткам словаря. При переводе даются уже апробированные русские эквиваленты. В тех случаях, где их нет, применяется метод калькирования, транскрипции или описательного перевода. Вербальные иллюстрации — словосочетания — используются довольно редко, в основном для того, чтобы помочь читателю понять смысл и особенности употребления слова.

Таким образом, главным отличием второго издания словаря А. Р. У. Рума «Великобритания» является значительная ревизия содержания словника. В него были включены новые статьи, отражающие сегодняшние реалии, исключены статьи, содержащие устаревшие реалии, коммунистическую идеологию; сокращен объем реалий, касающихся военной тематики; исправлены

пояснения в статьях о фирменных названиях, уточнены тиражи газет и журналов, а также цифры учащихся и студентов в школах, колледжах, университетах и других организациях; отражены переименования компаний, молодежных центров и т. д.

Библиографический список

1. Колесникова М. С. Диалог культур в лексикографии: феномен лингвострановедческого словаря. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ун-та, 2002. 392 с.
2. Великобритания: Лингвострановедческий словарь: 9500 ед. / Сост. А. Р. У. Рум; Пер. с англ. и доп. Л. В. Колесников, Г. А. Пасечник и др. М.: Русский язык, 1978. 480 с.
3. Великобритания: Лингвострановедческий словарь: 10 000 единиц / Сост. А. Р. У. Рум. М.: Русский язык, 2000. 559 с.

ББК 81.001.91

А. К. Чичанова

ПРОБЛЕМА БИЛИНГВИЗМА В ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОМ АСПЕКТЕ

В условиях интенсификации процессов интеграции в мировое сообщество, а также динамичного развития социальных связей вопрос о структуре возможных способов реализации взаимоотношений на уровне межъязыкового общения приобретает особую актуальность. Тенденция к перманентному использованию более чем одного языка в разных социальных условиях и практически во всех сферах деятельности становится все более очевидной в связи со всевозрастающей значимостью процессов межкультурной коммуникации. Развитие общества многогранно и затрагивает разные пласты существования социума. Не остается исключением и общезыковая ситуация.

Теория языковых контактов получила свое распространение еще в XIX веке. В эту эпоху в фокусе исследований находятся две абсолютно противоположные точки зрения: речь идет прежде всего о путях дивергентного развития соответствующих языков и, напротив, о фактах конвергентного развития, независимого от генетических связей языков [24, с. 15].

Впоследствии проблематика языковых контактов была по-новому поставлена в начале XX века в связи со всевозрастающим интересом лингвистов к рассмотрению вопросов о степени реализации звуковых (произносительных) процессов в условиях взаимодействия двух языковых систем. В зарубежной лингвистике можно выделить труды И. А. Бодуэна де Куртене, Г. Шухардта, Ф. Боаса, А. Мартине.

В 1890 году И. А. Бодуэн де Куртене разработал концепцию сравнительного языкознания, предполагающую «сравнительное обозрение двух или

© Чичанова А. К., 2009

нескольких разнородных по своему первоначальному историческому источнику языковых областей, в которых вследствие их территориальной близости замечаются сходные языковые явления» [5, с. 315]. Таким образом, лингвист предполагает возможность формирования общих признаков существования двух исторически разных языковых систем, развивающихся в условиях перманентного взаимодействия. Сходные идеи выдвигает Г. Шухардт. Ученый утверждает, что языковая конвергенция — вполне естественный процесс при контакте двух или более языков, это необходимое проявление коммуникативной функции языка, что в целом выступает основой такого переустройства контактирующих языков, которое приводит непосредственно к их упрощению [24, с. 7]. В свою очередь, уже в начале XX века в отечественном языкознании также наблюдается тенденция к изучению положения о языковых контактах именно с точки зрения конвергентного развития языков. Прежде всего, это известные работы Л. В. Щербы.

Существенный вклад в разработку теории языковых контактов, а также вопросов конвергенции языков внесли ученые Пражского лингвистического кружка (Трубецкой, Якобсон, Гавранек, Теньер). Известный труд У. Вайнрайха [8] отмечен преобладанием функционального подхода к разработке теории языковых контактов. Проблема взаимодействия языков, вопросы конвергенции интересовали и лингвистов более позднего периода. Так, В. Ю. Розенцвейг различал два вида изменений контактирующих языков: «1) конвергенция — изменение контактирующих языков, которое лингвистически описывается как уподобление, обобщение их характеристик и правил; 2) дивергенция — изменение языков в сторону дифференциации их характеристик и правил» [18, с. 4]. В своей работе В. Ю. Розенцвейг утверждает, что наибольший интерес может вызвать именно лингвистическая сторона вопроса о взаимодействии языков, так как это тот пласт теории языковых контактов, который позволил наиболее четко обозначить проблему реализации речевой коммуникации [18, с. 4]. Лингвист должен, таким образом, стремиться решить две задачи одновременно: первая задача заключается в анализе возможных путей развития процесса языковой интерференции с последующим ее описанием как вполне очевидного результата взаимодействия языков; решение второй задачи основано на обнаружении «последовательности изменений контактирующих языков в сторону уподобления, обобщения их характеристик и правил» [18, с. 5]. Как видим, вторая задача есть попытка описания возможных характеристик явления конвергенции.

Л. Ф. Васкевич вводит термин «языковая ассимиляция», под которым понимает «определенный этнический процесс, в результате которого группы одного народа переходят на язык другого народа, обычно численно преобладающего» [9, с. 26]. Термин «языковой контакт» был предложен У. Вайнрайхом в его работе «Языковые контакты». Вайнрайх утверждал, что «лингвистической сущностью языкового контакта следует считать функционирование двух языков в одной и той же коммуникативной сфере, сосредоточенной вокруг их общего носителя (или группы носителей)» [8, с. 211].

В отечественном языкознании встречается определение языкового контакта как «речевого общения между двумя языковыми коллективами» [24, с. 3]. Так, О. С. Ахманова понимает этот термин как «соприкосновение языков, возникающее вследствие особых географических, исторических и социальных условий, приводящих к необходимости языкового общения челове-

ских коллективов, говорящих на разных языках» [1, с. 535]. Кроме того, в ряде отечественных лингвистических работ выдвигалось также предложение различать узкое и более широкое толкование термина «языковой контакт». Под первым толкованием термина понимали константную ситуацию, связанную с обязательным двуязычием, а под вторым — межъязыковую связь, при которой двуязычия может не быть, как, например, при заимствовании лексики в процессе различных социально-политических, культурно-исторических, торгово-экономических и иных отношений [20].

Интерес к общению на нескольких языках обнаруживает тесную взаимосвязь со всевозрастающей потребностью закрепления возможных условий реализации акта коммуникации на уровне многоязычия, что в целом выступает предпосылкой для формирования внутри социума явления, обретающего достаточно четкие позиции. Речь идет главным образом о ситуации двуязычия, динамично развивающейся и вызывающей повышенный интерес со стороны лингвистов всего мира. Проблеме билингвизма посвящено значительное число исследований, выполненных в русле теории языковых контактов. Особенно важным представляется изучение явления двуязычия применительно к практике речи, так как именно данный уровень функционирования языковой системы в целом способен отразить те модификации, которые влечет за собой процесс попеременного пользования двумя языками. И в то же время изучение двуязычия как процесса, то есть в речевой практике, представляется в определенной степени социально значимым, так как позволяет обнаружить и проанализировать особенности реализации живой разговорной речи, а значит, разработать методы, методики и принципы работы с иностранным языком и грамотного усвоения иноязычной речи. Помимо лингводидактического подхода к вопросу об использовании двух языковых систем в процессе общения, немаловажными остаются проблемы, отражающие особенности непосредственного функционирования явления, его предпосылок и возможных результатов.

Стоит отметить, что в отечественном и зарубежном языкознании нет единого и общепринятого определения билингвизма. Это объясняется различными подходами ученых к рассмотрению и описанию данного явления: психолингвистическим, функциональным, социолингвистическим и другими. Так, например, Л. Блумфилд характеризовал двуязычие прежде всего как одинаковое владение двумя языками — родным и не родным. Таким образом, лингвист утверждает практику совершенного владения иноязычной речью, что в целом и должно являться предпосылкой возникновения билингвизма [4, с. 70]. Такая трактовка способна отразить достаточно ограниченный набор характеристик данного процесса, выделяя по-преимуществу именно элемент свободного владения иностранным языком. И в то же время вопрос о степени владения языком может не играть столь существенной роли в толковании билингвизма «не только ввиду того, что в условиях языкового контакта речь идет лишь о коллективном билингвизме, но и в силу того, что единственным следствием недостаточного владения вторым языком может являться его неполноценное усвоение, как это имеет место в так называемых креолизованных языках» [2, с. 123].

Существуют узкий и широкий подходы к трактовке понятия «билингвизм». Большинство ученых допускают возможность широкого толкования указанного явления — двуязычие имеет место всякий раз, когда человек пе-

реключается с одного языкового кода на другой в конкретных условиях речевого общения. Данное определение не затрагивает уровень владения языком, который, например, по мысли Э. Хаугена может быть довольно низким [22, с. 10]. Лингвист утверждает, что каждый из контактирующих языков представляет собой определенный код, переключение которого есть не что иное, как переход с одного языка на другой. В зависимости от степени владения говорящим языком общения данное переключение может быть полным, когда наблюдается полный переход с одного языка на другой, и частичным: «Например, говорящий может не владеть в полной мере фонологической системой иностранного языка и подставлять фонемы своего родного языка в употребляемые им отдельные иностранные слова или целые высказывания на этом языке» [22, с. 16]. Проблемы языковых контактов и двуязычия Э. Хауген рассматривает с позиций фундаментального, социального и психологического подходов, которые, дополняя друг друга, предоставляют лингвисту возможность детального анализа обозначенных явлений.

В отечественном языкознании функциональный подход отражен в работах К. Х. Ханазарова, В. А. Авронина, А. И. Рабиновича и других. Так, К. Х. Ханазаров утверждает: «О наличии двуязычия мы можем говорить там, где люди владеют вторым языком в степени, достаточной для общения и обмена мыслями с носителями второго языка» [21, с. 51]. Ю. Д. Дешериев и И. Ф. Протченко полагают, что функционально-лингвистический подход к двуязычию «имеет дело с анализом соотношения структур и структурных элементов двух языков» [14, с. 28]. И в то же время лингвисты подчеркивают важность социологического подхода к изучению двуязычия, состоящего в определении объема общественных функций и сфер применения каждого из двух языков, которыми пользуется двуязычное население [14, с. 29]. Социоллингвистическое понимание процесса билингвизма представляет А. Д. Швейцер. По мысли автора, «билингвизм — это сосуществование двух языков в рамках одного языкового коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта» [23, с. 23]. Таким образом, центром определения является коллектив, обслуживаемый двумя языковыми системами, которые «находятся в отношении дополнительности друг друга» [23, с. 30].

Не менее важным представляется так называемый психологический подход к изучению двуязычия, сторонники которого анализируют специфику речевых психофизиологических механизмов человека, использующего в общении две языковые системы. Значительное внимание при данном подходе уделяется изучению воздействия двуязычия на мышление. Так, Л. В. Щерба определяет двуязычие как «независимое сосуществование двух языков у одного и того же индивида» [25, с. 56]. Подходя с лингвистической точки зрения к изучению билингвизма, а именно определяя его возможные последствия (смешение языков, а также появление заимствований, что рассматривается как два совершенно разных процесса, основывающихся на двуязычии и смешанном языке), Щерба утверждает, что развитие данного явления зависит: 1) от способа усвоения второго языка и 2) установления границ употребления обоих языков [25, с. 58]. Существует также тенденция усматривать суть явления билингвизма в формировании конкретных психологических стереотипов в сознании индивида. Так, Е. М. Верещагин определяет двуязычие

как «психический механизм (знания, умения, навыки), позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, принадлежащие двум языковым системам» [10, с. 34].

Совокупность лингвистического, социолингвистического и психологического подходов к рассмотрению двуязычия является достаточным основанием для создания критериев педагогического аспекта изучения билингвизма. Задача данного подхода состоит в разработке и применении «методов обучения двум языкам, методов изучения процессов овладения двумя языками в условиях двуязычия» [14, с. 30] (см. также [11, с. 15]).

Представляется вполне закономерным тот факт, что разные аспекты билингвизма состоят в тесной взаимосвязи, дополняя друг друга и выступая подчас «как интердисциплинарные проблемы, требующие усилий ряда смежных наук, поскольку лингвистический аспект неизбежно переплетается в ней с психологическим, а психологический — с педагогическим, литературно-художественный с лингвистическим» [11, с. 12].

В целом билингвизм — явление многокомпонентное, многоуровневое, комплексное, отражающее реальную речевую деятельность человека, при которой задействованы сложные механизмы речевого поведения двуязычного индивида в процессе речевой коммуникации.

В связи с комплексностью структуры двуязычия ученые склонны утверждать существование многочисленных типов и видов билингвизма, определяя таким образом возможный уровень развития и функционирования данного явления. Вопрос о типологии билингвизма привлекает особое внимание ученых не только лингвистического, филологического профиля, но и представителей смежных с филологией дисциплин: литературоведения, психологии, педагогики. Это объясняется прежде всего достаточно сложным и насыщенным характером реализации и функционирования данного процесса, обнаруживающего себя в многочисленных аспектах человеческой деятельности. Значительный интерес представляет лингвистическая типология билингвизма, предложенная Е. М. Верещагиным в работе «Психологическая и методическая характеристика билингвизма» [10]. Ученый выделяет три типа продуктивного билингвизма: координативный, субординативный, медиальный. Субординативным автор называет продуктивный билингвизм, в ситуации которого речевые произведения оказываются неправильными. Продуктивный билингвизм, обеспечивающий порождение правильной речи, Е. М. Верещагин называет координативным. Третий тип билингвизма связан с этнографической и культуроведческой тематикой, включающей страноведческий аспект [10, с. 160]. В зависимости от условий формирования и реализации двуязычия Е. М. Верещагин выделяет также рецептивный, репродуктивный, продуктивный билингвизм (по числу усвоенных речевых действий); чистый, смешанный, непосредственный, опосредованный (по связи с мышлением); естественный и искусственный (по условиям формирования) [10, с. 49].

По мнению В. Ю. Розенцвейга, особый интерес для теории языковых контактов может представлять именно субординативное двуязычие, то есть «моделирование взаимного приспособления языков в процессе коммуникации, затрудненной интерференцией». Носителю субординативного двуязычия свойственно «строить сообщение на неродном языке по правилам своего, родного языка и навязать слушающему — носителю контактного языка — эти свои правила, свой язык» [18, с. 17]. В. Ю. Розенцвейг подробно и об-

стоятельно рассматривает методы лингвистического описания обоих типов двуязычия, уделяя при этом особое внимание построению «промежуточной системы соответствий контактирующих языков, моделирующей их взаимное приспособление к потребностям коммуникации» [18, с. 20].

Т. А. Бертагаев подходит к исследованию типологии билингвизма с позиции социолингвистических критериев, выделяя дистальный (отдельный) и проксимальный (непосредственный), активный и пассивный, нормативный, односторонне-нормативный и ненормативный, целевой и бытовой, индивидуальный, групповой, массовый и сплошной билингвизм [3, с. 82, 88].

В. Д. Бондалетов предлагает различать индивидуальный билингвизм — знание двух языков отдельными членами социума — и массовый билингвизм — знание двух языков большим контингентом говорящих [6, с. 83]. По его мнению, в социолингвистическом аспекте важен вопрос о функциональной нагруженности второго языка, о степени свободы владения им [6, с. 83, 84].

Ю. Н. Караулов и В. А. Нерознак рассматривают в качестве самостоятельной проблему соотношения билингвизма и взаимодействия культур и предлагают «дихотомическое разделение билингвизма по критерию полноты/неполноты». Таким образом, авторы выделяют два типа билингвизма — интенсивный (непрерывный) и экстенсивный (дискретный). Первый предполагает перманентное использование обоих языков с максимальной реализацией коммуникативной задачи. Второй отражает факультативный аспект формирования билингвального словаря [15, с. 183]. М. М. Михайлов высказывает предположение о том, что в основе двуязычия следует различать 9 признаков: характер компонентов двуязычия, степень овладения ими, характер его связи с мышлением, степень распространенности, характер распространенности, метод распространения, время овладения, способ овладения, форму функционирования. Согласно данной классификации, ученый предлагает различать следующие типы билингвизма: однородный и неоднородный, продуктивный, репродуктивный и рецептивный, непосредственный и опосредованный, массовый, групповой и индивидуальный; добровольно изученный и насильственно навязанный; детский и взрослый; стихийно усвоенный и специально изученный; устный, письменный и двуединый [17, с. 78].

По мнению Г. М. Вишневецкой, самыми распространенными типами билингвизма являются естественный и искусственный, выделяемые на основании условий возникновения. «При естественном усвоении второго языка билингв обладает возможностью полного погружения в естественную языковую атмосферу» [12, с. 3]. Автор отмечает, что ситуация естественного билингвизма способствует более успешному усвоению иностранного языка, нежели ситуация искусственного двуязычия, когда «формирование лингвистической компетенции на неродном языке, безусловно, вполне достижимо (обучение нормам фонетики неродного языка, лексике, грамматическому оформлению речи), но коммуникативная компетенция может быть сформирована только при условии психологической готовности индивида участвовать в коммуникативном акте» [11, с. 3].

Таким образом, билингвизм представляет собой в значительной степени полифункциональное явление, обнаруживающее различные формы собственной реализации, что в целом свидетельствует о многогранности результатов его проявления.

Библиографический список

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
2. *Багана Ж.* Французский язык в Африке. М., 2006.
3. *Бертагаев Т. А.* Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
4. *Блумфилд Л.* Язык: Пер. с англ. М., 1968.
5. *Бодуэн де Куртене И. А.* О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1.
6. *Бондалетов В. Д.* Социальная лингвистика. М., 1987.
7. *Вайнарайх У.* Одноязычие и многоязычие // Языковые контакты. М., 1972. (Новое в лингвистике; Вып. 6).
8. *Вайнрайх У.* Языковые контакты: Пер. с англ. Киев, 1979.
9. *Васкевич Л. Ф.* Двуязычие — историческая закономерность развития социалистического общества // Проблемы двуязычия в многонациональном социалистическом государстве. Ставрополь, 1977.
10. *Верещагин Е. М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М., 1969.
11. *Вишневская Г. М.* Билингвизм и его аспекты. Иваново, 1997.
12. *Вишневская Г. М.* Билингвизм и межкультурная коммуникация // Вестн. Иван. гос. ун-та. Иваново, 2001. Вып. 1.
13. *Гавранек Б.* К проблематике смешения языков // Языковые контакты. М., 1972. (Новое в лингвистике; Вып. 6).
14. *Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф.* Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
15. *Караулов Ю. Н., Нерознак В. А.* Атлас двуязычия как инструмент социолингвистического анализа // Изв. АН СССР. Сер. лит и яз. 1988.
16. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 2002.
17. *Михайлов М. М.* Двуязычие: Проблемы, поиски. Чебоксары, 1989.
18. *Розенцвейг В. Ю.* Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. Л., 1972.
19. *Росsetти А.* Смешанный язык и смешение языков // Языковые контакты. М., 1972. (Новое в лингвистике; Вып. 6).
20. *Семчинский С. В.* Семантическая интерференция языков. Киев, 1974.
21. *Ханазаров К. Х.* Критерии двуязычия и его принципы // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
22. *Хауген Э.* Языковой контакт // Языковые контакты. М., 1972. (Новое в лингвистике; Вып. 6).
23. *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М., 1978.
24. *Шухардт Г.* К вопросу о языковом смешении // Избранные статьи по языкознанию. М., 1950.
25. *Щерба Л. В.* К вопросу о двуязычии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

ББК: 81.432.1-0:81.032

М. В. Яценко

КОРЕНЬ *WEG* В СЛОВАРЕ И ТЕКСТЕ ПОЭМЫ «ИСХОД». К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Древнеанглийское поэтическое творчество не раз оказывалось объектом внимания разного рода исследователей. В последнее время, однако, возобладали интерес к его содержательной стороне, которая анализируется в рамках семантического описания культурной лексики. В этом смысле особое значение имеют ключевые концепты культуры и их преломление в каждом конкретном произведении. Не случайно поэтому и наше обращение к лексике, обозначающей путь в древнеанглийской поэме «Исход», где концепт пути является ключевым в сюжетном действии. Корень *weg* (*way*) в этой группе интересен еще и потому, что он сохранился в современном английском языке.

Представление о пути-дороге как о воплощении человеческой жизни характерно для художественно-мифологической картины мира. М. М. Бахтин определял хронотоп пути как основной для произведений словесного творчества [1]. В. Н. Топоров соотносит художественную и мифологическую картины мира с научной. Исследователь выделяет основные элементы мифопоэтического пространства — центр и путь [8, с. 229]. Рассматривая мифологические тексты, В. Н. Топоров приходит к выводу о следующих особенностях представления пути в них: «Отмеченность начала и конца пути как двух крайних точек-состояний, пределов выражается и *предметно* (дом — храм и/или дом — иное царство и т. п.), и *персонажно* (достигший конца пути всегда обладает более высоким статусом, чем он же в начале пути).

В определенном смысле можно условно считать, что путь всегда ведет к *чаемому центру*: независимо от реальной локализации он выделен как своего рода центр в мифопоэтическом и аксиологическом пространстве» [8, с. 260].

В поэме «Исход» отмеченность пути как мифологемы ярко выделена. Поэма посвящена истории исхода евреев из Египта. Основное внимание в тексте уделено эпизоду движения народа-дружины по пустыне и переходу через Красное море. Библейское путешествие описано в поэме подобно военному сражению, в результате которого израильтяне получают на другом берегу моря военные доспехи и сокровища, а также обретают заповеди. Такая трактовка библейской истории согласуется с древнеанглийскими героическими ценностями и позволяет рассматривать данный сюжет как рассказ о подвигах героев. Культурная адаптация сюжета способствует тому, что путь героев по пустыне и по дну моря осмысливается как центральный, ключевой образ, актуальный для данных культурных парадигм. Думается, что образ пути здесь в полной мере мифологичен. Путь израильтян воспринимается как движение к определенной цели, что дает героям более высокий статус. В героическом плане — это обретение сокровищ и победа над врагом, в христианском — постижение знания о Боге, о чем рассказано в завершающих

поэму словах проповеди. В аллегорическом смысле путь израильтян к Красному морю соотносится с крещением [3], то есть с путем человеческой души от греха к вере, Богу. Концепт пути раскрывается в поэме на самых разных уровнях, которые выявляются при рассмотрении основных лексем — обозначений пути.

По корневому слову в поэме «Исход» можно выделить 5 групп обозначений пути, каждая из которых содержит простое наименование и ряд композитов, от него образованных. Среди них корни, которые не сохранились в современном языке: *fagu* (march), *sið* (journey), а также корни, имеющие современные соответствия: *weg* (WAY), *stræt* (STREET), *pað* (PATH). Мы остановимся на рассмотрении только группы, содержащей корень *weg*, наиболее употребительный в поэме.

В поэме обозначения пути с корнем *weg* включают простое наименование: *weg* — WAY, road; композиты, обозначающие направление пути: *suðweg* (SOUTH-WAY) — road(s) or region to the south; *norðweg* — WAY to the NORTH; *forðweg* — WAY-FORTH, onward course; композиты, означающие место, по которому проходит путь: *bæðweg* — BATH-WAY, sea; *flodweg* — FLOOD-WAY; *lifweg* — LIFE-WAY¹.

Сочетаемость с этим корнем внутри композитов показывает, что он использовался главным образом для обозначения пути как пространственного явления. Отметим, что коннотации пути, связанные с судьбой, в древнеанглийском поэтическом словаре соотносятся, как правило, с корнем *sið*, который означал как «путь», «путешествие», так и «случай», «раз», а также часто ассоциировался с судьбой эпического героя [6].

Само слово *weg* появляется в поэме дважды (строки 283 и 458) и в обоих случаях служит для обозначения пути по дну Красного моря — пути, сокрытого волнами. Связь данного слова с обозначениями воды прослеживается на уровне аллитерации, эффект которой увеличивается за счет близкого созвучия слов *wæg* (волна) и *weg* (путь): «*wyrd mid wæge; / þær ær wegас lagon*» (458)² — «[накрыла египтян] судьба волной; / там, где прежде пути лежали». Далее также данное обозначение сближается с обозначением воды, стемы вод за счет их соединения в одной поэтической строке и аллитерационного созвучия: «*wæter on wealfæsten. / Wegас syndon dryge*» (283) — «вода [делает] защищающую стену. / Пути сухи».

Слово *weg*, таким образом, становится обозначением прежде всего водного пути, пути между волнами. Отметим также, что в обоих примерах данная лексема появляется в тексте в позиции третьей аллитерационной вершины, в форме именительного падежа множественного числа, в функции подлежащего в предложении. В обоих случаях сказуемое обозначает состояние, а не действие: «*Wegас syndon dryge*» (283) — «Пути сухи»; «*þær ær wegас lagon*» (458) — «там, где прежде пути лежали». Форма множественного числа данного существительного способствует созданию образа множественности дорог, которые открываются для израильской армии (или нескольких армий — колен израилевых). В первом случае это пути между отступившими волнами:

¹ Здесь и далее, если не указано иного, перевод дается по глоссарию к поэме Э. Б. Ирвинга [13].

² Здесь и далее текст древнеанглийской поэмы «Исход» цитируется по изданию [15] с указанием в круглых скобках номера строки, перевод сделан автором настоящей статьи.

Yð up færeð, ofstum wyrceð
 wæter on wealfæsten. **Wegas** syndon dryge,
 haswe herestræta, holm gerymed,
 ealde staðolas, þa ic ær ne gefrægn
 ofer middangeard men geferan,
 fage feldas, þa forð heonon
 in ece [tid] yðe þeahton (282—288) —

«Волна вверх поднимается, / быстро делает // вода защищающую стену. / Пути сухи, // седые дороги для прохода армии, / море очищено, // старые основания, / я прежде не слышал // во срединном мире, / чтобы по ним люди путешествовали, // сияющие поля, / те, что прежде // извечно / волны покрывали //».

Во втором случае это пути, сокрытые водой:

Him ongen genap
 atol yða gewealc, ne ðær ænig becwom
 herges to hame, ac behindan beleac
 wyrd mid wæge; þær ær **wegas** lagon,
 mere modgode, mægen wæs adrenced (455—459) —

«Напротив них потемнела // яростная волн качка, / никуда ни один не пришел // из армии к дому, / но позади сомкнулась // судьба волной; / там, где прежде пути лежали, // море разбушевалось, / армия была потоплена //».

Если в первом примере пути (*wegas*; 283) предоставляют израильтянам возможность спасения, то во втором, напротив, отнимают эту возможность у фараона и его войска. Во втором случае действие воды связано еще и с силой судьбы: «*wyrd mid wæge*» (458) — «судьба волной». Появление лексемы *wyrd* здесь не случайно. Исторически это имя одной из норн (др.-исл. *Urd*, др.-англ. *wyrd*) в скандинавской мифологии и одновременно имя источника, который течет под мировым деревом — ясенем Иггдрасиль [7, с. 185]. Исторически др.-англ. *Wyrd* восходит к индо-европейскому глаголу со значением «вращать», «крутить», «становиться» (др.-англ. *weorðan*). Т. В. Топорова толкует германское **wurþis* (судьба) как «ставшее, произошедшее в результате поворота (событий)» [9, с. 164]. Она пишет об этом так: «Специфика *Urd* заключается в осмыслении судьбы как универсального начала, всецело определяющего развитие мира и отождествляемого с внутренней необходимостью» [9, с. 164]. В древнеанглийских памятниках слово *wyrd* не появляется в качестве обозначения мифологического существа, но может выступать в предложении в функции деятеля (см. об этом: [5, с. 273]), то есть в определенной степени сохраняет значение «живое существо», аналогичный случай видим и в приведенном выше примере из поэмы «Исход». Гибель египтян, таким образом, совершается по велению не христианского Бога, но скорее языческой судьбы. В поэме «Исход» судьба (*wyrd*) возвращает морские воды на круги своя, то есть восстанавливает изначальный миропорядок. При этом пути, которые для израильской армии были путями возможного спасения, оказываются для египтян погребенными под водой. Поскольку пути по морскому дну — это чудесные пути, то при их описании автор подчеркивает их неизвестность для прежних поколений, говорит, что прежде таких путей не было: «*þa ic ær ne gefrægn*» (285) — «я прежде не слышал». Во втором же случае оказывается, что пути сами по себе относятся к истории, к тому, что было

прежде, но чего больше нет: þæt ær wegas lagon — «там, где **прежде** пути лежали» (458).

Таким образом, лексема weg обозначает в поэме пути спасения, по которым израильтяне убегают от египтян. Она соотносится в контексте поэмы с водой как стихией, имеющей судьбоносное значение, с уникальной силой. Отчасти близкую семантику встречаем и в последующих контекстах употребления данного корня уже в составе композитов.

Количество композитов (6 композитов, в общей сложности 9 словопотреблений), образованных с помощью корня weg, самое большое в сравнении с другими наименованиями пути в поэме. Большая часть композитов с корнем weg обозначает направление пути, в том числе в соответствии со сторонами света. Анализ этих эпизодов позволяет понять, каким образом переосмысливалась в христианском контексте традиционная германская картина мира. Два композита с корнем weg, связанные со сторонами света в поэме «Исход» (suðweg и norðweg), демонстрируют особенность их восприятия. Е. А. Карпова, анализируя обозначения сторон света в «Беовульфе», отмечает, что они лишь отчасти сохраняют отголоски древнегерманских представлений [4, с. 190—203]. При сравнении наименований сторон света в поэме «Исход» становится очевидно, что они обретают отрицательные коннотации в отличие от поэмы «Беовульф» [4, с. 199], где сохранялись германские положительные коннотации, например, юга.

Другие композиты, включающие корень weg, непосредственно связаны с обозначением моря. Те композиты, которые традиционно использовались для обозначения собственно моря, появляются в поэме «Исход» в других значениях в силу специфики описываемых событий, поэтому bæðweg (BATH-WAY, sea) в поэме «Исход» соотносится с подводной морской бездной и с той дорогой, которая создается под действием ветра, дорогой на дне моря:

Sælde sægrundas	suðwind fornam,
bæðweges blæst;	brim is areafod,
sand sæcir spaw	(289—291) —

«Сокрытые морские глубины / южный ветер открыл, // **морские пути** сильный ветра порыв; / воды расступились, // отступившее море изрыгнуло песок /».

Другой композит с данной лексемой имеет очень близкое значение — «водный путь»: flodweg — FLOOD-WAY, однако в контексте поэмы он описывает не водный путь, то есть не «путь по воде», «но путь **к морю, к воде**»³:

Forð gesawon	
lifes latþeow	lifweg metan;
segl side weold,	sæmen æfter
foron flodwege .	Folc wæs on salum (103—106) —

«Впереди узрели // жизни предводителя, / жизни путь пересекающего; // парус путь указывал, / моряки следом (затем) // шли **путем к морю**. / Народ был в радости //».

Дж. Вилсон указывает на то, что в данном эпизоде это слово оказывается самым сложным для истолкования, поскольку прямое обозначение моря в

³ Такой перевод предлагает Э. Б. Ирвинг [13].

рассматриваемом контексте кажется на первый взгляд странным [16, с. 128], так как израильтяне еще не достигли Красного моря. Дж. Кросс и С. Такер отмечают, что слово *flodweg* (кроме данного случая) появляется лишь дважды во всем корпусе древнеанглийской поэзии (в поэме «Морестранник» (строка 52) и в Загадках) и в обоих случаях означает «водный, водянистый путь» («watery way») [12]. В данном отрывке мы встречаемся еще с одним композитом, обозначающим путь, — *lifweg* (LIFE-WAY), причем очевидно, что оба пути имеют много общего. Путь к морю *flodweg* оказывается путем, которым идет армия вслед за Богом. Бог же отмечает жизненный путь (*lifweg*). При этом путь, по которому идет Бог, находится на небе, так же как и парус, указывающий направление движения, а путь, по которому идет войско, имеет непосредственную связь с морем, хотя армия еще его не достигла.

Таким образом, происходит символическое переосмысление всего пути израильтян по пустыне, который начинает рассматриваться как путь к морю, то есть путь к воде, к крещению, а следовательно, и путь к Богу⁴. Исторически путь израильтян проходил по суше, в том числе по дну Красного моря, несмотря на это он постоянно осмысливается как морской путь, поскольку именно морской, а не сухопутный путь имел аллегорические ассоциации, значимые в христианском контексте.

Не менее интересным в плане христианских ассоциаций оказывается еще одно обозначение пути в поэме. Это композит *forðweg* — WAY-FORTH, *onward course* (4 словоупотребления). Во всех случаях он занимает аллитерационно выделенную позицию. В «Беовульфе» данное слово появляется 1 раз, причем оно входит в состав формульной модели, аналогичной той, что появляется в «Исходе». В «Беовульфе» это строка 2625 «*frod on forðweg*», используемая при описании Виглафа. При всей простоте перевода данного слова на современный английский язык при помощи этимологических соответствий (WAY FORTH⁵) толкование у него может быть значительно более широкое, чем предлагается в глоссарии.

Данная лексема в поэме «Исход» появляется в составе устойчивого выражения (формулы) в сочетании со словом *fus* (готовый): «*fus on forðweg*» (129), «*fus forðwegas*» (248). Отметим, что это словосочетание связано созвучием ударных корневых морфем — аллитерацией, которая служила в древнеанглийском поэтическом тексте сближению лексем, созвучных в пределах одной строки:

Scean scirwerod; scyldas lixton,
 gesawon randwigan rihte stræte,
 segn ofer sweoton, oðþæt sæfæsten
 landes æt ende leo[d]mægne forstod,
fus on forðweg (125—129) —

«Светился отряд, в яркие одежды облаченный; / щиты сияли, // видели воины со щитами / прямую мощеную дорогу, // флаг над войсками, / до тех пор пока

⁴ Традиция истолкования поэмы «Исход» в соотношении с богослужением была положена в работе [11]. Символическое прочтение пути израильтян по пустыне в связи с таинством крещения также предлагается в работе [16].

⁵ Данный перевод дают глоссарии [14], [15], в последнем, однако, значение уточнено — «*onward course*».

пространство моря // в конце земли / армии людей не преградило путь, // **готовой идти дальше на пути вперед**».

Посредством такого соположения создается характеристика армии в целом: ее духовного и физического состояния. Отметим, что как в данном примере, так и в строке 248, где появляется это выражение, оно стоит в конце предложений и, вероятно, не только предложений, но и крупных смысловых единств, состоящих из нескольких смысловых блоков, единств, посвященных описанию армий. Таким образом, *fus on forðweg / fus forðwegas* — это формула-итог всего описания, она обозначает готовность к бою, желание битвы, желание армии победить. «Путь вперед» (*forðweg*) приближается к обозначению не только пути с пространственной точки зрения, но и пути в будущее. Этот же компонент значения реализуется и в поэме «Беовульф», где данное слово появляется для указания на наследство, на то, что остается на земле после смерти человека:

He [ða] frætwe geheold fela missera,
bill ond byman, oð ðæt his byre mihte
eorlscipe efnan swa his ærfæder;
geaf him ða mid Geatum guðgewada,
æghwas unrim, þa he of ealde gewat
frod on **forðweg** (2620—2625)⁶ —

«... тот меч хранился, / и щит и кольчуга // у Веохстана, / покуда не вырос // ему преемник, / дабы продолжить // славу отцовскую / среди гаутов, — // оставил старец, / покинув землю, // **наследство сыну**» (2619—2624)⁷.

Значение «наследство», «продолжение дел», «будущие дела» реализуется и в поэме «Исход», хотя можно предположить, что в эпизоде, посвященном призыванию Моисея, сохраняется известная двусмысленность:

Hæfde He þa geswiðed soðum cræftum
and gewurðodne werodes aldor,
Faraones feond, **on forðwegas** (30—32) —

«Он тогда усилил / истинными искусствами // и удостоенного / народа старейшину, // Фараонова противника / для будущих дел (досл.: на путях вперед)».

Представляется, что данный перевод рассматриваемой лексемы можно несколько уточнить, учитывая то значение, которое она приобретает в следующем эпизоде, описывающем начало движения израильской армии:

Mægen forð gewat;
þa þær folcmægen for æfter oðrum,
isernhergum, an wisode
mægenþrymmum mæst, þy he mære wearð,
on forðwegas, folc æfter wolcnum,
cynn æfter cynne (346—351) —

«Армия вперед шла, // так что там сила людская / последовала вослед за другими // войсками в железо одетыми, / один направлял // из армий наиболь-

⁶ Текст поэмы «Беовульф» цитируется по [10] с указанием в скобках номера строки.

⁷ Перевод В. Г. Тихомирова [2, с. 153].

шую, / поэтому он великим стал // **на путях вперед**, / народ вослед за небесами, // отряд за отрядом».

Здесь возможно толкование этой лексемы как относящейся и к израильской армии, и к Моисею, а следовательно, *forðwegas* — это те «будущие дела» или «путь вперед», которые прославили Моисея. Два последних случая употребления анализируемого слова дают основания полагать, что *forðwegas* является своеобразным обозначением исхода из Египта как исторического события. В первом случае (строка 32) для осуществления этого пути Бог наделяет Моисея силой, во втором случае именно это событие прославляет пророка. Примечательно, что латинский термин «*ex-odus*»⁸ (так же как и русское «ис-ход») по своей внутренней форме обозначает прежде всего «путь из чего-либо», «путь прочь». Древнеанглийский же поэт стремится, вероятно, создать термин, соответствующий латинскому. Однако внутренняя форма древнеанглийского композита противоположна латинской: *forðweg* — FORTHWAY — путь вперед. В данном случае можно говорить об особом понимании значения самих событий, изложенных в поэме, и исторической роли Моисея в том числе. Путь по пустыне и переход через Красное море оказываются важными не только как путь прочь от египтян, фараона и в аллегорическом смысле — от греха, но и как путь вперед — к синайскому законодательству, Обетованной земле и к крещению, а следовательно, к Богу, спасению.

Таким образом, корень *weg* приобретает в поэме дополнительные коннотации и обозначает не только путь-дорогу в пространственном отношении, но и путь-судьбу, прежде всего судьбу народа. Понятия «путь» и «судьба» по-разному соотносятся с высшей силой, которая предопределяет судьбу. Если *sið* — это путь, определяемый христианским Богом, то *weg* ассоциируется с германской богиней судьбы (др.-англ. *Wyrd*, др.-сканд. *Urd*), что подкрепляется соотношением обоих понятий с водной стихией.

Соположение наименований пути и воды, моря в поэме, которое прослеживается как на уровне аллитерации, так и при рассмотрении композитов, содержащих наименования пути, демонстрирует связь этих двух концептов, постоянное восприятие пути израильтян как морского, водного пути, что соотносится с аллегорической традицией осмысления пути израильтян как прообраза крещения.

Библиографический список

1. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975.
2. *Беовульф* / Пер. В. Г. Тихомирова; Ред. и коммент. О. А. Смирницкой // *Беовульф*; Старшая Эдда; Песнь о Нибелунгах. М., 1975. (Б-ка всемир. лит. Сер. 1; Т. 9).
3. *Закон Божий для семьи и школы* / Сост. прот. С. Слободской. Петрозаводск, 1999. Репринт.
4. *Карпова Е. А.* Интерпретация древнеанглийского поэтического текста: опыт лингвокультурологического анализа наименований стран света в поэме «Беовульф» // Раннесредневековый текст: проблемы интерпретации. Иваново, 2002.

⁸ Отметим, что этот латинский термин, применяющийся в латинской Библии, обозначает именно исход израильтян из Египта как историческое событие и является, в свою очередь, калькой греческого термина.

5. *Русяцкене Р.* Лексика, обозначающая «смерть», в контексте древнеанглийской поэзии // Слово в перспективе литературной эволюции: К 100-летию М. И. Стеблин-Каменского / Отв. ред. О. А. Смирницкая. М., 2004.
6. *Смирницкая О. А.* *Sif* Beowulfes: границы «культурной лексики» в древнеанглийском эпосе // Слово в контексте литературной эволюции: заговор, эпос, лирика. М., 1990.
7. Старшая Эдда: Древние песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна; Ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского // Беовульф; Старшая Эдда; Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
8. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
9. *Топорова Т. В.* Древнегерманские представления о судьбе // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
10. *Beowulf & the Fight at Finnsburg* / Ed. by F. Klaeber. Boston, 1950.
11. *Bright J. W.* The Relation of the *Cædmonian Exodus* to the Liturgy // *Modern Language Notes*. 1912. № 27.
12. *Cross J. E., Tucker S. I.* Allegorical Tradition and the Old English *Exodus* // *Neophilologus*. Vol. 44 (1960). Afl. 2.
13. *Irving E. B.* Glossary // *Exodus: Old English Exodus* / Ed. by E. B. Irving. New Haven, 1953.
14. *Klaeber F.* Glossary // *Beowulf & the Fight at Finnsburg* / Ed. by F. Klaeber. Boston, 1950.
15. *Old English Exodus* / Ed. by E. B. Irving. New Haven, 1953.
16. *Wilson J. H.* *Christian Theology & Old English Poetry*. The Hague; Paris, 1974.

СИМВОЛИКА ЛИРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА В «ЗИМНИХ СОНЕТАХ» ВЯЧ. ИВАНОВА

Проблема лирического сюжета остается до конца не проясненной в современном литературоведении, о чем свидетельствуют последние суждения и размышления, сделанные отечественными и зарубежными филологами. Сложность ее решения обусловлена прежде всего тем, что лирический сюжет — явление совсем иной природы, чем сюжет эпический. Тончайшая материя поэтического языка, непосредственно связанная с эмоционально-выразительной стороной текстового содержания, как правило, не выдерживает терминологических дефиниций, прилагаемых к ее интерпретации, сопротивляется введению теоретического инструментария, определяющего сюжетостроительные интенции текста.

Трудности такого рода приводят порой к отказу от категории лирического сюжета, когда она представляется «всего лишь неудачной метафорой» [18, с. 167].

Вряд ли такая позиция плодотворна: в сущности, она закрывает проблему, над решением которой размышляли выдающиеся представители филологической науки еще в начале XX века. Среди них — Ю. Н. Тынянов, который был далек от уподобления лирического сюжета эпическим формам литературы. Не «последовательность событий», а способ «развертывания материала», динамика стиха, воплощенная в системе языковых средств поэтического произведения, прежде всего занимают ученого в его понимании лирического сюжета [25, с. 78—79].

Современные суждения и наблюдения, сделанные в этой области с учетом наработанных теоретиками и историками литературы установок и положений отличаются аналитичностью и глубиной подхода к данной проблеме [13, с. 206—238]. Наиболее развернуто и значительно он проявляется в работах Е. В. Капинос, позиция которой представляется наиболее убедительной. Вслед за Ю. Н. Тыняновым исследовательница понимает лирический сюжет как органически развертывающийся процесс движения поэтических смыслов: одно стихотворное значение «произрастает» из другого в тесных композиционных рамках. При этом «и сюжет, и композиция — это расположение и соположение различных единиц текста, но в первом случае живое, текучее, развертывающееся, во-втором — гораздо более твердое и устойчивое» [9, с. 11—12].

Эта чрезвычайно интересная и точная мысль обретает еще большую убедительность, если ее отнести к феномену поэтического цикла. В качестве «единицы лирического сюжета» здесь наиболее активно и выразительно проявляет себя законченный стихотворный текст, входящий в структуру циклического единства: «Лирическое состояние не неподвижно, оно как будто бы

“вращается”, обеспечивая своим движением многослойность, глубину и символику поэтического текста. <...> Семантические взаимоотношения, соотносящиеся с движением живой души, обнажают не только динамическую природу лирики, но и ее статическую основу: вечно меняясь, бессмертная душа остается неизменной, динамический и статический уровень выступают в неразрывном единстве и взаимоположенности» [9, с. 21].

Эти слова как будто сказаны о «Зимних сонетах» Вяч. Иванова (далее — ЗС), настолько соотносятся они с движением лирического сюжета цикла и его художественно-философским смыслом. Поиск ответа на мучительную загадку соотношения духовного и материального бытия, действительности реальной и мистической, смерти и воскресения осуществляется в трагически сгущенной символике поэтического языка. Однако трагическая природа лиризма ЗС не устраняет источник лирико-философской окрашенности поэтического высказывания, и циклический сюжет разворачивается в парадигме «онтологической поэтики» [10], когда появляется «потребность указать на те глубинные, бытийные... основания, из которых текст вырастает и определенным образом оформляется» [11, с. 92].

В связи с этим именно лирический сюжет, его сквозное движение, репрезентирующее художественно-философскую символику, позволяет проследить и понять, каким образом установка на понимание мира и человека в онтологическом ключе влияет на художественно-смысловой ряд, формирующий итоговый пафос цикла.

В ЗС (1919—1920) воспроизводится реальная биографическая ситуация, когда Иванов в тревоге за жену и детей преодолевал долгий морозный путь в открытых санях, чтобы навестить семью, спасающуюся от голода и холода революционных лет в подмосковной здравнице. Таким образом, сама жизнь диктовала обостренно-личный характер лирической эмоции, определяющей текстовое пространство [7, с. 84]: личная судьба и судьба семьи в условиях гражданской войны составляла предмет уже не спиритуальных, а самых непосредственных человеческих переживаний Иванова, придавших двенадцати сонетам цикла неподдельный драматизм лирической дикции, «интонацию простоты и человечности, которых ему так недоставало прежде» [1, с. 57].

Но это не отменяет бытийно-философской оснащенности лирической эмоции. Мир, бессмысленно и беспощадно расколотый социальной катастрофой, в сознании автора/героя представлен разломом внутренним — трагически окрашенной борьбой «грубой коры вещества» (Вл. Соловьев) с нетленным присутствием высших начал; при этом угрожающее ощущение духовной смерти переплетено с неутолимой жаждой духовного возрождения.

В этой исходной сюжетной коллизии можно услышать дальний отзвук пушкинского «Пророка»: томимый «духовной жаждою» человек в ситуации перепутья претерпевает процесс мучительного пересоздания плоти, становясь в результате провозвестником Божьей воли. Но пушкинский сюжет в ЗС осложнен и предельно обострен тем, что не «шестикрылый серафим» — человек «сам себя рассек / На плоть и дух — два мира вожделений» [6, т. 3, с. 572]¹.

¹ «Зимние сонеты», как и другие сочинения Вяч. Иванова, цитируются далее по указанному в библиографическом списке источнику с указанием в круглых скобках римской цифрой тома и арабской — страницы.

Эта мысль мистически отзывается в воспаленном сознании героя картинками и видениями трансцендентного бытия, но, в отличие от христианской аскетики, напряженное внимание лирического субъекта обращено и к миру дольнему, в котором пребывают родные и близкие. Более того, рефлектирующее сознание автора/героя направлено на целокупное разнообразие природного существования, повернуто ко всему тварному миру с его земнородными, населяющими земную юдоль и согревающими ее своим дыханием. Именно в этом средостении смысловых пластов онтологическое измерение ЗС явлено наиболее зримо: это начало, «реанимирующее» плоть в ориентации на запросы Духа и в то же время подвигающее Дух к «нисхождению» в дольний мир, к просветлению «грубой коры вещества» энергией Божественной любви и света.

Таким образом, в ЗС сакральная топика и природно-тварная жизнь оказываются сопряженными в проникновенно-лирической тональности драматического диалога.

Если развернуть эту коллизию, то в метасюжете ЗС можно увидеть Божественный смысл происходящего, но проявление его присутствия разнопланово. Аура трагического лиризма, разлитая в поэтической атмосфере цикла, отмечена нерасторжимой связью земного, реального пространства, в котором пребывает душа с теплотой ее человеческих связей, и пространства сакрального, «реальнейшего», относящегося к сфере духа, мистически прореваемого сквозь материальную оболочку мира. По мере развития циклического сюжета голос лирического Я, стремящегося преодолеть омертвелость души и оледенелую застылость жизни, взывает к «вышним», возносясь в области запредельного бытия. Преодоление материальных границ, однако, не разрывает, а, напротив, сохраняет и укрепляет связь с живым дыханием тварного мира в царстве омертвевшей природы в жажде всеобщего преображения.

Как всегда у Иванова, концептосфера его поэтической рефлексии предельно насыщена внутренними отсылками к культурному и религиозному контексту, скрытыми цитатами, отзвуками «забытых гимнов» и мифов, что формирует насыщенный реминисцентный пласт поэтики ЗС. В циклический сюжет вписан целый ряд многообразных и разноприродных ассоциаций культурного и религиозно-философского толка, так или иначе отзывающихся в развертывании лирической коллизии, — постоянный способ и важная примета выражения ивановской поэтической мысли. Литературные аллюзии вечной «дорожной» темы [31], начиная от Пушкина с его «Зимней дорогой» до «Божественной комедии» Данте [27], далеко не исчерпывают круг культурных референций автора ЗС.

Художественной основой лирического сюжета ЗС стала категория Пути, поэтически оформленная как мифологема, прорастающая иерархией смысловых пластов. Она развертывается как эмпирическая данность реальной санной дороги, в то же время дороги как жизненной судьбы и более — Пути как духовного восхождения, освобождения от плена плоти для новой жизни души и одновременно в значении мистического постижения сущности бытия: *«Ты — бытие; но нет к Тебе следа...»*

По мере развития исходной коллизии — зимний путь по ночному лесу — мифологема дороги-Пути обретает признаки метафизического лабиринта с провалами и взлетами, с символизацией «верха» и «низа». Особая мета этой поэтической реальности в том и состоит, что лирический субъект переживает

ее не в последовательности составляющих знаменитую ивановскую диаду элементов («восхождение — нисхождение»), а в сбое этого ритма, то ощущая свою омертвелую, «гробовую» заброшенность, то духом возносясь к Небесному Храму. Поэтому помимо выяснения бинарных оппозиций в таком случае «важно определение соотношения различных символических сфер и ситуаций» [21, с. 152].

Всплеск этого сопряжения-боренья, повторяющийся в цикле не раз, отмечен разветвленной символической оппозицией — *зима/весна, стужа/тепло, мрак/свет*, — распространяющей свою семантику не только на внешний, но и на внутренний мир (*зима души*). Концепт «зима», реминисцированный множеством коннотаций, определяет в ЗС состояние мира и диктует ему свои законы. Символическая связка *зима-чума* подчеркивает в цикле ауру смерти, равно как *солнце-весна* несет в себе реальность пробуждения, преобразования, спасения души и мира в целом.

Отсюда набирает свою художественную динамику контрапункт лирического Я как духовного мертвеца и Я «истинного», мистически провидящего иную реальность, причастника и провозвестника христианского пробуждения-воскресения. П. Дэвидсон видит исход этой борьбы в неотвратимости мрачной реальности, утверждая, что ЗС «полностью подчинены ощущению зимы и не оставляют надежд на дионисийское освобождение или духовное пробуждение через любовь в этой жизни. В этих сонетах зима является символом всей земной жизни, когда душа заключена в плоть» [5, с. 218]. Так же считает и Н. Салма, рассматривающая ЗС как итоговое произведение Иванова, в котором дано «художественное раскрытие душевной жизни героя, осознанного принципиальную неразрешимость проблем в сфере спиритуальной» [19, с. 293].

Однако, как нам кажется, столь мрачный взгляд не исчерпывает картину в целом. Начиная с третьего сонета сознание Я «истинного» символически сцеплено с семантикой «живого солнца», луч которого пробивается сквозь зимнюю оледенелость. Солярная символика всегда отмечена у Иванова духовно-подъемными смыслами, определяющими теургическую мифизацию «солнца», — достаточно вспомнить открывающий «*Cor ardens*» поэтический цикл «Солнце-сердце» (1905—1907) с такими названиями входящих в него стихов, как «Хвала Солнцу», «Хор солнечный», «Солнце», «Завет Солнца», «Псалом солнечный» и др. [15]. Проявление светоносно-утепляющей энергии «живого солнца» в цикле ЗС можно воспринимать как знак софийного нисхождения в суровую застылость мира, где «*колокол поет про дальний берег*», хотя солнечный луч поначалу и не достает до душевной глубины лирического Я:

Зима души. Косым издалика
Ее лучом живое солнце греет,
Она ж в немых сугробах цепенеет,
И ей поет метелицей тоска...

Тем не менее «живое солнце» ассоциативно ведет за собой знаменитое «неподвижное солнце любви» Вл. Соловьева, и эта связь имплицитно определяет жизнотворящую составляющую лирического переживания, эмоциональный выплеск которого прозвучит в последнем сонете: «*Любовь — не призрак лживый: верю, чаю!...*» Солярная семантика ненавязчиво, но настойчиво вплетается в лирическую артикуляцию: именно с ее символического

звучания начинает свое движение тема «истинного» Я, преодолевающего «плотское» бытие и творящего «*вдали свой храм нерукотворный*».

Уже в следующем, четвертом сонете этот мотив манифестирован смежной тонального строя, передающего слом зимней символики: «*Преполовилаь темная зима...*» «Зима» теряет свою непререкаемую власть, и сон души, уподобленный рабской покорности смерти, нарушается. «*Темная зима*», пусть временно, но отступает, давая место «*дню Солнцеворота*», и это не просто поворот солнца на другой календарный ритм. Отмеченный заглавной буквой, этот знак народного календаря символически осмысливается как праздник света и будущего пробуждения, отменяющий кажущееся незыблемым господство законов Зимы, глухого сна души, уподобленного смертельному окостенению природы. Герой «долгим бденьем» празднует день Солнцеворота: «*Бежит очей дрема...*» Этой рубежной мете календарной символики соответствует ожидание перехода к дальнему, но неотвратимому царству солнечного тепла, в символической проекции — Весны «дального берега» и Пасхи как воскресения и победы над смертью.

Мотив солнца, солярная символика с ее соловьевскими отзвуками указывает ориентиры «истинного» бытия, их неотвратимого утверждения в жизни материального мира. Духовно-творческую наполненность этого настроения мистически претворяет явление Музы:

В лес лавровый холодная тюрьма
Преобразилась Музы нисхожденьем;
Он зыблется меж явью и виденьем,
И в нем стоит небесная сама...

Воспроизведенная здесь визионерская картина [16, с. 177; 2, с. 311—334] отсылает к видению Софии из «Трех свиданий» Вл. Соловьева, контаминированной с дантовской Беатриче. «Небесная сама» на фоне лаврового леса [14, с. 241, 250], антиномичного аналога *selva oscura* из дантовского «Ада», здесь представлена воплощением Вечной Женственности, но Иванов транспонирует идею соловьевского космоса с его сакральным центром в своем смысловом ключе. Контаминация Софии и Музы отвечает основному принципу ивановской эстетики — неразложимости и взаимообусловленности Вечной Женственности и теургической сущности искусства: «Когда призвана Вечная Женственность, как ребенок во чреве, взиграет некий бог в лоне Мировой Души, и тогда певцы начинают петь» (III, 306). София-Муза кротко и горестно упрекает героя в «неверности» этому завету: «*Слагался ль в песнь твой малодушный ропот?*» Эти слова должны подтвердить целительную и духоподъемную миссию поэтического слова, которое отмечено благоволением Небесной: «*...А я в звездах звала твой взгляд понурый*». Поэзия, таким образом, мыслится как акт духовного откровения, патронируемый Софией.

Параллельно явлению Софии-Музы Иванов намечает другую ипостась поэтической реальности, инициирующую процесс духовного «вживания» героя в наличное бытие всего тварного мира. В последующем развитии циклического нарратива имплицитно звучит мотив «прощеного поцелуя»: «*В узилищах с немилым я свяжем, / Пока к тому, кого любить не мог, / Не подойду с прощеным поцелуем...*» — мотив жертвенного участия в судьбе ненавидимого, загнанного, отвергнутого. И начинается этот процесс с низших слоев природного существования, являющих собой часть материальной

природы, которая, по словам Вл. Соловьева, «злым началом сама по себе быть не может», она принимает «то или другое духовное начало» [22, с. 348]. Разделяя это убеждение, Вяч. Иванов поднимает из небытия те слои национальной духовности, где оживает дохристианский, древнеязыческий религиозный синкретизм, не различающий душу человека и ее аналог в живом существе природного мира.

Пятый сонет, уникальный не только в ивановском творчестве, но и во всем символистском континууме, проникнут едва ли не одическим пафосом, имеющим довольно странный, на свежий взгляд, объект:

Рысучий волхв, вор лютый, серый волк,
Тебе во славу стих слагаю зимний!

Это обращение, равно как и выбор адресата, в мыслительном сюжете Иванова реализует магию любви к дольному миру, ко всем существам, его населяющим, особенно гонимым и отверженным, среди которых не случайно выступает волк. Л. В. Павлова, исследуя символическую «фауну» поэтического мира Вяч. Иванова², справедливо утверждает, что для Иванова «интерес к зверю оказывается одним из способов постижения самого себя и мира, созданного Творцом» [17, с. 12]. Волк пятого сонета подтверждает эту мысль.

В традиционном фольклорно-художественном сознании волк — это «зимний» зверь, и здесь он «вызван» символикой зимы, но поэтически осмыслен неожиданно, непривычно сложно. Пожалуй, с беспримерным, удивительно проникновенным сочувствием судьба страшного хищника в условиях зимней стужи и голода воспринимается острее, чем своя собственная:

Голодный слышу вой. Гостеприимней
Ко мне земля, людской добрее долг.
Ты ж ненавидим...

Это тот случай, когда происходит «своеобразный “спор” с фольклором и его диалектическое “отрицание”, разумеется, с элементами “снятия”, то есть продуктивного усвоения тех потенциальных возможностей, которые таятся в фольклоре <...> В этом диалоге-состязании и обнаруживаются сверхсмыслы, то, что подчас было непознанным, тайной для самого писателя» [21, с. 34].

Прочитанное тонкое наблюдение во многом относится к волку пятого сонета. Волк вписывается в разветвленную символярную автобиографического мифа Иванова: он прежде всего ассоциируется с местом рождения поэта (Волков переулочек в Москве и располагавшиеся рядом зверинец и церковь св. Георгия, о чем с такой любовью и трепетным волнением повествует поэма «Младенчество»). Таким образом, герой отмечен «тотемной» памятью о звере-покровителе. В то же время волк вводит в символику автобиографического мифа архетипическую национальную древность:

Близ мест, где челн души с безвестных взморий
Причалил, и судьбам я вверен был,
Стоит на страже волчий вождь Егорий.

² В силу ограничения объекта ее исследования дореволюционным периодом творчества Вяч. Иванова ЗС в поле зрения Л. В. Павловой, к сожалению, не попали.

Протяжно там твой полк, шаманя, выл;
И с детства мне понятен зов унылый
Бездомного огня в степи застылой.

Смысловая емкость этой образной контаминации восходит к древним народно-национальным основам христианской святости. Поэт соединяет фольклорного «серого волка», наделенного функциями слуги и помощника сказочного героя, со св. Георгием (ср. : «Я у Георгия крещен...»), но в ЗС акцентирует простонародно-русское имя христианского святого — Егорий, именно он является одновременно и охранителем стад, и покровителем «лютого» зверя.

Кроме того, как показывают разыскания в области славянской древности, Егорий в народных поверьях наделялся и другими функциями: «еще в незапамятные времена ему были доверены ключи от неба, и он каждую весну отпирает его, предоставляя силу солнцу и волю звездам» [26, с. 209]. Таким образом, сонет, обращенный к волку, предвосхищает поворот в движении циклического сюжета, выводя его, при всей своей «приземленности», к символике высших, «реальнейших» ценностей: «весна», «небо», «солнце», «звезды» в символической системе Вяч. Иванова, как известно, играют определяющую роль.

Вообще лексико-семантический комплекс «рысучий волхв», в котором слышится фонетическая символика (*волк-волхв*), поразителен по своей неожиданной поэтической смелости. Он несет в себе антиномичное единство хищного зверя и человека, носителя тайно-магического, пророческого знания в древнерусском сознании языческой поры [26, с. 184—186]. Но в то же время Иванов предельно раздвигает символические границы этого комплекса, вписывая в них и эллинскую мифологическую реальность: волк предстает как «дельфийский зверь», относящийся к «свите» Аполлона Ликейского («Волчьего»), где он выступает как слугитель и хранитель «*пророков полигимний*» и его связь с ними «*волшебна и взаимна*».

Так к звучанию древнерусских, фольклорно-языческих, лирико-биографических коннотаций «волчьей» семантики прибавляется воплощение творческого духа в античной культуре. Нельзя не заметить при этом, что посвящение сонета волку, прямое обращение к нему призывает в ассоциативно-реминисцентную ауру текста память о духовной практике св. Франциска Ассизского, с его «теплотой душевного богообщения и свежестью радостного приятия мира» [8, с. 60]. Проникновенный монолог героя ЗС, обращенный к волку, выглядит как поэтический инвариант знаменитой «Легенды об обращении св. Франциском лютого волка в Агуббио» [30, с. 67].

Таким образом, поэтическая мысль автора ЗС, в прихотливом рисунке символических переключек проникая в толщу первобытного синкретизма, одновременно отзывается знаками предопределенности личной судьбы автора/героя, заповедными мифами древнерусской старины, образами культурной памяти и христианского предания.

Поворотным в развитии циклического сюжета является шестой из двенадцати сонетов цикла: здесь усилившаяся стужа мира преодолевается мотивом близкой весны, символически осмысленной как просветление духа в надежде на эсхатологическое пробуждение: «*Не сиротеет вера без вестей; / Немолчным дух обетованьем светел...*» «Хриплый гимн» «вождя утра» — петушинный крик во мраке зимней ночи — становится «*трубным звуком*»,

«что отворяет / Последние затворы зимних врат». Этот перелом лирико-повествовательного строя, отмеченный сращением фольклорно-языческой и мистико-религиозной символики, являет собой кульминацию внутреннего метасюжета, отмеченного динамикой онтологических начал.

Не удивительно поэтому, что следующий, седьмой сонет заново начинает тему расколотого Я, опять вызывая на поверхность мотив двойника и снова выстраивая противостояние бинарных оппозиций вплоть до последнего сонета цикла. Герой оказывается в сфере мистических интуиций, трагически разведенных в его сознании: «...я, тайный ученик, / Дивясь, брожу в Изидиных чертогах...» — и одновременно: «...здешний, я лежу на дорогах, / Уставя к небу мертвый, острый лик...» Изиду Иванов вспоминает в духе общесимволистской нормы, — этот образ он уже использовал, говоря о поэзии Вл. Соловьева, где «все богатство намеков, приоткрывающих высшие тайны для тех, кому дано воспринимать и угадывать эти ознаменования», говорит «своим символическим языком о сокровенной Изиде» (III, 305). Тайный ученик, зачарованно бродящий в чертогах Изиды, — это, конечно же, тот, кому даровано обретение опыта поэта-тайновидца, умеющего провидеть за *realia realiora*. Таким способом вводится мысль о герое/поэте как о посвященном: Изиды-Муза — учительница мистического знания, которым овладевает ученик-поэт.

Однако есть смысл говорить и о других факторах, определяющих это единство. На один из них указывает Н. Бонецкая [4, с. 279], привлекая отдельные элементы антропософского учения Р. Штейнера, знакомого через своих русских адептов (прежде всего Андрея Белого) с учением Вл. Соловьева, соединившего, как показывает В. Кравченко, библейскую, гностическую и каббалистическую версию Софии в единый концепт Вечной Женственности и Мировой души [12]. В одной из своих лекций 1920 года Р. Штейнер предлагал христианизировать имя Изиды, заменив его на имя Божественной Софии, с целью создания нового мифа, в котором «Изида в своем истинном образе распростерта в красоте целого космоса. Изиды эта есть то, что во множестве светящихся красок аурически сияет навстречу нам из космоса» [28, с. 210].

Несмотря на присутствие следов антропософского влияния в сознании Вяч. Иванова [3], нет нужды видеть в «Изидиных чертогах» влияние Штейнера. Тем более любопытно, что ход мысли автора ЗС имплицитно воспроизводит подобную картину ночного неба, но Иванов вводит в нее один из наиболее любимых им образов, и зимний ночной небосвод обретает еще один образно-персонифицированный лик: «Меж пальцев алавастровых лампада / Психеи зябкой теплится едва. / Алмазами играет синева. / Грозь, висит хрустальная громада...» «Хрустальная громада» ночного свода «аурически сияет» в морозном воздухе, грозь своей отчужденностью, однако прозрачно-телесная семантика «психейного» начала высветляет этот смертоносный, мертвящий образ-символ «зимы» обертонами софийного свечения. Психея-душа, не теряя своей античной родословной, робко и «зябко» опять-таки выступает ролевым аналогом светоносных начал жизни.

Пока Муза-Изида учительно приобщает героя/поэта к заповедным тайнам бытия в сакральном топосе остановившегося времени, «плотская» его ипостась, заброшенная «в чистилищах глубоких», по-прежнему во власти «незримого вождя моих глухих дорог». Развертывающаяся далее мифологема Пути, постепенно сменяющая «жребий распутий» — символ бездорожья и

скитаний, противоречиво сплетена, как уже говорилось, контрапунктом мрака и снежной белизны, мертвого и живого, огня и вьюги, дома и бездомья, пути похоронного и пути как подвига духовного восхождения. Среди этих символических воплощений онтологические интенции обретают повышенную востребованность, выходя к универсуму религиозно-философской мысли Вяч. Иванова.

В связи с этим вторая половина цикла возвращает «дорожную» тему, но поднимает ее на уровень новой символики, усиливающей «эсхатологическую встревоженность» лирического повествования. Мистически прозреваемый Путь освещен сиянием лунных лучей, слитых «с зарею розоватой», природной эманацией Мировой души. Следуя П. Флоренскому, эту картину можно читать как «мистику ночи» и «мистику утра», — т. е. как символику начал, приобщающих к «первичным интуициям бытия». «Эти две тайны, два света — рубежи жизни. Смерть и рождение сплетаются, переливаются друг в друга...» [29, с. 17, 22].

Поэтическому высказыванию Иванова, надо заметить, всегда свойственна особая символическая подсветка, на которую обратил внимание Ф. Степун, отметив в творчестве Иванова «искусственность и эффектность» художественного освещения, но добавив при этом: «...и все же это освещение внутреннее, а не внешнее, светопись духовного озарения, а не извне установленные прожекторы» [23, с. 177]. То же можно сказать о сложной световой семантике, вплетенной в мифологему Пути: она тяготеет к сгущению в некую духовную субстанцию, свечение которой теперь придает движению телеологический характер:

Не высвечен из мрака лишь вожатый,
Как будто, сквозь него струясь, луна
Лучи слила с зарею розоватой
И правит путь Пресветлая Жена.

П. Дэвидсон читает этот «путь» как похоронный, но он может мыслиться не столь однозначно. «Пресветлая Жена» наделена здесь ореолом Путеводительницы, и ее верховная власть над миром, погруженным в ночной мрак, и душой, закостеневшей в зимнем — мертвом! — сне, определяет дальнейший ход лирического повествования, ориентированного на символику весны-пробуждения.

По мере дальнейшего движения сюжета мистическая реальность переходит в новую фазу своих воплощений, формируя сферу духовных отношений героя с миром, и прежде всего с природно-тварной его основой в проекции на «плотскую» ипостась человека. Сакральная топика «Изидиных чертогов», равно как и траурный пейзаж «пустынных гор в оснеженных острогах», сменяется в восьмом сонете архетипическим символом дома как укрытия от «зимы-чумы», дарующего тепло «магического круга». Ассоциативно архетип дома связан с мотивом семейного очага, намеченным в первом сонете как вожделенное, но недоступное для героя прибежище в его тяжких скитаниях. Вспомним одинокий домашний кров в начале цикла: он выступает как единое пространство зимнего сна-смерти:

Охалку дров свалив у камелька,
Вари пшено. И час тебе довлеет,
Потом усни, как все дремой коснеет...
Ах, вечности могила глубока...

Здесь же, в потайном пространстве, *«где укрыт от стужи уголок»*,

Тепло в черте магического круга;
На очаге клокочет котелок,
И светит Агни, как улыбка друга.

Смысловая контрастность этой картины обусловлена нарастанием в цикле утепляюще-высветляющей тональности, — не случайно огонь-Агни не только греет, но и светит, по-человечески излучая дружеское участие.

Вообще говоря, художественное время и пространство второй части ЗС тяготеет к хронотопу промежутка, перехода: это метафизическая реальность между зимой-весной, сном-пробуждением, смертью-воскресением, что создает некий образ мистико-религиозной модели мира. Свет и тепло, так робко пробывавшиеся в первой части цикла, все смелее набирают свою семантику во второй, и в этом можно усмотреть жизнеспасительное действие духовной первоматерии. Так, «скорбный строй» зимнего мотива, которым открывается девятый сонет, взрывается символикой Солнца, неизменно ждущего своего восхода: *«Безвестье тут, беспмятство, застылость, / А в недрах — Солнца, Солнца рождество!»*

Надо ли прояснять теургически-приподнятую семантику этого мотива, ассоциирующего с соловьевской мифологемой «неподвижного солнца любви»? В этой парадигме финал сонета вновь отмечен линией софийного нисхождения в дольний мир, репродуцирующего символику земного приюта. «Жизнь темная», земное существование с неотменимостью запросов «плоти», человеческая жизнь как таковая вновь осенены теплом спасительного крова, *«где трещат дрова»*. «Жизнь и любовь» поверяются, казалось бы, «убогой» мерой — *«за огонек востепленный тревога / В себе и милом ближнем...»*, — но именно эта прикровенная мысль о «ближнем» утверждает не внешне-догматический, а глубинный христианский смысл земного бытия.

Христианско-гуманистическая сущность этого лирически открытого признания развертывается далее в том же мотиве укрытия, но теперь он связывает лирическое Я со всем сонмом страждущих существ, достигнутых смертоносным дуновением зимы. Эта своеобразная переключка с «волчьим» сонетом опять демонстрирует замечательную особенность мира ЗС: жизнь человеческой души в ее земных пределах отмечена трогательной заботой о всякой Божьей твари. Сокровенное, утепляющее грешный мир душевное волнение доходит, казалось бы, до невозможного, когда в превратностях зимней стужи участь человека и земнородного существа практически уравнивается в своих правах на защиту от мороза и голодной смерти. В десятом сонете этот мотив пронизан лирической волной осердеченного молитвенного возгласа: *«Бездомных, Боже, приюти! Нора / Потребна земнородным и берлога / Глубокая...»*

В этом обращении слышится женственная в своей основе природа щемящей любви ко всем Божьим созданиям, и она обнаруживает в своей проекции любовно-собирательный образ всеединого, обнимающего весь тварный мир бытия, избавленного от страданий. Нельзя не заметить, что природа в ЗС пронизана нотами христианско-богородичного сострадания к грешной земле, кротко-милосердной печали не только об обыденной человеческой юдоли, но и о всем тварном мире, и это участие распространяется как гуманизирующее мир начало, дарующее не только духовный свет, но и сострадательно-ми-

лосердное тепло жизнечувствия. Оно осеняет скованный льдами мир той любовью, которая читается как «жалость ко всему живому».

Если признать, что эта «напряженность ожидания» преображения мира и человека в ЗС «так и не получает разрешения» [5, с. 215], то нельзя не заметить и другой процесс: как уже говорилось, в морозном воздухе ЗС разлита востребованность онтологических связей, которые могут стать основой всеединства, чаемого Соловьевым и поэтически трансформированного Ивановым в лирико-символическом ключе.

Однако в глубинах лирико-философского сознания поэта шла духовная работа, показывающая, по словам дочери, «какой ад был у него в душе» [7, с. 84], и не удивительно, что поэтическая мысль ЗС выстраивается в модусе борьбы отчаяния и надежды, скорби и просветления.

Художественно этот процесс закодирован в тонкой пульсации амбивалентного комплекса *зима/весна*, который имплицитно выводит поэтику софийности к актуализации поэтических интенций, отмеченных аурой веры, надежды, любви. Уже в десятом сонете, приближающем циклический финал, «жизнь и любовь», две равносущностные субстанции, реанимируют мотив душевной бодрости — «но все душа бодра», порождающий метафорику взаимоактивной нерасторжимости «звериного» и «человеческого» естества, тела и духа. «*Два мира вожделений*» — душа и тело, дух и плоть — заряжены единой энергией жизнечувствия:

Согрето тело пламенем крылатым,
Руном одето мягким и косматым,
В зверином лике весел человек.
Скользит на лыжах, правит бег олений...

Этот мотив исполненной сил плоти и просветленной крепости духа, отмеченный зарядом бодрящей и активной энергии, звучит оптимистично-мажорной нотой, перебивая заданную мрачную тональность цикла.

Предпоследний, одиннадцатый сонет являет собой поэтическое пространство, где провозвестие наступления весны разворачивается в символике природного пробуждения. Мистический пейзаж, язык внутренних видений сменяется метафизическим таинством естественно-природных метаморфоз. Сакральная топка «верха», представленная эсхатологическими приметами «воскресения мертвых», сопряжена с удивительно свежо и тонко выписанными реалистическими деталями оживления земной природы. Символическая основа этой связи рационально не задана, но поэтически она выразительна и ощутима: образ «гостя довременной весны» — буйного, теплого вихря, в дыхании которого тает «острог зимы», «синеет в пятнах дол наутро талый», ведет за собой символически мерцающую цепочку кода *Весна — Воскресение — Преображение*, включающую и коня на переправе (символ пограничья разных ипостасей бытия), и прозрачную христианскую символику созвездья «февральских Рыб», свет которых волнует замогильную «область душ», предвосхищая эсхатологическое пробуждение от смертного сна. Все это призвано символически выразить настроение метафизического бодрствования, не менее сущностное в общем звучании цикла, чем удручающее сознание «глубокой могилы вечности», в которой пребывает человеческое существование.

«Микрокосм — точное подобие макрокосма и в некотором таинственном смысле не подобие только, но и тождество», — считал Иванов (IV, 271).

Если это утверждение принять как непреложное свойство его творческого сознания, то движение лирического сюжета ЗС читается под знаком нарастания заложенной в цикле интуиции торжества духоподъемных начал как в мире, так и в самом человеке. В конце цикла этот мотив особенно действенен, он определяет состояние мира. Из этого пространства, правда, выведено лирическое Я, не могущее для себя решить, «где морок, где существенность, О Боже? / И явь, и греза — не одно ль и то же?» Но Иванов строит циклический метасюжет таким образом, что оживающая природа — плоть мира — в канун своего преобразования является не фоном, но действующим лицом вселенской мистерии «пресуществления» материального «вещества» земного существования, что отвечает общей тональности христианского мифа. Несмотря на нерешенность героем «последнего» вопроса о подлинной сущности бытия, заключительный сонет исполнен жизнеутверждающего пафоса любви, неотменимой и «в мечтанье сонном»:

Любовь — не призрак лживый: верю, чаю!..
Но и в мечтанье сонном я люблю,
Дрожу за милых, стражду, жду, встречаю...

В ночь зимнюю пасхальный звон ловлю,
Стучусь в гроба и мертвых тороплю,
Пока себя в гробу не примечаю.

В последнем стихе звучит горький оттенок диссонанса, характерный для внутреннего мира лирического Я, пребывающего в тональности рефлектирующего минора, но он не в силах расстроить ощущение перемен, меняющих лицо мира, соединяющих земное и небесное. Настроение эсхатологических ожиданий и предчувствий, пафос жизнеутверждающего порыва к пасхальной вознесенности над смертным уделом здесь нетрудно рассмотреть. Неудержимое стремление к истинной подлинности земного бытия, осененного христианским пафосом веры и надежды, выливается в мажорно-утвердительный гимн любви как духовной энергии личного и вселенского бытия, что и выводит символику лирического сюжета в ЗС к основополагающим началам религиозно-философской системы Вяч. Иванова.

Анализ лирического сюжета ЗС показывает далеко не внешнюю, а, напротив, многоуровневую и предельно осложненную символистским мышлением автора связь с непосредственным содержанием цикла. Общий ход сюжетной доминанты поднимается над конкретными поэтическими реалиями в пространство циклического метасюжета, в котором, согласно концепции Ю. Н. Чумакова, «поэтически репрезентируется постоянный конфликт событийного и феноменологического уровней реальности. <...> Отобразив на себе незыблемое “мгновение лирической концентрации”, он оказывается его движущей проекцией» [20, с. 158].

Библиографический список

1. *Аверинцев С.* Вячеслав Иванов // Иванов В. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. (Б-ка поэта. Малая серия).
2. *Богомолов Н. А.* Русская литература XX века и оккультизм. М., 1999.
3. *Бонецкая Н. К.* Русская софиология и антропософия // *Вопр. философии.* 1995. № 7.

4. *Бонецкая Н.* Русская Сивилла и ее современники: Творческий портрет Аделаиды Герцык. М., 2006.
5. *Дэвидсон П.* «Зимние сонеты» Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов: Материалы и исслед. М., 1996.
6. *Иванов Вяч.* Собрание сочинений / Под ред. Д. В. Иванова, О. Дешарт; введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1971—1987. Т. 1—4.
7. *Иванова Л.* Воспоминания: Книга об отце. М., 1992.
8. *Исупов К.* Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры // *Вопр. лит.* 2006. Ноябрь. — дек.
9. *Капинос Е. В.* О лирическом сюжете в стихах и прозе // *Тема, сюжет, мотив в лирике и эпосе: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е. К. Ромодановская.* Новосибирск, 2006. (Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 7).
10. *Карасев Л. В.* Онтология и поэтика // *Вопр. философии.* 2001. № 9.
11. *Карасев Л. В.* Онтологическая поэтика: (Краткий очерк) // *Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда.* М., 2005.
12. *Кравченко В.* Владимир Соловьев и София. М., 2006.
13. *Лотман Ю. М.* Семиосфера и проблема сюжета // *Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров.* М., 1996.
14. *Мицкевич Д. Н.* Культура и петербургская поэтика Вяч. Иванова: «Ароллини» // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура: Материалы Междунар. науч. конф., 9—11 сент. 2002 г., Томск. М., 2003.
15. *Корецкая И. В.* О «солнечном» цикле Вячеслава Иванова // *Известия РАН. Сер. лит. и яз.* 1978. Т. 37. № 1.
16. *Обатнин Г.* Иванов-мистик: Окультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907—1919). М., 2000.
17. *Павлова Л. В.* «У каждого за плечами звери»: символика животных в лирике Вячеслава Иванова. Смоленск, 2004.
18. *Руднев В. П.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М., 2000.
19. *Салма Н.* Опыт интерпретации феномена русского символизма в свете истории развития мысли // *Acta Universitatis: Материалы и сообщения по славяноведению.* Szeged, 1989.
20. Сюжестроение в русской литературе. Даугавпилс, 1980.
21. *Смирнов В. А.* Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики: (Архетипы «женского начала» в русской литературе XIX—начала XX века): Пушкин, Лермонтов, Достоевский, Бунин: Дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2001.
22. *Соловьев Вл.* Об упадке средневекового мирозерцания // *Соч.: В 2 т.* М., 1988. Т. 2.
23. *Степун Ф.* Встречи и размышления. London, 1992.
24. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
25. *Тынянов Ю. Н.* Литературный факт. М., 1993.
26. *Шарапова Н. С.* Краткая энциклопедия славянской мифологии. М., 2001.
27. *Шишкин А. Б.* «Пламенеющее сердце» в поэзии Вячеслава Иванова: К теме «Иванов и Данте» // Вячеслав Иванов: Материалы и исслед. М., 1996.
28. *Штайнер Р.* Границы естественного познания: Поиск новой Изида, Божественной Софии. М., 2003.
29. *Флоренский П.* У водоразделов мысли. М., 1990.
30. Цветочки святого Франциска Ассизского / Пер. с лат. А. П. Печковского; Вступ. ст. С. Н. Дурылина. Репринт. изд. М., 1990.
31. *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX—XX вв. М., 2003.

ПРОЗА Н. И. КОЛОКОЛОВА: СОЗВУЧИЯ С ДРУГИМИ АВТОРАМИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XX ВЕКА

В контексте литературы 20-х годов притчевое иносказание Н. Колоколова было одним из явлений социальной прогностики. Мироощущение Н. Колоколова, знаковая семантика соотносимы с произведениями таких писателей, как И. Бабель «Конармия», М. Булгаков «Белая гвардия», Б. Пильняк «Повесть непогашенной луны», А. Платонов «Котлован», и взглядами других современников, которым «выпала горькая слава» быть человеком «честным с собой и Россией», выражать свое понимание событий в художественных формах.

Остановимся лишь на повестях Б. Пильняка и Н. Колоколова. Как и в повести «Мед и кровь», в «Повести непогашенной луны» действует особая этическая система, автономная по отношению к общепринятой и опирающаяся на собственные моральные ценности, не совпадающие с общечеловеческими. Командарм и «негорбящийся человек» — тоже «товарищи», то есть существа одного социально-политического вида, отмеченные друг для друга прежде всего принадлежностью именно к данному специфическому сообществу. Отношения между членами сообщества (ватаги, шайки, партии), равно как и его связь с внешним миром, раз и навсегда определены принятыми идеологическими императивами.

В повестях, к работе над которыми Б. Пильняк и Н. Колоколов приступили в один год, 1925-й, рассмотрен ход событий, определенный чисто волевым посылом: «властным взглядом» человека, которому «дана власть карать и миловать» [4], который «имел право и волю посылать людей убивать себе подобных и умирать» [6]. И для командарма Гаврилова, и для «святой троицы» у Колоколова (Накатов, Груздев, Кочетов) выход из игры не просто невозможен, это невозможность «высшего порядка»: он сделан в пользу отсутствия свободы выбора, ибо «этого требует революция» [6, с. 208]. Оба автора показывают особый кодекс поведения и образ мышления, соотносимые с принятыми в замкнутых идеологических группах. Кастовость, отъединенность от всеобщего хода жизни, выдает неуверенность «кожаных курток» в собственной правоте, сознание неотвратимости наказания. «Шкура ласковая» (1929) — приговор, брошенный юной жертвой любви в адрес обладателя кожаной куртки на меху в одноименном рассказе Н. Колоколова. Замкнутость — привычка, вынесенная «товарищами по тюрьмам и ссылкам» [4, с. 160] с 1918 года, когда «в дыму восстаний необходимо было держаться друг друга» [6, с. 213].

В обеих повестях носителями традиционной «широкой» морали, остро ощущающими грань, которая отделяет «общество» от «сообщества», являются врачи. У Колоколова это Долгов — «истинный христианин», у Пильняка профессора, осматривающие командарма.

Но и врачи в этих произведениях не вольны в своих действиях, как и их пациенты, потому что «секретная бумага», почти приказ, отменила профессиональные и нравственные нормы как противоречащие государственному

интересу. Безнравственный императив становится универсальным общественным законом. Большинство вынуждено руководствоваться кодексом поведения, принятым властью в интересах правящего сообщества.

Названия повестей, полисемантические по своей мифологемной бездонности, содержат скрытые вопросы и утверждения, содержание которых зависит от деяний Первого человека «в большом каменном городе» [4, с. 160]. Это акцентировано амбивалентной связью понятий «Мед и кровь» и формой страдательного причастия, определяющего луну: непогашенную. Какой она станет — зависит от «взора Главного человека».

«Красное, багровое... подымалось солнце. Там внизу... во мгле лежал город. Человек окинул его холодным взглядом. От луны в небе — в этот час — оставалась малозаметная... ледяная глышка» [6, с. 227]. Не только луна, но и солнце, земля, город — все испытывает угнетенное состояние, вызывающее сочувствие, сопереживание со стороны авторов. «Машина сломала скорости... погнав за облака луну» [6]; «первая пороша сошла с земли слезами» [4, с. 119—120]; «поднялась ненужная городу луна», «на горизонте... умирала луна», «лес замер в снегу и над ним спешила луна» [6]. Первопричина, приводящая в состояние «замороженности», — губительное воздействие человеческого сознания.

Впечатление «гипертрофии революционной непримиримости» создается языковыми концептами, звучащими в повестях. О всеобщей катастрофичности свидетельствуют заголовки и лексика газетных статей: «Вопрос о революционном насилии» [6]; «Товарищи, погибшие на славном посту, вы будете отомщены!» [4, с. 138].

Действия лиц одного исторического времени (председатель ЧК, командарм, «негорбящийся человек») противостоят вектору естественного движения. Признаком луны является то, что она вечно «торопилась, суматошилась», и, «как хлыст, стлался по улицам автомобиль». Характеристика машинного движения, изображенного повествователями, не совпадает с восприятием ездоков. Резкая, грубая устремленность к ложной цели, бездушная гонка в неизвестном направлении ради процесса движения — метафорическое осмысление авторами исторического пути страны, в основу общественной структуры которой положено насилие над законами природы. С точки зрения Гаврилова, Накатова, Первого человека, такая гонка — выражение жизни. По мнению писателей — проявление безумного отчаяния.

«Машина пошла раскраивать осколки луж», «порвала резину шин», «уже вырвалась из груд домов... несколько сажен летела по воздуху» [6]. «Воздух, ветер сошли с ума, резали, мешали дышать» [4, с. 160—162]. «Обратной дорогой машина зарвала пространство, зашарила ветер, время, туманы, деревни, заставила туманы и время плясать, кричать и бежать, чтобы загнать Попова на четвереньки... чтобы зажмурить его глаза в страхе и переселить печенки в пятки» [6, с. 217]. «...В тумане, в мутных огнях, в рокоте и шуме город казался очень несчастным» [4, с. 325]. «И было совершенно понятно, что этими гудками воет городская душа, замороженная ныне луною» [6].

Вой сторожевых собак, свист ночной метели, жалобы церкви, как и поведение луны, — все отражает одержимость человека демоническим искушением властью, холодный напор безумного мчания по автономным жизням. «99 шансов разбиться, пьян опьянением точности»; «...но если бы мы разбились, мне было бы только хорошо» [6, с. 216].

За гонкой Гаврилова следует смерть. Человек, стоящий на вершине власти, к которой принадлежал командарм, повторяет его путь [6]. Чекист нетерпеливо побуждает врача дать ему каплю яда [4, с. 200]. Атаман Убоев просит скорей «кончить его жизнь» [4, с. 187].

Все конфликты между персонажами в повестях являются частными в глобальном противостоянии природного и исторического. «Не нужна луна» не только городу, но и дочке одного из сообщников, оказавшихся у власти. Свое бездомное одиночество двухлетняя Наташа острее чувствует по ночам, интуитивно связав земное зло с холодной планетой, при отраженных от солнца лучах которой набирают силу те, кто противостоит свету ясного дня. Наивность детской веры в возможность восстановления гармонии простым способом (погашения луны) придает метафоризированному сюжету особую горечь безысходности.

Столь же наивны попытки «детей изрядного возраста» погасить солнце коврами, закрывающими окна в «Чистилище», где втроем карает жителей уезда местная власть в «Медь и крови».

В художественном мире повестей, где летоисчисление ведется от месяца торжества сил, перессоривших всех, все обречено на нежизнь: пространство, время, земля, небо, воздух. Человеческое сознание подмечает это в мелочах. У переустроителей мира нет книг о простой радости любви. Попов «жену подобрал в яме», пять лет с ней прожил, «так и не разглядев, что она за человек». Сам, оставшись без «фронтальной подруги», не умеет ни на горшок посадить, ни кашу сварить, ни сказку рассказать дочери. Командарм тоже запел, «не зная никакой песни».

«Сквозь серое лоскутное одеяло тумана» никогда не пробивается золотой луч. И дом номер первый, и вагон, и дом номер два (больница с часowymi), и город — все «пребывает во мраке и безмолвии». И луна, и солнце, «ненужные городу», и оторванно изнывающий звон колоколов, и времена года поднимаются над домами в «черные провалы неба», пролетают мимо стен, иллюзорно укрывающих частную жизнь от злого произвола власти.

Н. Колоколов еще в повести «Полчаса холода и тьмы» (1922) воплотил ощущение постреволюционного пространства в бескрайнем мертвом поле, замороженном после короткой оттепели [4, с. 296—297]. Усугубляет безрадостную экзистенцию жителей столицы, изображенной писателями, не только звуковой, но и цветовой фон произведений, вытеснивший все яркие краски: мутный черно-серый с всевозможными оттенками сукровицы.

Все заражено болезнью века — реакцией на террор; убиты побуждение к жизни, бодрость духа. Душа погибает, становясь под стать великому каменному городу.

«Над городом шел желтый, в туманной мути день — и не день вовсе, а сумерки». «Дом кутался во мрак, точно мрак мог согреть промозглую сырость» [6, с. 209]. «Город тонул в мелком дожде... кабинет в дыму» [6, с. 6]. «Серая муть тумана... гудки сливались в серый над городом вой» [4, с. 325]. «Сукровица речного заката в окнах умерла» [6, с. 200]. «Тьма затянула окна черным сукном» [4, с. 303]. «Тяжесть темноты способна продавить тело и плечи» [4, с. 298]. «Быстро меркнул обогранный закатом лес» [4, с. 297]. Мелькнула «желтоватая чешуйка умирающего света» [4, с. 298]. «Станционный смотритель» с фонарем стал теперь «начальником света» [4, с. 314].

Призрачна придуманная жизнь в газетах, кинотеатрах, на улицах, где никогда не наступает рассвет: «...заплаканные фонари, похожие на глаза

проституток, замахиваются огнями на машины». Мистический характер ночного пейзажа становится все более зловещим во взаимоотношении бесцеремонного человека и все более враждебной ему природы. «Летели навстречу друг другу поезд и ветер, яростно оспаривая друг у друга приникшую к железу хрупкую человеческую жизнь» [4, с. 321]. «Ветер хлестал все острее и холодней, пробивая шубу... Руки на поручнях леденели от боли. Снег с крыш колотил лицо. Холод скручивал ноги» [4, с. 319—320].

О городе повествуется как о поверженном враге. У Колоколова Москва, «промерзшая до скрежета, похоже, что над городом прошел ураган» [4, с. 325]. Повесть Пильняка заканчивается зловещим пейзажем. «Внизу — в лиловатом синем дыму — во мгле лежал город. Человек окинул его холодным взором. В снежной тишине не было слышно рокота города» [6, с. 219].

Жизненный путь персонажей «хрустнул зловеще и непредсказуемо», сделав их беспомощными перед системой. Природа умирает, и жизнь догорает вместе с зимним закатом. Командарм «явился по приказу, в поезде из черной ночи, от полей, промотавших, роскошествуя, лето на зиму, ограбленных летом для того, чтобы стариться снегом» [6, с. 200].

В салоне вагона, где хозяйничает Гаврилов, тоже «застряла ночь, лица у всех в мутном утре желтые...» [6, с. 201]. В черной ночи скованного тревогой мира «рванул поезд», «зарвала пространство машина», «выстрелом звучит калитка, стоит пороховой чад казней». Блоковское ощущение ночного города, в котором царят холод, вьюга, снег, заметающий следы истории, получает художественное развитие и индивидуальную интерпретацию в прозе писателей 20-х годов.

Наряду с множеством других символов выбитости людей из привычного уклада одомашненного пространства в безграничную неизвестность скитаний является вокзал. Но этот временный приют омерзителен, похож на «теплицу для разведения болезней». Локус «новой жизни» ударяет по человеку дореволюционной формации тлетворными запахами и обстановкой, напоминающей крольчатник, оставаться в котором так же невыносимо, как и жить в стране, где от каждой книги «должно пахнуть хлебом» [4, с. 300].

У Попова вместо дома — Дом Советов. В гостиничном номере праздничный стол сервирован по-бивуачному: угощение лежит в кульках на газете; холодный чай разливается из подарка с надписью «Товарищу Попову от рабочих в день Пятой годовщины Октября».

Нет души в семье, из которой ушла женщина после пятилетней «боевой и кипучей» совместной деятельности. Люди воли слепо-глухи и неуклюжи в личных отношениях. В ночь перед операцией Гаврилов заполняет опустошенную душу перечитыванием «Детства» Л. Толстого: «Старик понимал кровь».

Введя мифологемы луны, земли, крови, писатели различили звуки разламывающейся жизни, обнажили механизм отношений людей, оказавшихся у власти, основанной на главном постулате — верности указаниям своего сообщества. Н. Колоколов на четыре года раньше Б. Пильняка выразил состояние зияющего разрыва между прошлым и будущим, когда «все повисло над великой пропастью». «Никогда жизнь не вмещала в себя столько грубости и жестокости. Правители лишены политической выдержки. Они как дети рвут незрелые плоды» [4, с. 301].

Попраание детства и женственности, нравственное дичание, вандализм, насилие и беззаконие Н. Колоколов показал одновременно с И. Бабелем

(«Конармия», 1922) и начавшим работу над «Белой гвардией» М. Булгаковым, где тоже звучат мотивы дома, культурной преемственности поколений, истории и вечности, любви и ненависти. Уже в 1922 году через систему образов-символов Колоколов предостудил судьбу страны, «сплывающей в бездну» пустоты. Но если он метафоризировал в мчащемся поезде жизнь, закрытую для обывателя, то Пильняк показал обитателей спецвагонов, для которых забронирован состав. Оказалось, что по обе стороны вагонной двери люди одинаково незащитны. Смешав все краски на палитре художников, социальный переворот оставил на ней лишь мутные разводы.

Вся традиционная в классической литературе символическая семантика, выстроенная в повестях современников, легко прочитывалась, и потому произведения их десятилетиями не переиздавались. Необходимость типологического анализа текстов И. Бабеля, М. Булгакова, Б. Пильняка, Н. Зарудина, И. Катаева, Н. Колоколова представляется созревшей научной проблемой. В их произведениях воплощен трагический сюжет, продиктованный способами художественного осмысления действительности, возможными в условиях 20-х годов. Не случайна при этом хронологическая последовательность изображаемых событий, разворачивающихся от «Белой гвардии» к притчевому иносказанию «Мед и кровь» и экзистенциальной «Повести непогашенной луны».

Представленные наблюдения — лишь прерамбула, в которой обозначены лейтмотивы к большому и существенному исследованию творческого дискурса литераторов одного десятилетия. Выходящий за пределы данной работы более глубокий уровень сопоставления требует рассмотрения философской и культурно-исторической систем, определенных для каждого из этих авторов, осмысления особенностей их художественного мышления. Тексты писателей нуждаются в более развернутом исследовании стилистических и жанровых особенностей, выявляющих видение и творческую манеру художников.

В творческом лице Н. Колоколова поэты и прозаики XIX века обрели достойного преемника. Многие его стихи органично включаются в поэтическое сознание эпохи 20-х годов XX века, воскрешая традиции классической литературы, фольклорных и христианских духовных парадигм, восстанавливая забытые связи в генетической памяти национальной души. Возможно, этим объясняется популярность сборника «Земля и тело» (1923), почти полностью проданного в первые же три месяца после выхода в свет.

Анализ художественных текстов и документальных материалов, собранных в процессе источниковедческого разыскания, позволяет сделать вывод о том, что Н. Колоколов — литератор, сознательно ориентировавшийся на поэтические принципы таких разных предшественников, как А. Пушкин, Ф. Тютчев, А. Кольцов, А. Некрасов, а в прозе он продолжал осмысление проблем, волновавших Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, сохранил вкус и крепость бунинского слова.

Художественная система произведений Н. Колоколова вбирала в себя условность образного мышления различных адресатов: от крестьянства до городской интеллигенции. Репрезентативность его поэтического слова возникает как следствие глубинного проникновения в мировосприятие земледельца, постижения его исконных ценностей, неотменимых и внеэпохальных. В этом случае слово писателя выполняет функцию стилистического маркирования

народного мироощущения. Реминисцентность художественного слова следует рассматривать и как жанрово-стилистическую традицию, сближающую творчество Н. Колоколова с новокрестьянской эстетикой.

Очевидна полемическая нацеленность художественного слова Н. Колоколова на поэтическую систему А. Гастева [2] как наиболее яркого выразителя тенденций пролетарской эстетики. При сопоставлении поэтики их сборников резко выявляется семантическая полярность общих мифологемных архетипов (дерево, земля, небо, путь к счастью), определенная различной ценностной ориентацией поэтов.

Входя в литературный процесс XX века на волне неоромантических тенденций, облеченных в социально-политические формы, Н. Колоколов раньше многих поэтов, чья молодость совпала с революционными катаклизмами, излечился от чувственно-гипнотического воздействия риторического слова, противопоставив пафосу опустошающего разрушения и фрондерства традицию добротолубия и радостного благоустройства.

Идея всеобщего согласного движения к плодородию питает «стиль стилей» в поэзии, создавая возможность эмоционального переживания нераздельности лирического героя со всем сущим. В прозаических жанрах бытового рассказа, экзистенциальной повести, социально-философской притчи осмысляются причины и последствия утраты «детскости» взгляда, чистоты голоса и дара слуха взрослеющими персонажами. Одни выверяют свои поступки по Книге, аккумулировавшей опыт человечества и открытой новым путям развития, другие, вступившие в тяжбу с историей и обидевшиеся на судьбу, руководствуются газетой, где культивируется слово о жизни, искажающее и девальвирующее дело жизни.

Абсурдность противоестественной разобщенности иллюстрируется на подтекстовом уровне с помощью мифологемных аллюзий, реминисценций, ассоциаций. Н. Колоколов показал процесс поклонения прекрасной идее, приведший рыцарей революции к пустоте борьбы с собственным сердцем. Лишенные перспективы движения добро и зло оказались в тупике безысходного оцепенения.

Мифологемная символика Н. Колоколова, питаясь библейскими и фольклорными истоками, «прорастает» в произведениях А. Твардовского, Л. Леонова, Н. Рубцова, Б. Пастернака. Ее отголоски звучат в творчестве постмодернистов, например: рыжий теленок, тонущий в трясине, в повести Н. Колоколова «Полчаса холода и тьмы» — и навозный ком человеческого «йа», раздавивший своего владельца, в романе «Жизнь насекомых» В. Пелевина; груда битого стекла, отгороженная от пешеходов колючей проволокой, — и тухлявый пенёк с часовыми, охраняемый от взглядов верноподданных, в тех же произведениях Колоколова и Пелевина.

Игровое отношение к неожиданным полисемантическим связям языковых морфем, мобильность постоянно меняющегося ракурса изображения, подвижность представлений на фоне вечных законов жизни, освобождение человеческого сознания от ржавеющих стереотипов, а языка — от засорения коммуникативных каналов — проблемы, прозвучавшие почти 100 лет назад в творчестве Н. Колоколова, которые актуальны и в литературе начала XXI века.

Сошлемся лишь на один пример. В дневниковых записях Е. Вихрева есть упоминание о том, что у Б. Пильняка слушали чтение Б. Пастернаком

первой части его нового романа (29/1—29)*. В «Докторе Живаго», выросшем из писавшихся тогда произведений, транскрипция существительного, не имеющего в русском языке этимологических связей, «флаг», в устах знахарки звучит как [флак], ассоциируясь с флаконом, склянкой одурманивающего зелья, и одновременно с красным платом, которым «пляшущая девка-морюха заманивает молодых ребят в темный лес на погибель» [5].

Библейская символика, проецируемая на революционную эпоху; поэтическое открытие подлинной национальной души по мере отдаления от столицы вглубь Урала; полярные типы характеров (Антипов — Живаго, Таня — Лара); ощущение женственности (водяным знаком, рябиной в сахаре, веселыми голосами в весеннем духе Юрятина, обреченным инстинктом домовитости и бесконечного страдания материнства, сиротством дичающей земли); феномен властолюбца, воплотившийся в разных типах; культурологическая роль христианского и языческих мифов; право личности на частную жизнь в истории массовых деяний; социально-философское осмысление вечных проблем (смерти и бессмертия, жизни и искусства, ненависти и любви, душевного здоровья и симптомов безумия, связи времен) — многое из того, что в начале 20-х годов получало художественное осмысление в произведениях Н. Колоколова и его современников, восстанавливает, возрождает Б. Пастернак в завершенном 40 лет спустя романе.

Персонажи Н. Колоколова в эпическом хоровом звучании фольклорных языковых форм повествования выглядят фоном для сольных партий героев лирической прозы Б. Пастернака. «Доктор Живаго», интерпретируемый в мифологическом контексте произведений, уже опубликованных к 1929 году, обретает большую стереофоничность и стереоскопичность.

Став писателем, Н. Колоколов фактически отверг наследственный путь священнослужителя. Но о силе напряженного подсознания блудного сына говорят его тексты, где присутствует ирония над теми, кто «в юном хмеле вдохновенья старый мир сжигал дотла».

После двух войн мифотворческое слово стало личной проблемой литератора. Растлевающее души юных романтиков воздействие идеологем писатель наблюдал повсеместно. Достаточно перечитать дневники шуйского поэта Е. Вихрева, добровольцем ушедшего на фронт в 19 лет. О том, что в процессе общения в Иваново-Вознесенске и Москве друзей интересовали общие проблемы, свидетельствуют даже лексические совпадения обсуждаемых категорий в записях Е. Вихрева и текстах Н. Колоколова. Созвучны и названия его произведений с дневниковыми записями Е. Вихрева. В «Родниках прекрасного», «Следах на земле» есть размышления о порывах автора из «ненавистного маленького мира домика с вишневым садом» на просторы свободной жизни (19/1-32, с. 8); о красном империализме (с. 154); о женственно-плавных очертаниях холмов Палеха и мужественно-строгих горах Златоуста (6/III—32, с. 59); о чтении с одинаковым интересом газет, Евангелия и Библии, которые «нравятся своей красивой ложью, неумирающим величием легенд» (2/VIII—29, с. 145); о том, что жизнь, «как бы она ни была тяжела, все-таки не надсада, а радостное звучание и красочная симфония»;

* Дневники Е. Ф. Вихрева цитируются по рукописи, сооставленной М. И. Громовским и хранящейся в литературном музее Ивановского государственного университета (подлинник находится в личном архиве А. А. Вихрева). Здесь и далее в тексте в скобках указываются дата записи и страница.

о мудрости жизни, которая «всегда глубже и обширнее мудрости людей» (19/1—32, с. 8).

Нравственно-этическая природа исторического раскола, угаданная Н. Колоколовым, фактически подтверждается записями Е. Вихрева «Начало весны 1920 года» (с. 5). Этот интереснейший материал заслуживает отдельного освещения. Здесь же ограничимся констатацией того, что и в творчестве, и в диалогах с современниками Н. Колоколова интересовали последствия потрясения, переживаемого массовым народным сознанием.

В его прозаических текстах видно, как игра словом обернулась игрой слов-оккупантов, у которых нет этимологических связей с общеславянскими корнями. В рукописной книге «Пустослов» (1926—1928) и прозе Н. Колоколов показал процесс вытеснения одних языковых пластов другими, замену одних штампов новыми концептами, вторгающимися в жизнь.

Первоначальное название повести «Мед и кровь» — «Капля яда» следует интерпретировать шире сюжетно-фабульной ситуации, с учетом всего творческого контекста. В произведении речь идет не столько о способе избавления уезда от «душегуба» — председателя ЧК, сколько о сильнодействующем духовном яде, который преобразует человека целиком, затрагивая всю его суть: характер, образ мыслей и саму жизнь. Содержится этот яд в словесной риторике. О множестве опасностей, подстерегающих и златоустов, и аудиторию, писал литератор, имя которого прочитывается как предначертание: Николай — греч. «путеводитель заблудших в ненастье»; Иоанн — евр. «благодать божия»; Колоколов — серебряным звоном колоколов разгоняли демонические силы, оповещали о ненастье, созывали на защиту отечества и собрания. В повести «Мед и кровь» православные колокола вытесняются медными звуками труб красноармейцев, ассоциируясь с веками гонений на христианство язычников.

Не только детали в художественных текстах, но и подписи Колоколова говорят о его сознательном жреческом служении культу Слова: Зрячий, Колокол, Н. Кол, Колокольчик, Вольный Задира, Н. Слободской. Некоторые современники называли его эпигоном традиции, сложившейся в древнейших культурах, другие клеймили за биологизм, ставя в один ряд с М. Пришвиным и Е. Замятиным [3]. Возможно, сам Н. Колоколов, заявляя А. Горькому «Мне есть что сказать. Я не кончусь, даже если меня завтра не станет» [1], рассчитывал на отклик в душе читателя любой эпохи. Он апеллировал к генетической памяти современников в незаренную эпоху, расставляя на их пути к истинному свету опорные вехи, полные мифологемных архетипических смыслов.

Библиографический список

1. ИМЛИ. Архив А. М. Горького. КГ-П. 36-12-8. 9/III—30.
2. *Гастев А. К.* Поэзия рабочего удара. Пг., 1918.
3. *Замошкин Н.* «Личное и безличное»: (Из наблюдений над современной литературой) // Новый мир. 1929. № 6..
4. *Колоколов Н.* Мед и кровь: Стихи. Роман. Рассказы. Письма. Иваново, 2003.
5. *Пастернак Б. Л.* Доктор Живаго. М., 1989.
6. *Пильняк Б.* Повесть непогашенной луны // Б. Пильняк. Человеческий ветер: Романы. Повести. Рассказы. М., 1990.

**ФРИДЕРИКА МАЙРЁКЕР —
«РАЙСКАЯ ПТИЦА» АВСТРИЙСКОЙ ПОЭЗИИ
(К 85-летию со дня рождения)**

Лирика и проза старшей «принцессы» (Р. Хаусман) австрийской литературы Фридерика Майрёкер (р. 1924) удивительно ассоциативны, бесплотны и совершенно не поддаются однозначной интерпретации. Бесценное ее сокровище — слово — живет в пространстве интуитивных и подсознательных открытий, радостных и всегда неожиданных. Мельчайшие детали виртуозных фрагментов и необычное соположение привычных слов открывают глубины и бездны неведомого ранее мира. Видимое и воображаемое в свободном полете фантазии образуют причудливый узор, какой возможен только в благостном сновидении. Один из историков литературы назвал Майрёкер «райской птицей авангарда». Особое место писательницы в современной немецкоязычной литературе объясняется прежде всего использованием и дальнейшим развитием дадаистских и сюрреалистических традиций, которые оказались востребованными в послевоенном контексте литературы Австрии.

Словесно-экспериментальная лаборатория Майрёкер возникла в атмосфере содружества многих австрийских писателей, в том числе близких к «Венской группе». Среди них главное место занимал Эрнст Яндль, коллегой и многолетней спутницей которого была Фридерика: «В том, что стихосложение постепенно оказалось в центре нашей жизни, повинны и я сам, и Фридерика Майрёкер — с самого начала нашей связи мы оказывали влияние друг на друга. И пока мы вот уже почти четверть века шагаем рука об руку (при этом я должен признаться, что временами ей приходится тащить меня за собой, как невоспитанного мальчишку), ее сила и уверенность в себе постоянно растут, а ее стихи — от «Смерти от муз» (1966) до «Домов для святых» (1978) — достигли кружащей мне голову высоты, но она нисколько не намерена на этом останавливаться и торжественно поклялась достичь 150-летнего возраста» [13].

Фридерика Майрёкер (Friederike Mayröcker) родилась 20 декабря 1924 года, в год смерти Франца Кафки и в год пятидесятилетия Гуго фон Гофманстала и Гертруды Стайн. В этом же году Анри Бретон опубликовал первый сюрреалистический манифест. Фридерика родилась в Вене, где до сих пор живет и творит. Детские годы писательницы были омрачены болезнью — воспалением мозговой оболочки. Его последствия ощущались на протяжении долгого времени: родители не смогли отдать дочь в детский сад, летние месяцы проводились в деревне, а уроки английского языка в частной народной школе начались с 11 лет. Материальное положение семьи значительно ухудшилось со смертью бабушки и дедушки Фридерики, поскольку ее отец-учитель получал очень скромное жалование. После подготовительного курса из-за трудностей с математикой учеба продолжилась на старшей ступени средней школы, а затем на коммерческом отделении торговой школы.

В 1938 году появляются первые стихотворения. Вторая мировая война оставила смутные воспоминания в памяти Фридерики, хотя она выполняла вспомогательные работы в «люфтваффе»: «Третий рейх я пережила неосознанно... Я провела время, словно в тумане» [15, S. 349]. В 1945 году ее семья потеряла жилище и имущество при бомбежке. В этом же году Фридерика сдала экзамен по английскому языку в народной средней школе и начала преподавать английский язык в школах 10-го округа города Вены. Она приобрела печатную машинку и стала сочинять стихотворения, заменяя букву «ß» на «sz», поскольку «ß» отсутствовала на клавиатуре пишущей машинки.

Следует подчеркнуть, что с начала творческой деятельности Фридерика рассматривала поэзию как современное искусство слова. Известное аристотелевское определение поэзии как «mimesis» противопоставлялось начинающей писательницей новейшей тенденции в литературе XX века — «поэтическому началу», возникающему в процессе диалектического взаимодействия двух полюсов — игры и поэтической ассоциативности.

Майрёкер начала свою писательскую карьеру как поэт, а конец 1940-х — начало 1950-х годов критики назвали «голубым периодом» романтизма в творчестве писательницы. Наследие Майрёкер трудно представить вне литературного контекста первых послевоенных десятилетий. По мнению авторитетного австрийского исследователя Виктора Зухи, в лирике Фридерики Майрёкер в диалектическом противодействии находятся алогичный и сюрреалистический мир образов, который вошел в поэзию экспериментами футуристов, кубистов и экспрессионистов, в живопись — опытами абстракционистов, а в современное естествознание — теорией относительности и квантовой физикой. Особенно значительна, по мнению критика, глубинная психология, поскольку именно она оказалась способной расшифровывать подсознательный мир сновидений [23, S. 240].

Второй сферой поэтического выступает у Майрёкер мир шифров, в котором закодировано поэтическое послание, одновременно открывающее смыслы и скрывающее их. Мир шифров Майрёкер предельно близок философским рассуждениям Карла Яспера. По его мнению, из сюрреалистической метафизики развиваются зашифрованные послания поэтов, таких как Пауль Целан, Эрнст Майстер и других.

Третий мир Майрёкер — языковая и звуковая игра экспериментальной и конкретной поэзии, лишенной каких-либо аналогий с реальностью и создающей слова заново, начиная с фонем, лексем и графем, которая напоминает высказывание Пауля Клее из его работы «Творческое вероисповедание»: «Искусство воспроизводит не видимое, а создает видимое» [18, S. 70]. Сходные мысли о создании второй реальности были высказаны в теориях абстрактного творчества Казимира Малевича, Василия Кандинского и Пита Мондриана. Идеи абстракционизма нашли воплощение и в поэзии, а именно в «антиграмматической поэтике» (по Х. Хайсенбютелю), отличительными чертами которой являются монтаж, ассамбляж, коллаж, повторение, выстраивание в ряд и др. [17]. Попытки истолкования такой лирики безграничны, а количество исследований за последнее столетие, посвященных абстрактному искусству, уже составляет солидные библиотеки.

Находясь почти безвыездно в Вене, Фридерика Майрёкер ощущает себя частью австрийской культуры и литературы. В отличие от немецких классиков XX века писатели и поэты австрийского модернизма были по-настоящему открыты широкой читательской аудиторией после Второй мировой вой-

ны, когда в гуманитарных науках широко утвердилось понятие австрийской национальной культуры и начались исследования по австриистике, выявляющей ее самостоятельный путь развития. В отечественных и зарубежных гуманитарных науках долгое время велась разносторонняя дискуссия о своеобразии австрийской культуры. Ее самобытность всегда ощущалась писателями и поэтами, в том числе и Фридерикой Майрёкер. Не случайно, например, писатель Х. Айзенрайх сравнивал Австрию с мостом между частями света (см.: [6, с. 207]). Австрийская культура до 1918 года находилась под влиянием культур северных и южных, восточных и западных стран, входивших в обширное государство Габсбургов. Временами власть этой стариннейшей европейской династии распространялась на пол-Европы. Разноликие направления в литературе, искусстве и музыке «окраинных» земель Габсбургской империи (Северной и Средней Италии, Бургундии, Испании, Фландрии, Бельгии, Нидерландов, Богемии, Моравии, Силезии, Южной Польши, Венгрии, Галиции, Хорватии, Словении, Сербии, Боснии, Герцеговины и других областей) [22, S. 5], а также южных и западных немецких княжеств, по языку и культуре традиционно близких империи, совмещались с не менее самобытными путями развития «центральной», собственно австрийской культуры на немецком языке со столицей в Вене.

Старая империя (до 1806 года), по оценке современных историков, «пусть не всегда на деле, но хотя бы в тенденции воплощала в себе политическую силу, устремленную к миру и порядку. Этот порядок вещей как бы противопоставляется войнам и распрям, порожденным в XIX—XX веках воинствующим национализмом, и многие даже склонны видеть в нем прообраз современных интеграционных процессов в Европе» [22, S. 4.]. Своеобразный сплав многих культур центра многонациональной монархии позволил Стефану Цвейгу писать о некоей «тайне Вены» [25, S. 135]. Особая притягательная сила города объяснялась давним всеобщим интересом к разнообразным культурным явлениям, которые исторически фокусировались, подобно лучам, в этом месте. Авангардистские устремления Фридерики Майрёкер нельзя объяснить, не учитывая этой специфической черты австрийской словесности.

В современном культуроведении отчетливо формулируются черты национальной австрийской самобытности, которая исторически складывалась на немецком языке, но заметно отличалась от немецкой, а в некоторых случаях была противоположна ей. По мнению Ю. И. Архипова, австрийскую традицию «отличает скептическое отношение к распространенным в Германии философским «умствованиям», сосредоточенность на «вечной», постоянно воспроизводящейся жизни, на очезримой реальной данности, к тому же — важный момент — ее путь сопровождают постоянные сомнения в возможностях языка, подминающего, искажающего эту жизнь в угоду какой-либо умозрительной схеме» [4, с. 7]. Национально-историческое своеобразие более чем семисотлетней австрийской истории, позволяющее говорить о ее заметном вкладе в сокровищницу мировой культуры, ярко проявилось в развитии преимущественно лирических жанров поэзии, начиная с песенного творчества придворного венского миннезингера Вальтера фон дер Фогельвайде до признанных метров европейской поэзии: Николауса Ленау, Гуго фон Гофмансталя, Райнера Марии Рильке, Георга Тракля, Теодора Крамера, Пауля Целана, Ингеборг Бахман, Эриха Фрида и Фридерики Майрёкер [7], в широком распространении жанров малой прозы, прежде всего новеллы [1, 2] (Артур Шницлер, Густав Майринк, Стефан Цвейг, Йозеф Рот, Лео Перуц,

Франц Верфель, Йоганнес Урцидиль, Ильзе Айхингер, Томас Бернхард, Петер Хандке, Барбара Фришмут и др.), а во второй половине XIX века и в XX веке — романного жанра: от Адальберта Штифтера до романистов модернизма (Роберт Музиль, Франц Кафка, Герман Брох, Хаймито фон Додерер и др.) и постмодернизма, а также в расцвете венской народной комедии XVIII—XIX веков (Фердинанд Раймунд, Йоганнес Нестрой), определившей расцвет драматических и музыкально-драматических жанров Австрии XX века (Франц Чокор, Эден фон Хорват, Фердинанд Брукнер и др.).

Лирический вклад австрийцев в сокровищницу мировой поэзии считается наиболее ощутимым. Место Фридерика Майрёкер в современной австрийской литературе весьма заметно и оригинально, поскольку особенно истоки австрийской лирики представляются в свете современных исследований наиболее богатыми. Так, Й. Шондорф, составитель антологии «Время и вечность: Тысяча лет австрийской лирики», называет австрийскими поэтов, принадлежащих к «народному» направлению миннезанга. Первое стихотворение антологии принадлежит Фрау Ава, умершей в 1127 году [24, S. 9]. С. В. Рожновский, исследовавший содержание памятников германского эпоса «Песни о Нибелунгах» (ок. 1200) и «Кудруны» (ок. 1230/1240), обратил внимание на то, что основная идея эпоса выражалась в борьбе Австрийской марки за свою самостоятельность. В период позднего средневековья, по его мнению, были заложены основы национального самосознания австрийцев [12, с. 188]. Д. В. Затонский и В. Вайс относят этот процесс ко времени патриотического движения в Австрии, вызванного наполеоновскими войнами и падением Священной Римской империи германской нации [3, 6]. Другие исследователи считают безоговорочным существование австрийской национальной литературы с начала творчества поэта и драматурга Франца Грильпарцера — классика XIX века.

Отвечая в свое время на вопрос о возможности существования австрийской литературы, Томас Манн признавал ее национальную оригинальность, которую трудно сформулировать, но легко почувствовать: «Говоря откровенно, я считаю австрийскую литературу *превосходящей* немецкую во всех проявлениях артистической отточенности, вкуса и формы, — то есть тех свойствах, какие, пожалуй, никогда не прекратят играть в искусстве роль, которой вовсе не нужен эпигонский характер и что не исключает чувства новизны и отваги. Это связано со смешением рас и культур, восточные, западные и южные национальные элементы которых по своей сути вообще отличают все австрийское от немецкого, и это сложилось исторически, а немецкоязычный европеец не схож с народным духом южного немца, чье экстравагантное воспитание проявляется в высшей степени достойным любви и в высшей степени необходимо» [19, S. 919].

В современной австрийской литературе весомую роль по-прежнему играют писатели и поэты, определявшие литературную жизнь Австрии 60—70-х годов: Петер Хандке, Фридерика Майрёкер, Барбара Фришмут и Петер Розай. Многие из ярких представителей той поры уже ушли из жизни: Эрих Фрид, Элиас Канетти и Томас Бернхард, но их влияние на литературный процесс Австрии неоспоримо. В 80-е годы на авансцену выдвинулось молодое поколение. Синтетичность их художественного мышления проявилась во всех жанрах. Лирическая доминанта в разное время определяла творчество Петера Хениша, Роберта Шинделя, Петера Туррини и Райнхарда Грубера.

Интенсивны драматургические поиски современных авторов. Как и раньше, тон задает венский Бургтеатр. Феликс Миттерер продолжил традиции австрийского народного театра и политической пьесы, широко используя исторический контекст («Крах в доме Господнем»). Шумный успех имели пьесы Вернера Шваба, с 1990 по 1993 год на разных сценах было поставлено четырнадцать его драм.

Наиболее динамично, кроме поэзии, развивается проза. Выдающимся событием стало появление «гипотетических» романов Кристофа Райнсмайра «Ужасы льдов и мрака», «Последний мир» и «Болезнь Китахары», трагикомического романа о жизни философа Роберта Менассе «Блаженные времена, хрупкий мир», романа Роберта Шнайдера «Сестра сна», романа Марианны Грубер «Промежуточная станция» и ее продолжения романа Франца Кафки «В замок», политического расследования Йозефа Хазлингера «Венский бал». Самым известным автором «новой волны» считается Даниэль Кельман. Его «иронические романы» «Магия Берхольма», «Время Малера» и «Последний предел» переведены на русский язык. Лауреат Нобелевской премии 2005 года по литературе Эльфрида Елинек (р. 1946) пользуется широкой популярностью у себя в стране и в мире. Ее творчество фокусирует активность писательского сознания в освоении вечных проблем человека и напряженные поиски жанров, стилей и языка в современной австрийской литературе. Литературное творчество Елинек являет собой пример использования экспериментального начала — игра с культурными моделями, коллаж, цитаты — и удивительной читабельности и кинематографичности ее прозы. Одно из первых прозаических произведений Елинек роман «Мы пестрые бабочки, детка!» (1970) ориентирован на эксперимент в области языка, впервые примененный в сюрреалистической литературе Раулем Хаусманом. По мнению автора, это первый немецкоязычный «поп-роман», в котором находит отражение стилистика «Битлз», «Роллинг стоунз», телесериалов, комиксов и тому подобного» [5, с. 288]. Несомненно влияние на прозу Елинек смелых лирических экспериментов поэтов «Венской группы» и лирики Фридерики Майрёкер.

Ранние поэтические опыты Майрёкер во многом напоминают стихотворения американской писательницы Гертруды Стайн, долгое время олицетворявшей авангардное начало в лирике, например в сборнике «Нежные пуговицы» (1914). Он представлял собой одну из первых попыток создания кубистической поэзии. Прямые отсылки к этому сборнику можно найти в стихотворениях Майрёкер, позднее вошедших в первые поэтические сборники. Знание английского языка, английской и американской поэзии, педагогическая деятельность в школе, которая длилась 23 года, открыли творческие горизонты для начинающей поэтессы в совершенно оригинальном ключе, отличном от раннего периода творчества многих поэтов Германии и Австрии. Первые сборники Майрёкер появились в 1956 году, а с 1969 года она стала профессиональной писательницей.

Первые ее стихотворения относятся к осени 1939 года. Они окрашены в элегические тона умирания и смерти. Влияние немецкой экспрессионистической поэзии несомненно. Поэзия Г. Гейма и прежде всего Г. Тракля была созвучна военному времени не только лично пережитым ощущением чужести мира, но и естественной хаотичностью ритмов, близких к верлибру. Примечательно ее стихотворение военных лет «В полночь» («*aus einer Mitternacht*», 1942):

aus einer Mitternacht
 du weiszt das Zugeständnis jenes Waldes an ein Violett
 das wie gebraut erdampfte und zerflosz
 und jene Birke die so brüchig stand
 und seidenfädig sich bewegte —
 o dasz du wüsztest jenes Rindenbraun
 das schon oliven wird im Wintergrau
 und alle Muldenweiche die ein später Schnee erschafft...

[20, S. 7]

(«В полночь / ты знаешь об уступках того леса фиолетовому цвету / что испарился и растаял как ошпаренный / и о той хрупкой березе в движении как шелк / о если б ты знал тот бурый цвет коры / что становится зимой серым / а низинная слякоть творит поздний снег...») Автор концентрирует внимание на метафорической выразительности коротких строк, исчезновении цветовых контрастов и наступлении зимней ночи. Традиционная рифма исчезает, а ритм становится жестким и неупорядоченным.

Первая подборка стихотворений Майрёкер появилась в журнале «План», издаваемом Отто Базилем в 1946 году. Влияние символизма и сюрреализма в них весьма отчетливо. Страдание лирического субъекта, как и во многих стихотворениях предшественников, трагическое. Сиротливость и вселенское одиночество души находят законченную форму поэтического высказывания в стихотворении «В черном» («*In Schwarz*», 1946):

Der Engel wird mich verlassen.
 Er schlägt mir schon Wunden.
 Sie brechen auf wie Rosen.
 Er hebt die Schwere
 Des Weltraums von meinen Liedern.
 Er entzieht mir
 den zärtlichen Frühling,
 Er legt mir die schwarzen Hände auf.
 Er nimmt sich leise zurück.
 Er verlöscht mich.

[20, S. 21]

(«В черном / Ангел покинет меня / Он уже бьет по моим ранам / Они распускаются как розы / Он снимает тяжесть вселенной с моих век / Он отнимает у меня нежную весну / Он возлагает на меня черные руки / Он тихо устраняется / Он угасает во мне»). Образ ангела смерти создает явную перекличку со стихотворениями Георга Тракля и Райнера Марии Рильке. «Тяжесть вселенной на веках» — почти дословная цитата из стихотворения Гуго фон Гофманстала «Но иные все же умирают...» («*Manche freilich...*», 1895).

Первый сборник стихотворений Майрёкер «Метафорически» («*Metaphorisch*», 1964) своим названием подчеркивает оригинальность поэтического стиля. В противовес «конкретным поэтам» в сборнике используется вся палитра лирических средств, создаются длинные тексты с изысканными метафорами и свободными ассоциациями. Стихотворение сохраняет единство лирического переживания, например «Сквозь решетку на сердце моем...» («*Durch die Gitterstäbe meines Herzens*», 1964):

Durch die Gitterstäbe meines Herzens scheint die Welt mir seltsam fremd	Сквозь решетку на сердце моем мир мне кажется странно чуждым
auf und nieder und dorthin doch die Tore sind versperrt	мир в движении вечном но на двери замок
immer kleiner sind die Kreise immer mutloser der Ausbruch	все уже и уже круги желанье побега все реже
manchmal bleiben Menschen stehen	люди порою шаги замедляют
werfen ein paar leise Worte werfen einen Blick herein	то взгляд в мою сторону бросят то несколько тихих слов
seltener kommst du vorbei	всех реже проходишь ты
du hast meine Tür verriegelt du hast alles abgesperrt	ты меня заточивший ты лишивший меня всего
manchmal wirfst du eine Rose wie ein Stückchen rohes Fleisch	иногда на ходу ты бросаешь мне розу
im Vorübergehn herein. [20, S. 30]	словно кусок мяса. [10, с. 511]

Чувство отчуждения в мире и невозможность диалога с лирическим собеседником (с оттенком легкого пренебрежения с его стороны) передаются в этом стихотворении цепочкой метафор. Отсутствие взаимности чувств естественно, а скрытый подтекст однозначно проявляет ролевой характер стихотворения. При этом ощутимо влияние приемов «автоматического письма» сюрреалистов и традиций «спонтанного творчества» других авангардных направлений. Отказ от пунктуации, ассоциативность каждой строки в строфе, повторы начальных слов, ритмический разнобой и отдельные совпадения рифмы создают впечатление нарочитой неупорядоченности, вполне естественной в ситуации отсутствия вербальной коммуникации.

Итогом двадцатилетней поэтической деятельности Майрёкер (1945—1965) стал сборник «Смерть от муз» («*Tod durch Musen*», 1966). Появление этого сборника показало, что в послевоенной литературе немецкого языка появился неповторимый и запоминающийся голос. Известные мэтры австрийской современной поэзии Пауль Целан, Ингеборг Бахман, Теодор Крамер, Ильзе Айхингер, Гуго Гупперт, Эрих Фрид находили свои пути осмысления жизненных проблем. Фридерике Майрёкер уверенно разрабатывала дадаистски-сюрреалистическую поэтику и мастерски осваивала достижения конкретной поэзии. Стихотворение «Завянут как трава...» («*Wird welken wie Gras...*», 1950) отсылает читателя к известному хору из «Немецкого реквиема» И. Брамса, который, в свою очередь, воспроизводит слова из Книги Пророка Исаии:

Wird welken wie Gras · auch meine Hand und die Pupille
wird welken wie Gras · mein Fusz und mein Haar mein stilles Wort
wird welken wie Gras · dein Mund dein Mund
wird welken wie Gras · dein Schauen in mich

wird welken wie Gras · meine Wange meine Wange und die kleine Blume
 die du dort weiszt wird welken wie Gras
 wird welken wie Gras · dein Mund dein purpurfarbener Mund
 wird welken wie Gras · aber die Nacht aber der Nebel aber die Fülle
 wird welken wie Gras wird welken wie Gras.

[20, S. 33]

(«Повянут как трава и моя рука и зрачок / повянут как трава моя ступня и мои волосы мое тихое слово / повянет как трава твой рот твой рот / повянут как трава твои взгляды на меня / повянут как трава мои щеки мои щеки и небольшой цветок / который там тебе знаком повянет как трава / повянет как трава твой рот твой пурпурно-красочный рот / повянут как трава но ночь но туман но избытие / повянут как трава повянут как трава»). В стихотворении исчезает страдающее лирическое «я», поток ассоциаций теряет непосредственную связь с ним, а отдельные образы (чаще всего реминисцентные) обособляются и привносят новые неожиданные смыслы. Рефлексивность мировосприятия автора стихотворения концентрируется на словах или отдельных предложениях. Им автор доверяет больше, чем связному тексту, именно они определяют ассоциативные связи, разрушая общепринятую логику или цельность содержания. Ассоциативность и реминисцентность поэтического стиля Майрёкер имеют подчеркнуто звуковую основу и игровой характер. Поскольку смысловой план стихотворения Майрёкер в таком случае остается весьма неопределенным, а возникновение дополнительных смыслов, вариантов значений и способов прочтений становится практически безграничным, то смысловые доминанты (чаще всего названия и повторы) в читательском горизонте ожиданий являются теми ориентирами, которые способны создать «читательскую интерпретацию» того или иного стихотворения Майрёкер. Стихотворения такого рода имеют авторское определение «текстов, стимулирующих воображение» («Reiztexte») [16, S. 153].

Сборник стихотворений «Смерть от муз» посвящен Эрнсту Яндлю и состоит из четырех разделов. В первом из них широко используются приемы выстраивания в ряд и итерации (повторения). Близость к стихотворениям конкретной поэзии очевидны, поскольку они возникают не в результате лирического настроения, а отличаются своей «сделанностью», и процесс создания становится их темой. Так возникают стихотворения о стихотворениях, создавая метапоэзию. Лингвистический компонент в конкретной поэзии оказывается основополагающим, поскольку речь в них идет о возможностях языкового выражения в игровой форме. Несомненно влияние поэзии Эрнста Яндля, которому посвящен сборник. Кроме того, поэтические эксперименты «Венской группы» в пятидесятые годы, встретившие поддержку и симпатию Майрёкер, не прошли для нее бесследно. От свободной ассоциативности сюрреалистического характера намечается путь к новым формам выразительности конкретной поэзии.

Стихотворения Майрёкер становятся не только длинными, но и многоуровневыми по своей структуре. Этот тип стихотворения представлял Ханс Карл Артманн, создававший так называемые «языковые блоки», в которых, как, впрочем, и в стихотворениях Гертруды Стайн, конкретность языкового материала открывала простор новым коннотациям и семантическим связям отдельного слова. Поливалентность и полифункциональность слова или его внутренней структуры, а также многократное его повторение создавали сти-

хотворение, смысл которого предстал неожиданным и новым. Рецептивная активность восприятия со стороны читателя или слушателя значительно возрасла. Принципы конкретной поэзии, декларированные, например, Ойгеном Гомрингером, предполагали верховенство слова и его отдельных компонентов: «слово — это величина, оно всегда там, где что-то произносится или пишется, оно ни доброе, ни злое, ни правдивое, ни ложное, оно состоит из звуков, из букв, которые обладают индивидуальным и ярким выражением; оно придает красоту материалу и авантюризм знаку, оно теряет в определенных связях с другими словами свой абсолютный характер, и именно это мы хотим устранить в поэзии, но мы не хотим придавать ему псевдостоятельность, которую дают ему революционные стили, мы не хотим быть подчинены никакому стилю, даже стилю “стаккато”, мы хотим его искать, находить и принимать, но мы хотим освобождать его индивидуальность в связях с другими словами, и поэтому присоединяем его к другим словам посредством особого расположения» [14]. Теория О. Гомрингера оказала заметное воздействие на деятельность в 1950-е годы «Венской группы» и «Форум Штадтпарк» в Граце.

В данном контексте необходимо вновь обратиться к имени Гертруды Стайн, которая предпринимает в «Нежных пуговицах» смелый интермедийный эксперимент, — перенесение кубистических натюрмортов известных художников П. Пикассо, Ж. Брака, Ф. Леже в словесную ткань. «Словесные натюрморты», или экфрасисы, — изображение живописного полотна языковыми средствами — возникали в технике монтажа, совмещающем причудливые ассоциации и галлюцинации по принципу «автоматического письма», организованные в единое целое сновиденческим характером поэтического пространства. «Натюрморты» создаются Майрёкер к заданной теме, которая заключена в названиях стихотворений с предлогом *mit*: «Romanze mit Blumen», «Maschinentext mit F. Léger und einer knospenden Robinien-Blüte», «Schweigetext mit Fusznote», «Text mit Erdteilen» и др.

Основополагающим способом создания подобных текстов является широко использовавшийся дадаистами, а потом и сюрреалистами метод монтажа. Соединение различных контекстов приводит к необычному и неожиданному смыслопорождению. Его привлекательность заключается в том, что кажущаяся чужеродность текстов, их зашифрованность и загадочность при более пристальном взгляде обнаруживают родство или структурные связи, открывающие перспективы их смыслового понимания без использования традиционных логических способов аргументации.

В программном цикле «Смерти от муз», посвященном классическим музам (Клио, Каллиопа, Мельпомена, Талия, Урания), стихи обозначены как «модели». В них сталкиваются архаика и модерн, посредством сложных метафор раскрываются диалектика жизни и смерти, сосуществование и противоборство старых эстетических форм и «злобы дня». Эта особенность проявляется как на уровне поэтики, так и на уровне лексики. Традиционные понятия, образы («одиночество», «любовь», «море», «река» «луна») и традиционный антураж сочетаются с применением техники монтажа.

Излюбленная форма стихотворений Майрёкер — диалог с ситуацией, лицом или предметом. Наиболее полно диалогический принцип реализуется в сборнике 1979 года «Избранные стихотворения» («Ausgewählte Gedichte»), главная тема которых — сотворение поэтического текста и мира, возникающих в процессе письма. Более поздняя лирика поэта в 1980-е годы ориенти-

рована скорее на воспоминания о собственном детстве, переживания, импрессионистические зарисовки, в которых чувственный элемент, однако, всегда дополняется аналитическим фактором.

Стихотворения сборника «Спокойной ночи, с добрым утром» («*Gute Nacht, guten Morgen*», 1982) более строги в формальном плане. Примером может служить стихотворение «Ночной кошмар» («*Alp-Traum*», 1982):

über das Zimmertelephon
des Berghotels
melde ich
das Fehlen eines Flaschenöffners —
die Rezeption bedauert:
*dann hat Ihr Vorgänger
ihn mitgenommen!*
ich komme mir schuldig vor
für jemand den ich nicht kenne,
wandere etwas bedrückt
den zugefrorenen See entlang:
gebüschelt schwankt
das vergilbte Schilfrohr am Ufer.
lauthals und lässig
wie Mondfahrer ausgerüstet
kreuzweise Schistöcke und — bretter geschultert
stapfen die jungen Fremden
über den knirschenden Kirchenplatz —
von den Dachtraufen
dräuen
schreckliche Dolche schädelwärts.

[20, S. 353—354]

из номера отеля
в горах по внутреннему
телефону сообщаю,
нет штопора —
регистраторше жаль:
*видно, его прихватил
ваш предшественник!*
И вот уже я ощущаю вину
за кого-то, кого не знаю,
взгляд уныло блуждает
по льду озера за окном:
густой шелест у берега —
пожелтевший тростник.
Слишком шумно лениво
лыжные палки скрестив за плечами
бредут молодые — чужие,
похожие на астронавтов,
возле церкви скрипит мостовая —
с крыш покатых
нацелены страшные стрелы
прямо в мозг.

[9, с. 112—113]

Интертекстуальное пространство стихотворения расширяется, ассоциативные связи становятся предельно неожиданными, появляются характерные для символистской лирики мерцание смыслов, загадочность и неоднозначность. В последних крупных сборниках стихотворений Майрёкер «Зимнее счастье» («*Winterglück*», 1986), «Одержимый возраст» («*Das besessene Alter*», 1992), «Записки на верблюде» («*Notizen auf einem Kamel*», 1996) и «Мой рабочий Тироль» («*Mein Arbeitstirol*», 2003) представлен весь спектр поэтических достижений как раннего, так и зрелого периода творчества. Примером синтеза поэтических достижений может стать стихотворение «Юноше в зеленом одеянии» («*an einen Knaben mit Laubgewand*», 1996):

das Hutband das Scheitelband das Band der Avenuen,
Adventuren, das Schädelband der Traum I Band wächst mir
Aus den Schädelknochen, hängt herab, baumelt, bemalt
Augen und Ohren, wäre gerne wieder in diese Schädelband Gegend
Gefahren, du ahnst was ich meine, welchen Ort ich meine nicht wahr
O du leblicher Himmels Strich was für I Wort unausdenkbares
Wort, verzehrendes Wort, die Herzhunde wie weisze Schleppen,
oder die weisze Schleppen des Polsters, und wie die Schleppe
des weiszen Polsters am Fuszboden nachzieht, weil viel zu
groz und zu weit — skurill : die weisze Schleppe des Polsters
oder die weisze Schleppe deines Kopfkissens durch die ganze
Behausung solch Fetisch Szene, ach! Hinter deinen Augen

eine deiner Tränen, ach von hinter deinen Augen her
 dir zu entströmen als Träne von dir, und als deine Träne
 hervorspringen hervorströmen, und niemand sonst wird in
 solcher Nähe je in solcher Nähe von dir gewesen sein, dann.

[20, S. 639]

Шляпная лента лента черепа лента авеню
 адвентур лента черепа сон & лента вырастает из
 моей черепной коробки, и болтаясь, свисает, цветасто
 крася уши, глаза, и вернулась бы снова в область ленты из
 черепа, ты знаешь, о чем я, что я имею в виду, не так ли
 о мягкая световая сторона и 1 слово — какое непредставимое
 слово, грызущее слово, ПСЫ СЕРДЦА как белый подол,
 или белый подол диванного валика, и как подол
 белого валика волочится по полу, потому что слишком
 большой, слишком длинный / смешно: белый подол валика
 или белый подол подушки твоей во всей этой
 домашности такая сцена — ах! — фетиш, за твоими глазами
 быть слезинкой твоей, ах позади твоих глаз и
 слезою покинуть тебя, и твоею слезой
 выпрыснуть выплеснуть из тебя, и больше никто так
 так близко никогда так близко не будет к тебе, и тогда.

[8]

Игровое начало стихотворения становится преобладающим: автор бесконечно избирателен и изыскан в выборе тем, их соположении и столкновении. Словесная эквилибристика легка и элегантна. Она позволяет составить из отдельных ассоциативных рядов, отдельных фраз, слов, междометий некое единое целое, которое, как в мозаике, предельно индивидуально в каждом отдельном стихотворении.

Уже в конце 60-х годов наметилась другая тенденция в лирике Майрёкер. Она отчетливо проявилась, например, в «Тексте с камнями» («*Text mit Steinen*», 1968) из сборника «Смерть от муз»:

...wie Pnina : Beinflusz üblicherweise in Markt-Stätten Steine
 bis Aug zittert Ausmasze Blumen (und keine öse öffnen!)
 hut-ab-Stute! Eiserne Borte um die harte Stirn der Städte
 tintenblau Verdünnungen Wolke ins mammutfleisch
 Markstein : genug Augen und Schatten
 renzi-rot; renzi-süchtig namentlich Bartwuchs! um zu erhärten
 (er tut als ginge alles immer so fort)
 renzi-Rose
 rote Sonne über Brazil : verschrottet an einem Badestrand
 (ehestens Attribut Haflinger Berge; flucht fünfzig)
 ins volle Menschenleben (gefehlt! löffelweis meditierend bei
 sanft-pirsch und tropfender weide)
 Verlust genas-(flügelt) anzeigt wie schrulliger volkart; plural
 mit allesamt allein
 Temperament-Geböll!
 vollstreckt; führt bei, vollzogen; venerisch; in himmlischen
 Kanonenbooten um hundert fleiszige;
 Endstern in Gegnerschaft (? Phase volles Leben : vakzine) volles
 Leben

regnender Baum sinn-treu : Gärtner Nuszbaum (braun-pünktlich)
 zu fassen /
 nimm mich ganz...
 Frequenz-Stall bei Majakowski
 o! Magdeburg
 (Omnibus mit Zinnen; Pfennige; weisse Stern-Frau projektil-
 verschoben)
 (beiseite : Steine blosz / teils zu kühlen Sprüchen...)
 [20, с. 182]

В стихотворении ассоциации природного, культурного и житейского характера предельно свободны. Лишь заглавное слово «камень», повторяющееся несколько раз, отсылает читателя к единственной составляющей, которая объединяет вольные ассоциации, полагаясь на активность читательского восприятия. Перевод стихотворения вряд ли возможен на другие языки. Даже для немецкоговорящего читателя наслоение «темных мест», неологизмов, иностранных имен и слов, асинтаксичность текста, необычная пунктуация, например знак вопроса в начале группы слов, превращают стихотворение в некий вид изошренной словесной игры или никогда не разгаданный ребус.

В этом контексте уместно вспомнить позднее символистское творчество С. Малларме и его «поэму» «Бросок костей никогда не исключит случайность» или в другом переводе — «Удача никогда не упразднит случая» (1897). Метод создания стихотворений Малларме назвал «спектральным анализом идей». Если для символиста Малларме ключ к «поэтической тайне» должен был отыскать читатель, то в произведениях Майрёкер поиск «тайны» происходит не на уровне идей, логических построений или интуиции. «Тайна» текстов Майрёкер настолько глубинно подсознательна, что ее вербальная артикуляция невозможна. Попытки подсознательного постижения со стороны читателей и критиков продолжаются, но вряд ли этот факт привносит положительное отношение читателя к многочисленным «темным текстам» ее позднего творчества — как поэтическим, так и прозаическим.

Своеобразный герметизм многих произведений позднего творчества Майрёкер значительно ограничил число читателей и поклонников. В ее «партитурах» или «симфониях» (термины Малларме) происходит не только делогизация стиха, не говоря уже о разрушении художественного образа и самого языка, но и разрушение коммуникативных функций текста. Малларме справедливо указывал на опасность языковой вседозволенности, которую он называл кризисом стиха: «Язык, всецело настроенный по законам метрики, в ней обретавший жизненно важные свои словоразделы, вырвался на свободу и распался на тысячу простых частиц — не без сходства замечу, с той множественностью отдельных вскриков, из какой слагается всякая оркестровка, здесь — по-прежнему словесная» [11, с. 323—325]. Свободная словесно-пунктуационная игра Майрёкер ради самой игры, даже самой интеллектуальной и изошренной, часто становится самоцелью и вряд ли может иметь эстетические критерии ее восприятия.

Однако высокий ранг писательницы среди известных австрийских и немецких поэтов в последние десятилетия XX века только упрочился. Причину такого явления следует искать в широком распространении постмодернистских тенденций в мировой литературе и прежде всего отмеченных выше основных черт творчества Майрёкер: игровое начало, скрытое цитирование, богатая реминисцентная ассоциативность, подчеркнутая визуализация, ин-

термедиальность, множественность интерпретаций, слово- и жанротворчество и, наконец, принципиально последовательная традиция неклассической поэтики.

Первой опубликованной книгой Майрёкер оказалась книга прозы «Ларифари. Сконфуженная книга» («*Larifari. Ein Konfuses Buch*», 1956). Что касается Майрёкер-прозаика, то ее лирические зарисовки не создают «историй». В новелле «Путешествие сквозь ночь» («*Reise durch die Nacht*», 1984), ее самом известном прозаическом произведении, Майрёкер признается, что не видит в жизни «историоподобных феноменов» и что она давно отказалась от «повествовательной позиции» в силу личных причин и причин историко-литературных. Большую роль в ее прозе играет музыкальная композиция. Майрёкер многие годы разрабатывала свой неповторимый способ повествования — синтез монтажа, мозаики, жанровых слияний, ассоциаций и цитат: «Она изготовлена из цитат... и все же мало что так подходит для цитирования, как эта поэзия из цитат» [21, S. 520].

За долгую и плодотворную жизнь Майрёкер опубликовала более 100 книг, среди которых есть прозаические «фрагменты»: «Натюрморт» («*Stilleben*», 1991), «Урок» («*Lectio*», 1994), «Сообщающиеся сосуды» («*Die kommunizierenden Gefäße*», 2003), «романы» «Порой вершина в облаках» («*Je ein umwölkter Gipfel*», 1973), «Расставания» («*Die Abschiede*», 1980), «Воздыхающие сады» («*brüht oder die seufzenden Gärten*», 1998). Майрёкер видит себя продолжательницей прерванной традиции, наследницей Джеймса Джойса, Гертруды Стайн и Роберта Музиля. В основе ее художественных текстов присутствует изобретенная ею конструктивистская, часто некоммуникативная модель творчества, и читателю предоставляется полная свобода в выборе интерпретации.

Кроме печатных изданий известны радиопередачи и телефильмы по сценариям Майрёкер. Некоторые произведения созданы совместно с Эрнстом Яндлем. В 1972 году в США ею был прочитан курс лекций по истории немецкоязычной литературы. Она лауреат престижных национальных премий: Георга Тракля (1977), Фридриха Гёльдерлина (1993), Эльзы-Ласкер Шюлер (1996) и Георга Бюхнера (2001). Майрёкер является почетным доктором университета в Билефельде, членом Академии искусств в Берлине, Немецкой академии языка и литературы в Дармштадте и членом «Forum Stadtpark» в Граце. В 2001 году было закончено пятитомное издание ее прозы, в 2004 году появилось Собрание стихотворений (1939—2003), а в 2005 году «Книга воспоминаний» под названием «Und ich schüttelte einen Liebling». В 2009 году одна из поэтических долгожительниц австрийской литературы за работой встречает свое восьмидесятипятилетие.

Библиографический список

1. Австрийская новелла XIX века. М., 1959.
2. Австрийская новелла XX века. М., 1981.
3. *Архипов А. И.* Австро-советский симпозиум в ИМЛИ // *Вопр. лит.* 1978. № 7.
4. *Архипов Ю. И.* [Предисловие] // Бернхард Т. Избранное: Рассказы и повести. М., 1983.
5. «Высказать невысказываемое, произнести непроизносимое...»: С австрийской писательницей Эльфридой Елинек беседует Александр Белобратов // *Иностр. лит.* 2003. № 2.

6. Затонский Д. В. Страницы австрийской литературы // Иностранная литература. 1972. № 11.
7. Золотое сечение: Австрийская поэзия XIX—XX вв.: Сб. М., 1988.
8. Майрёкер Ф. Без названия / Пер. А. Глазовой. <http://www.old.russ.ru/authors/Glasova.html> (май 2007).
9. Майрёкер Ф. Ночной кошмар / Пер. Е. Соколовой // Иностранная литература. 2003. № 2.
10. Майрёкер Ф. «Сквозь решетку на сердце моем...» / Пер. В. Вебера // Золотое сечение: Австрийская поэзия XIX—XX веков в русских переводах: Сб. М., 1988.
11. Малларме С. Кризис стиха // Сочинения в стихах и прозе: Сб. М., 1995.
12. Рожновский С. В. Прошлое и настоящее австрийской словесности // Иностранная литература. 1981. № 9.
13. Яндль Э. Автобиографические заметки / Пер. А. Глазовой. <http://www.spintongues.msk.ru/jandl7.html> (май 2007).
14. Gomringer E. Vom vers zur konstellation // konkrete dichtung. texte und theorien / Hg. J. Schmidt. München, 1972.
15. Friederike Mayröcker / Hg. J. Schmidt. Frankfurt am Main, 1984.
16. Heissenbüttel H. Tod durch Musen // Friederike Mayröcker / Hg. G. Melzer, S. Schwarz. Graz, 1999.
17. Heißenbüttel H. Über Literatur. Olten; Freiburg i. Br., 1966.
18. Klee P. Schöpferische Konfession // Das bildnerische Denken / Hg. J. Siller. Basel, 1956.
19. Mann T. Gibt es eine österreichische Literatur? // Mann T. Gesammelte Werke: In 12 Bänden: Bd. 10. Reden und Aufsätze. Frankfurt am Main, 1960.
20. Mayröcker F. Gesammelte Gedichte, 1939—2003. Frankfurt am Main, 2004.
21. Schmidt-Dengler W. Bruchlinien: Vorlesungen zur österreichischen Literatur: 1945 bis 1990. Salzburg, 1995.
22. Schubert P. Beruf Kaiser. Die Geschichte der Habsburger. Klosterneuburg; Wien, 1997.
23. Suchy V. Poesie und Poiesis, dargestellt am Werk Friederike Mayröckers // Friederike Mayröcker / Hg. J. Schmidt. Frankfurt am Main, 1984.
24. Zeit und Ewigkeit: Tausend Jahre österreichischer Lyrik / Hg. J. Schondorf. Düsseldorf, 1980.
25. Zweig S. Das Wien von gestern // Zweig S. Zeit und Welt: Gesammelte Aufsätze und Vorträge. Stockholm, 1946.

З. М. Фейзуллаева

ПРОРЫВ В МЕТАРЕАЛЬНОСТЬ (На материале творчества Джамалы)

В последнее десятилетие стала набирать силу русскоязычная дагестанская поэзия, до того не имевшая устойчивых тенденций к разнообразию жанров и стилей. Поэты, принадлежащие к разным народам, пишут не только на русском языке, но и по-русски, не переставая при этом оставаться национальными творцами. Манера стихосложения, сюжетные ситуации, смелые поиски в области ритма, суперметафоричность, еще десяток лет назад казавшиеся новаторскими, сейчас просматриваются под знаком приобщения к «большому стилю». Художникам слова удается органично вплетать реалии времени и нормы «новояза» в поэтическую ткань, включать их в свой личностный поэтический мир.

«Впервые метареализм оформился как особое стилевое течение и как теоретическое понятие на поэтическом вечере 8 июня 1983 года», — сообщает его идеолог М. Эпштейн [4, с. 121]. На протяжении 1980-х он создает ряд работ, где

манифестируются основные классификационные характеристики метареализма. (см.: [1, с. 287]). Несмотря на столь активное внедрение метареализма в российскую поэтическую систему, смысл этого термина не был до конца ясен. Провозглашая метафизические установки метареализма («это метафизический реализм, т. е. реализм не физической данности, а сверхфизической природы вещей»), Эпштейн неоднократно подчеркивает разрыв поэтики метареализма с конкретной эмпирикой социального или политического жеста [4, с. 287].

Поэтесса Светлана Кекова пишет: «Поэзия в своей сокровенной сущности метафизична. Даже простая метафора — это уже метафизика, потому что она выявляет незримые связи между вещами. И рифма по своей сути метафизична тоже» [3, с. 203—204].

Хотя поэты-метареалисты (А. Парщиков, И. Жданов, А. Еременко, А. Шатуновский, И. Кутик, О. Седакова и др.) не остались обделенными публичным признанием, в авторитетных литературоведческих трудах метареализм рассматривается чаще всего в критическом ракурсе.

Иное место занял метареализм в неподготовленной предшествующими элитарными изысками дагестанской поэзии, проявившись ярко, интенсивно, талантливо. Основным ядром поэтов-метареалистов стало поэтическое сообщество «Новая волна», у истоков которого стоит русскоязычный поэт, агул по национальной принадлежности, Джамаль (Фатхулла Джамалов)*. Первичный импульс поэтическому направлению был дан, конечно, московскими метареалистами, но Джамаль представил столь яркие образцы метафорического письма, что вполне можно говорить о собственном его толковании метареализма, зачастую более глубоком, чем у его русских учителей. В 1986 г. на турнире поэтов в городе Иванове Джамаль был удостоен титула «Король поэтов», однако это не стало причиной его популярности. Сам Джамаль в этот период пишет:

Пишу на туче, следуя канону.
Имею все — и чувствую потерю,
Примеров нет, чтоб следовать примеру,
Король любви разбил свою корону.

Дагестанский же читатель сразу оценил новизну и значимость творчества поэта. В предисловии к сборнику стихов Джамала «Вестник аль-Денеба» приведены высказывания известных литературоведов о его поэзии, поэтов из разных точек России и зарубежья. «Нет аналогов», «невероятные возможности», «поэзия XXI века», «новый уровень мышления», «поэзия европейского уровня», «вертикальное постижение» — таковы заголовки, предпосланные этим высказываниям.

Поэт Юрий Проскуряков отмечает, что творчество Джамала «представляет собой поэзию европейского уровня. В ней органически сливаются мотивы восточной, русской и кавказской (горской) лирики».

Владимир Марфин называет Джамала поэтом XXI века. «Новые приемы и методы, которые он использует в своей поэзии, вызывают восхищение у истинных ценителей поэзии. Многие поэты будут учиться мастерству по его произведениям».

«Обращение к планетарной, космической теме, судьбе человека всей планеты, использование приемов изображения действительности, которые не

* Фатхулла Джамалов — выпускник филологического факультета и аспирантуры ИвГУ. *Примеч. ред.*

были в употреблении ни у дагестанских, ни у русских авторов, делают произведения Джамала наднациональными», — пишет исследователь современной литературы Абдулла Вагидов.

Семантика слова в поэтических текстах Джамала далека от общепринятой. Слово здесь является знаком, символом, несущим закодированную информацию. Эта информация может быть расшифрована только в целостном контексте произведения, а внутренний смысл последнего раскрывается лишь в контексте определенной духовно-эстетической традиции. Другой характерной чертой творений Джамала является оригинальная и насыщенная образная система. Девиз его творчества — ни строчки без образа! «Поэзия без образов — безобразия», — утверждает Джамаль.

Интенсивная метафорика сближает его духовные стихи с традицией суфийской поэзии, парадоксальность внутреннего мышления — с канонами текстов дзен-буддийских монахов. Джамаль рассматривает Слово как ключ к тайнам мироздания, а поэзию — как метод познания Метареальности. Он полагает, цитируя Иосифа Бродского, что в настоящее время, когда кризис языка и методов познания современной науки совершенно очевиден, его открытия становятся достоянием новой науки, ибо истинная поэзия — «колоссальный ускоритель сознания, мышления, мироощущения».

На таком фоне заметна связь текстов Джамала с категориями художественного языка, которые оказались подчиненными метафизическим, метареалистическим, трансцендентным категориям. Он не опирается на предметность сюжета, оперируя категориями ирреальности, символами и концептами, ибо слово, сопряженное с отвлеченным знанием, становится словом-концептом:

Молитвенный город, Джума-минаретный,
Дербент, ты — мечеть с муэдзином вокальным.
И пятничный полдень задумчив, как древний
Платан во дворе с ихтиандром на скальном.
Минбар источает сияние веры,
Вибрирует купол небес безоаровый,
Когда, озонируя астронные сферы,
Пронзает весь космос азан светозарный.

[2, с. 76]

Сочетая несочетаемое, в данном случае мусульманскую символику (мечеть, муэдзин, минбар, азан) и предельно субъективизированные обозначения признаков астрального плана, основанных на непереводаемости индивидуального мировоззрения, поэт переводит свой текст в ирреально-символическую плоскость.

Джамаль уверенно чувствует себя в пространстве и времени своих произведений, где он смело экспериментирует, переплетая различные временные пласты. В этом сопряжении на одной повествовательной плоскости разных временных событий, где настоящее и будущее находятся рядом, сливаясь в одной строфе, в строке, без перехода, без опознавательных примет поэт творит свое стилистическое освоение и преодоление времени:

Кармический веер.
Развернет опахала тевтонская ночь.
В генераторах ген растворится эмаль.
И прихлынет саванна к затылку, как желчь.
В радиальных отсеках взорвется Грааль.

Флегматичный туман заведет разговор
 В тупики конголезских термитных дорог.
 Над Тянь-Шанем взойдет технотронный собор.
 И кентавры войдут в амазонский поток.

Австралийские ламы прочертят нам сны
 На рунических письмах бермудских жрецов.
 И с неоновых пальцев цветной тишины
 Разлетится кармический веер скворцов.

[2, с. 47]

А. Вагидов пишет: «Стихотворение “Кармический веер” интересно не только “сближением”, расположением в одной картине тевтонской ночи, саванны, Конго, Тянь-Шаня, амазонского потока и т. д. Фантастическая картина мироздания оказалась необходимой, чтобы сказать “И с неоновых пальцев цветной тишины // Разлетится кармический веер скворцов”. Здесь сказано о веере скворцов, но имеется в виду карма лирического героя» (см.: [2, с. 89]).

От некоторых астральных стихов Джамала рождается ощущение вне-временного сознания, неуклонно несущегося к фатальному концу и черте времени, существует он в вечном одновременного пребывания всего и всех, где причудливо перемешано бывшее, происходящее, воображаемое:

В зеркалах озарений рубинами пляшет капель.
 Горбатая осень ложится в снега и созвездья.
 Пульсирует космос. В степях Ориона — метель.
 И прав аль-Бируни: за бездною новая бездна!

[2, с. 68]

Несмотря на использование Джамалем постмодернистского приема «двойного кодирования», в его стихах очевидно разнообразие тем и идей, образов и скрытых манифестаций, поиск эволюционного движения. Сама новаторская форма его поэтического высказывания нерасторжимо слита с этим содержанием. Автор поглощен проблемой времени, возвратными ритмическими пульсациями роковых минут истории, ищет форму их прогноза и обуздания.

Сакральные тайны вечности и запредельный прорыв в будущее с его преобразовательно-космическим мировоззрением — черта и примета ноосферного мировоззрения, перекликающегося с философской мыслью Вернадского. И все это удивительным образом переплетается с приметам суфизма, стремлением проникнуть в ширь и глубь Азии, в ее тайны и ее метафизику:

Рождает звезды квантовая пена,
 Озарена азанами Кааба,
 Солярный знак вещает перемены,
 Дракон терзает сердце аль-Кохаба.

Развертывая время, как дискету,
 Перенесемся в царство зиккуратов.
 Прислушаемся к проповеди ветра,
 Ревущего в преданиях Гуджарата.

Слова — времен связующие звенья,
 Код памяти, ключи от мироздания.
 Вооружишь доспехами терпенья,
 Ищи — найдешь, достигнешь основанья.

[2, с. 29]

Наряду с «космическими откровениями» в творчестве Джамала рельефно выделяются архетипические элементы, вырастает роль магического, связанного с язычеством, концептуализма, в котором происходит обновление и уточнение смысла используемых цитат, скрытых аллюзий и многое другое. Как правило, это связано с родиной поэта — Агулом.

В Южном Дагестане искусство ковроткачества берет начало с глубокой древности. Каждый ковер содержит определенный код, выраженный расположением узоров, знаков, символов. Магические обереги известны ковровщицам еще с языческих времен, и в каждом отдельном случае — это тайна, сохраняемая веками. В эту тайну проникает поэт:

В куфических листьях агульских ковров
 Орнамент с узором потопа
 Таит в себе бремя семи языков
 И тайны былой катастрофы.
 Сплетение линий читаем, как сад
 Висячий — с небес Вавилона:
 Царю Хаммурапи диктует Евфрат
 Сакральные клинья закона.

Джамаль читает орнамент ковра и видит знаки, скрытые от других:

Расчерчен аспект андрогинной звезды.
 Горит Андромеда, как люстра.

Знает он и то, для чего был создан орнамент много веков назад:

И гасит вулкан перманентной вражды
 Вербальным дождем Заратустра.
 Видит он и то, как
 В астральных арканах ключи сефирот
 Меняют космический фазис...

[2, с. 51]

Пространство поэзии Джамала многомерно, многозначно и имеет много уровней восприятия. Эта многоуровневость объясняет стремление в каждой фразе высказаться вполне, привлекая все ресурсы своего жизненного и языкового опыта. Поэт раскрывает перед нами сам процесс мышления в его целостности и оригинальности, он не может, а возможно, и не желает искусственно очистить текст от непонятных многим деталей и слов. Новая внутренняя реальность требует новых слов, эмоций, способов выражения.

Творчество Джамала привлекает молодых одаренных поэтов. Среди них Гусейни и Кистаман Рамазанова, вместе с Джамалем составившие основу объединения «Новая волна». Творчество его оказывает большое влияние и на поэтов новой формации, не принадлежащих к течению метареализма, но создающих интересные тексты в новой, непривычной стилистике.

Библиографический список

1. Голынкин-Вольфсон Д. От пустоты реальности к полноте метафоры // Новое лит. обозрение. № 62 (2003).
2. Джамаль. Вестник аль-Денеба. Махачкала, 2001.
3. Кекова С. А стихи — тонкая материя // Вопр. лит. 2002. Март—апрель.
4. Эпштейн М. Постмодернизм в России. М., 2000.

РЕЦЕНЗИИ

О. И. Половинкина

Рец. на кн.: Америка: слово, образ, судьба: Межвузовский сборник научных трудов, посвященный памяти В. И. Яценко / Отв. ред. О. Ю. Анцыферова, Н. Л. Ермолаева. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. — 290 с.

Сборник статей «Америка: слово, образ, судьба» ивановские филологи посвятили памяти своего коллеги, безвременно ушедшего ученого-американиста Вадима Ивановича Яценко. Это не совсем обычное издание заставляет задуматься о том, что филология, как, вероятно, наука в целом, — не просто род занятий, «работа». Для всех, кто посвятил себя ей, филология определяет образ мыслей и, в конечном итоге, жизнь. Вынесенное в название слово «судьба» указывает на внутреннюю целостность сборника. Книга делится на две части: ее открывают воспоминания родных и коллег о В. И. Яценко, вторая часть содержит научные статьи, представляющие читателю преимущественно литературу Юга США, исследование которой стало для него делом жизни. В своих статьях и монографиях В. И. Яценко первым в отечественном научном обиходе обратился к истории формирования особого способа литературного мышления, свойственного американскому Югу. Статьи сборника постоянно отсылают к его работам, развивают те или иные научные идеи В. И. Яценко. Жаль только, что в сборнике не нашлось места ни для одной из этих работ.

«Воспоминания» читаются как мемуарная литература, интересная и сама по себе. Увлекательна рассказанная М. И. Яценко история семьи, описание их с братом иркутского детства, быта провинциального Иркутска. В воспоминаниях коллег воссоздается картина жизни русской интеллигенции 1960-х — начала 1980-х годов, как будто столь недавней, но отошедшей уже в область истории. Отдельные моменты прошлого, незначительные происшествия, мелкие подробности тех дней сообщают выразительные штрихи портрету В. И. Яценко. Эти страницы бережно сохраняют память о незаурядной личности, талантливом ученом, блестящем лекторе, остроумном собеседнике. В рассказах коллег Вадим Иванович вновь предстает таким, каким и я его знала в студенческие годы: деликатный и мудрый декан, явно и несомненно принадлежавший к избранным интеллектуал, воплощение интеллигентности.

Особое человеческое измерение этой книге сообщает тот факт, что она создавалась кафедрой зарубежной литературы Ивановского университета, где последние годы жизни работал В. И. Яценко, при активном участии его близких, «филологической семьи», по слову Вадима Ивановича. Сын, Вадим

Вадимович Яценко занимался оформлением сборника, которое получилось действительно очень удачным. Дочери исследователя, историку английского языка Марии Вадимовне Яценко принадлежит подробная статья о лингвостилистических особенностях древнеанглийской поэмы «Исход», демонстрирующая, как происходит в англосаксонском поэтическом творчестве преобразование библейского текста в духе героического эпоса. Открывает раздел «Научные статьи» весьма любопытная работа вдовы исследователя Нины Леонидовны Ермолаевой (редактировавшей также «мемуарную» часть сборника), посвященная фигуре Писемского, традиционно непопулярной в отечественном литературоведении. В статье осуществляется убедительный пересмотр канона, сложившегося при непосредственном участии Герцена и закрепившегося под влиянием социал-демократической критики. А. Ф. Писемский рассматривается как писатель, чье творчество заслуживает самого пристального внимания.

Пересмотр канона в целом оказывается главной темой сборника. Авторы статей идут по пути, проложенному, в числе прочих исследователей, В. И. Яценко. В своих работах он одним из первых в отечественном литературоведении рассматривал творчество писателей — афро-американцев как значимое явление. Как известно, американское литературоведение последних десятилетий отвело им особое место в истории национальной литературы. Творчество афро-американцев от истоков к современности является предметом исследования в статьях И. М. Удлер, А. Н. Кормилициной. Особый интерес в этом смысле вызывает работа редактора и составителя научной части сборника О. Ю. Анцыферовой, затрагивающая теоретический аспект проблемы. Способы репрезентации расы в литературном произведении анализируются ею на основе положений, сформулированных Тони Моррисон в эссе «Играя в темноте: белизна и литературное воображение» (1992).

Важное место в книге занимает и традиционный писательский ряд, с которым ассоциируется литература американского Юга. Статьи Е. А. Морозкиной, М. О. Эрштейн, Л. П. Башмаковой, Т. Н. Шмелевой, И. А. Делазари, Н. Г. Кондрахиной, Н. А. Чугуновой, И. В. Морозовой представляют современный взгляд на романы У. Г. Симмса и Дж. П. Кеннеди (к творчеству которых одним из первых обратился когда-то В. И. Яценко), К. Шопен, У. Фолкнера, К. Маккаллера и др. Своего рода исследовательский блок образуют работы Н. Г. Кондрахиной и И. А. Делазари, рассматривающие природу и функцию «примитивизма» в нарративе модернистского романа. Другой блок статей посвящен Э. А. По, чье творчество неразрывно связано с культурой американского Юга. Темы «По и Гоголь», «По и Гофмансталь» развертываются в статьях П. В. Николаевой и Ю. Л. Цветкова.

Думаю, книга «Америка: слово, образ, судьба» получилась достойной памяти ученого и той научной школы, которая возникла в Ивановском университете и представлена именами таких известных американистов, как В. Н. Шейнкер, Н. А. Чугунова, О. Ю. Анцыферова и, конечно, В. И. Яценко.

Т. А. Таганова

Rec. ad op.: Essays on Lexicon, Lexicography, Terminology in Russian, American and Other Cultures / Ed. by O. Karpova, F. Kartashkova. — Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. — 245 p.

Выход коллективной монографии под редакцией профессора О. М. Карповой и профессора Ф. И. Карташковой в столь уважаемом издательстве, каким, несомненно, является *Cambridge Scholars Publishing*, стал событием в научной жизни Ивановского государственного университета. Данная книга явилась результатом работы VI Международной школы-семинара, проходившей на базе ИвГУ в 2005 году. Проводимые каждые два года международные школы-семинары по лексикографии заслужили широкое признание как в России, так и за ее пределами. Об этом свидетельствует тот факт, что большое количество выдающихся отечественных и зарубежных ученых, внесших весомый вклад в развитие различных отраслей лингвистики, в разное время выступили с докладами, презентациями и мастер-классами на конференциях. Уникальность конференции, проходившей в 2005 году, заключалась в широте затронутой тематики, с особым фокусом на вопросах соотношения различных аспектов языка и культуры, межкультурной коммуникации, а также особенностей профессионального общения и терминологии.

Проблема соотношения языка и культуры все больше занимает лингвистов, в частности лексикографов-практиков. Часть I монографии *Cultural Aspects in Different Linguistic and Lexicographic Traditions* посвящена определяющему значению культурного компонента в самых разных отраслях знания о языке. Рассматривая «культурный компонент», авторы монографии обоснованно подразумевают целый ряд феноменов, обусловленных традициями того или иного социума. Так, А. А. Григорян в главе I *On Gender Aspect in Lexicography* затрагивает столь важный аспект в культурной традиции, как гендерный компонент, являющийся существенным при выстраивании системы ценностей того или иного социума. Автор последовательно доказывает тот факт, что, несмотря на сложность объективного отражения в словаре гендерного компонента с его богатым культурным и символическим значением, задача эта интересна и вполне выполнима.

Не менее важной проблемой для лексикографа является объективное отражение компонента языка, представляющего национальную идентичность. В свою очередь, С. Г. Тер-Минасова в главе II *War and Peace of Languages and Cultures* справедливо утверждает, что, являясь барьером, разделяющим народы, язык и, следовательно, культура, одновременно становятся щитом, охраняющим свою самобытность. Автор подробно и чрезвычайно образно описывает «оружие», используемое языком, а именно фонетические, грамматические, лексико-стилистические трудности, которые, в конечном счете, становятся уникальным кодом для описания уникальной культуры.

Художественное слово в культурной традиции также выполняет важную функцию. Глава III *Artistic Word in Jean-Paul Sartre's Creative Activity (Sartre Contre Proust)* посвящена роли художественного слова в постижении

действительности. На примере творчества Жан-Поля Сартра и Марселя Пруста А. Н. Таганов детально рассматривает различия в восприятии мира, связанные с разным подходом авторов к Слову.

Являясь важной иллюстрацией самосознания нации, фразеология играет значительную роль при исследовании культурных особенностей языкового сообщества. Рассуждая об особенностях австрийской фразеологии, В. Т. Малыгин в главе IV *Austrian Phraseology as Display of Self-Developing of German in Austria* подчеркивает ее явные различия с немецкой. Автор приводит весомые доводы в пользу того, что, отличаясь на фонетическом, синтаксическом, лексическом, семантическом, орфографическом уровнях, австрийская фразеология является результатом процесса развития языка, стремлением носителей австрийского диалекта подчеркнуть свою принадлежность к австрийскому языковому сообществу.

Межкультурная коммуникация приобретает особое значение в современном мире. Межъязыковые контакты неизбежны и необходимы. Глава V *Russian Arabic Contacts and its Treatment in Dictionaries* посвящена взаимодействию русской и арабской культур и его языковому выражению. Н. Казис подробно описывает взаимовлияние русского и арабского языков как следствие торговых, культурных, политических связей, а также принципы организации этимологических словарей, отражающих это взаимодействие. Процесс взаимовлияния русского и арабского языков очевиден, как утверждает ученый. Однако нельзя не согласиться с автором в том, что лексикографическое описание феномена до сих пор не исследовано основательно. Глава содержит большое количество примеров, иллюстрирующих доводы ученого.

Немаловажное значение в процессе осуществления межъязыковых контактов играет и эффективное профессиональное общение, о чем повествуется в главах V *The Language of Trust* и VI *Dealing with Public Anger: New Approaches to an Old Problem*. К. Хейсли описывает основные приемы достижения успешной коммуникации, основанной в первую очередь на доверии к собеседнику. В то же время подчеркивается необходимость развивать навыки общения в конфликтных ситуациях. Автор дает ценные «рецепты» построения грамотного диалога, являющегося залогом достижения коммуникативной цели. Главы снабжены примерами из личного опыта, описаниями конкретных ситуаций общения. Практическая ценность рассматриваемых исследований очевидна, хотя и возникает вопрос об «универсальности рецептов», о применимости некоторых рекомендаций в условиях межкультурного общения.

Авторы Части I раскрывают всю многогранность понятия «культурный аспект в лингвистике». Основательность и новизна выводов позволяют говорить о том, что взаимоотношения языка и культуры остаются одной из самых перспективных сфер исследования в современной науке о языке.

Специфические элементы культуры, ставшие объектом исследования Части I, все чаще становятся предметом лексикографического описания. В Части II монографии *User's Perspective and Dictionary Use* отражены результаты исследований, посвященных новым тенденциям в развитии лексикографической науки. В современном мире словарь становится необходимым как следствие расширения межкультурных контактов, возникновения потребности осуществлять межъязыковое общение, изучать иностранный язык, а значит, и культуру. В этой связи справочное издание играет важную роль по-

средника между носителями разных культур. В изучении иностранного языка словарь является незаменимым помощником, о чем в главе VIII *Using Dictionary in Second Language Acquisition* повествует О. А. Ужова. Задача современных справочников, как справедливо утверждает автор, состоит в том, чтобы дать изучающему язык представление не только и не столько о значении слова, сколько сформировать у учащегося коммуникативную компетентность, чтобы познакомить его с социокультурными нормами изучаемого языка. Особое значение при изучении языка приобретают двуязычные словари. Как свидетельствует Л. А. Девель в главе IX *Russian and Korean University Freshman Dictionary Users*, именно этот тип словарей предпочитают изучающие язык. Интересно замечание автора о том, что особая эффективность в овладении неродным языком достигается при использовании комбинации одноязычного и двуязычного словарей.

В связи с развитием новых технологий на передний план выходят интернет-словари. Появляются новые типы справочников, в частности словари русского поэтического языка, принципы организации которых описывают Л. Л. Шестакова и В. В. Виноградов в главе X *On-Line Dictionaries of Russian Poetic Language*. Несмотря на то что подобные словари явно предназначены весьма ограниченному кругу читателей, авторам удалось показать практическую ценность данных словарей. Представлено значительное количество примеров.

При изучении иностранного языка использование фонетической транскрипции становится неотъемлемой частью учебного процесса. Важность адекватного лексикографического описания фонетической информации удачно подчеркивается Г. М. Вишневецкой в главе XI *Phonetic Transcription: Lexicographic and Pedagogical Issues*. Появление «звучащих» словарей, отмечает автор, оказывает неоценимую помощь изучающему язык. Проблема сочетаемости также является одной из ключевых трудностей неродного языка. Комбинаторные словари, утверждает М. В. Влавацкая в главе XII *Investigating Lexicographic Description of Collocations*, в ситуации межкультурного общения могут помочь удовлетворить как профессиональные нужды, так и служить средством расширения лексикона, необходимого в различных коммуникативных ситуациях.

Авторы Части II коллективной монографии справедливо подчеркивают ключевую роль справочников в формировании лингвокультурной компетентности личности, что является залогом успешного межкультурного общения. Исследования, представленные в Части II, имеют явную практическую направленность, что определяет ценность выводов. Особо значимыми представляются результаты, полученные в ходе сотрудничества преподавателя и изучающего язык (главы VIII, IX). В конечном счете, именно последний во многом диктует составителям словарей то, каким должен быть справочник.

Часть III монографии посвящена общим и частным проблемам терминологии и терминологии. Технический прогресс, по утверждению К. Я. Авербуха и О. М. Карповой, обозначил необходимость изучения такого феномена, как язык для специальных целей (LSP), являющегося основой профессионального общения. В главе XIII *Problem of LSP Teaching with Special Reference to Market Economy Terms* авторы определяют особенности LSP и анализируют связанную с этим специфику преподавания терминологиче-

ской лексики. Особую значимость, как представляется, имеет вывод о необходимости комплексного и прагматического подхода к обучению специальной терминологии.

В процессе освоения термина ключевое значение приобретает понимание его природы. В этой связи актуальна теория Л. М. Алексеевой о метафоричности термина, о его особом строении (глава XIV *Individual Term Creation*). В то же время несомненный интерес представляет наблюдение Г. Пихта (глава XV *Professional Communication and Presentation of Professional Knowledge Considered within the Framework of Terminology*) о возможности представления профессионального знания, а значит, и терминологии как вербальными, так и невербальными средствами. Г. Пихт иллюстрирует свою теорию таблицами, схемами, рисунками, что делает выводы более весомыми и наглядными. Исследование лингвиста заслуживает отдельного внимания.

Сложность термина, его особая структура обуславливают проблемы, связанные с его лексикографическим описанием. В главе XVI *Lexicographic Description of Terms in Non-Terminological Distribution* О. М. Карпова рассматривает способы отражения функционирующей в литературных трудах терминологии в авторских словарях, в частности в словарях языка Шекспира. Выдвигая тезис о сравнительной новизне идеи создания авторских терминологических словарей, О. М. Карпова отмечает богатый потенциал данной отрасли лексикографии, имеющей значительные исторические традиции, теоретический и практический опыт, а также связь с рядом лингвистических дисциплин: лексикологией, терминологией, историей языка.

Авторам Части III в полной мере удалось доказать уникальность такого феномена, как термин, необходимость его дальнейшего изучения.

Описанию новых лексикографических проектов посвящена Часть IV монографии. Так, в главе XVII *The Functional Model of Scientific Bilingual Dictionary* В. Д. Табанаковой и М. А. Ковязиной рассматривается возможность создания двуязычного терминологического словаря, во всей полноте реализующего основные функции справочника: систематизирующую, справочную, учебную, нормативную. Авторы приводят неоспоримые аргументы в пользу того, что систематизирующая функция словаря, направленная на формирование верного представления о полноте семантики термина, о синонимии, иерархических связях, должна стать одной из основных.

М. И. Солнышкиной описаны принципы составления вышедшего в Москве в 2000 году русскоязычного словаря морской лексики (глава XVIII *Lexicographical Basis for Russian Naval Sublanguage Dictionary: Theoretical Considerations*). Цель этого уникального проекта — познакомить читателя с богатым историческим и культурным наследием профессии мореплавателя, отраженным в специфическом профессиональном подязыке. Лингвисту удалось дать читателю детальное представление о макро- и микроструктуре справочника.

Электронные словари сегодня — это не только и не столько словари, справедливо утверждает Е. А. Шапошникова (глава XIX *New Intelligent Electronic Reference*). Приобретая ряд новых функций, электронный словарь становится, по сути, универсальным справочником. Автор доказывает тот факт, что появление терминологических банков данных — новейшее направление терминологии и лексикографии — явилось огромным шагом на пути создания «умного» лексикографического продукта.

Сотрудничество терминологии и лексикографии оказывается в последнее время плодотворным, так как только при комбинировании теории и практики этих дисциплин можно создать удачный словарь терминов, такой, о котором пишет К. М. Денисов в главе XX *A Systematic Model of the Dictionary of Phonetic Terms*. Предложенная автором модель словаря фонетических терминов включает в себя специфическую информацию о синтаксическом поведении термина, о лексической сочетаемости и семантических отношениях специальной лексики. Несомненно, подобный словарь вызовет резонанс в среде лингвистов.

Проект не менее интересного справочника фразеологических единиц, являющихся семантическими дериватами невербальных компонентов коммуникации, предложен Ф. И. Карташковой и М. А. Маякиной (глава XXI *The General Characterization of the Dictionary Model of Phraseological Units: Semantic Derivatives of Non-Verbal Components of Communication*). Ценность подобного словаря заключается в его учебной направленности; справочник представляет собой практическое учебное пособие, отражающее все разнообразие английского невербального поведения, являющегося во многом отражением культуры в целом.

Индивидуальная поэтическая концептосфера также может стать объектом лексикографического описания, как утверждает И. А. Тарасова (глава XXII *The Ways of Lexicographical Representation of Feature Concepts*). Авторские концепты являются уникальными единицами авторского художественного сознания, поэтому создание словарей ключевых слов поэта, например «Словаря ключевых слов поэзии Георгия Иванова», поможет читателю глубже проникнуть в мир образов, рисуемых поэтическим сознанием.

Разнообразие проектов новых словарей, предложенных авторами Части IV монографии позволяет утверждать, что лексикографическая наука переживает своеобразный расцвет. Накопив свою солидную теоретическую базу, лексикография сегодня способна предложить большое количество практических разработок благодаря развитию компьютерных технологий и использованию богатого опыта различных отраслей лингвистики: этимологии, терминологии и терминологии, лексикологии.

Монография *Essays on Lexicon, Lexicography, Terminology in Russian, American and Other Cultures* — основательный труд, иллюстрирующий основные тенденции развития современной лингвистики. Выход книги, несомненно, своевременен. Рассуждая о языке, о межкультурной коммуникации, о проблемах обучения языку в целом и терминологии в частности, о проектах новых словарей, авторы в первую очередь видят необходимость комплексного подхода к проблематике «сотрудничества» в различных отраслях знания. Язык представлен как живой, развивающийся организм, до конца не изученный, а поэтому оставляющий поле для дальнейших исследований. Вероятно, предметом дальнейших разработок могли бы стать такие аспекты, как, например, функционирование безэквивалентной лексики и ее лексикографическое описание, «языковая картина мира», другие актуальные темы исследования современной лингвистики, не нашедшие полного освещения в этой монографии. Некоторые аспекты терминологии и терминологии, не вошедшие в сферу интересов авторов, также требуют основательного изучения. Остается выразить надежду на то, что данные области станут фокусом последующих коллективных монографий, которые будут изданы на столь же высоком уровне и в столь же уважаемом издательстве.

K. M. Denisov

Rec. ad op.: Terminology. Processing of terms in Specialized Dictionaries // International journal of theoretical and applied issues in specialized communication (Special issue). — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2006. — Vol. 12, № 2. — 124 p.

The special issue of the afore mentioned journal called by its editors prof. Marie Claud L'Homme (University of Montreal, Canada) and prof. Ulrich Heid (University of Stuttgart) *Terminology. Processing of Terms in Specialized Dictionaries* bears out two very important emphases. On the one hand, banks of terminological data are growing rapidly, thus demanding the elaboration of new terminological dictionaries of different qualities. On the other — new science of *Terminography* declared akin and even equal to that of specialized lexicography requires fresh approaches to term description based on profound logical, philosophic, cultural, and, of course, linguistic theories. This, the authors assume, will make specialized dictionaries more systematic, illustrative and useful for both translators and specialists in respective fields of human activity.

The expertly compiled and edited bilingual (English/French) block of articles consists of six works containing vast bibliographies, requisites and personal information about the authors who are peers and like-minded people with different cultural background: Spanish (Pamela Faber, Silvio Montero Martinez, Maria Rosa Castro Prieto, Jose A. Sensoruiz, Juan Antonio Prieto Velasco, Pilar León Arauz, Carlos F. Martinez Linares, Miguela Vega Espósito, Adelina Gómez González-Jover), French (Myriam Mortchev-Bouveret), Canadian (Brigitte Orliac) and Danish (Henning Bergenholtz and Sandro Nielsen).

In her editorial article *The processing of terms in dictionaries: New models and techniques* prof. Marie Claude L'Homme uncovers a number of debatable issues of modern terminography pinpointing crucial caveats of the state of art in the field. Stating the fact of considerable achievements in terminological theory and praxis, she, nevertheless, outlines main challenges for terminographers, a brief comment on which we considered necessary to present here:

- *Dictionaries should take into account user needs and include highly specialized but also less specialized items.* Surely, one cannot imagine any terminological system without bonds with outer systems, which this particular terminology is a part of. However specific terminology should be understood within the context of its mother tongue development.

- *Terminographers or specialized lexicographers should make more use of evidence found in corpora as a basis for making decisions about terms.* With the development of electronic banks of terminological data and new search systems it is becoming a real must. Although, here goes the problem of reliability of sources used for taking up generalization and definitive decisions and forestalling distortions of descriptive prospects. So, whatever the source of data scholars should use valid filters for the sake of the righteousness of choice.

- *Dictionaries should include more data on terms (e.g. collocations, valence patterns, images).* It means, that, on the one hand, dictionaries must become more linguistically profound and, on the other hand, they must acquire more dynamism and illustrative transparency.

- *Bilingual and multilingual dictionaries should account for interlinguistic differences.* It necessitates the drive towards more contrastive linguistic analyses for the sake of precision and adequacy in consecutive apprehension, translation and relation of terms across languages without semantic faults and losses.

- *Dictionaries should describe relationships between terms.* This thesis echoes the first one in the capital aspiration to build up a framework of terms to provide a complete picture of a terminology delineating its hierarchy and interplay of its elements.

- *Specialized dictionaries should contain encyclopedic or pragmatic information.* This means the shift of a terminographic paradigm leading to the apparition of a certain descriptive frame within which terms would act as nominates of simulated reality.

- *Definitions should be structured in order to display key conceptual components.* Eventually, all previous theses mean that existing definitions frequently do not suffice for they either miss systematic, linguistic, pragmatic, and cognitive aspects of the term, or are not backed up enough in these respects. Consequently, specialized dictionary articles require amendments and renovation.

All these challenges stand for readdressing some basic theories of descriptive and cognitive linguistics. That is why the names of Ch. Fillmore, I. A. Melčuk, B. Levin and J. Pustejovsky are mentioned here, and their methodology is used in case studies and generalizations. One more name should be mentioned here, that is of Eugenio Coseriu, who invented the immortal term “discourse” and predicted many prospects of LSP investigations.

Pamela Faber et al. *Process-oriented terminology management in the domain of coastal engineering* exploits the notion of *frame* in creation of a dynamic model in a specific terminology. The authors claim that the graphical schema representing terminology in action possesses universal value for its transparency and precision and may help specialists unequivocally transfer conceptuality across languages. Schema is somewhat opposed to definition. The latter, due to the specificity of verbalization, requires minute deciphering. Being metaphysical it is construed in accord with the inherent laws of national languages and very often is difficult to perceive and digest by the foreigners. Schemas, on the contrary, using language as a comment tool, represent semantic frames and conceptual structures as dialectic processes on another, more universally comprehended tier. All this makes terminology more iconic and available for operation. So, on the whole the idea of conceptual frame bases as one of the components of terminographic design seems rather fruitful because it ignites levels of perception normally dormant in absence of the schematic image. Moreover, schemas, universal as they are, going hand in hand with verbal frames or definitions emphasize and teach in specificity of languages as various formalizers of integrative concepts.

Adelina Gomez Gonsalez-Jover's article *Meaning and anisomorphism in modern lexicography* deals with asymmetry of language systems as the main reason for losses in interlinguistic terminology transfer processes. The author distinguishes between *encapsulated meanings*, i. e. those «encased within an ontological system... which specifications have been formally agreed upon by a group of experts» (Op. cit., p. 319) and *dynamic meanings*, dependent on the context, including lots of background data specialists and translators need to know. Fluctuations in contextual usage of terms produce different levels of their apprehension: scientific, workshop, everyday usage and publicity selling. The

author claims that different angles of terminology perception require inclusion of extra operational information in terminographic collections. Insofar, specialized dictionaries need more linguistic, paralinguistic and extralinguistic information. This may result in more complicated character of the specialized dictionary itself. However, it is a universal truth or a well-known axiom that simplicity of the system doesn't provide its stability and viability and vice versa. To our mind, the idea of levels prompts possible division of LSP dictionaries into autonomous subtypes according to the sphere and style of their application and user requirements, which evokes further debate and expertise.

Myriam Mortchev-Bouveret in her article *Fonctions lexicales pour le typage de relations syntagmatiques et paradigmaticques* develops the idea of prof. I. A. Melčuk, who once declared the impossibility of compiling sound specialized dictionaries without a manifold linguistic description of every entry, including its semanticity. Her research of verbal colligations and their functions consecutively implements the hierarchical and linear orientation principle. Following Ch. Fillmore and B. Levin the author works out *relative* (synonymy, hyponymy, hyperonymy, antonymy, meronymy) and *argumental frames* using reliable and educative exemplification matter.

Brigitte Orliac's *Un outil d'extraction de collocations spécialisées base sur les fonctions lexicales* goes on with the issue of linguistic functioning of terms under the umbrella of the Meaning — Text Theory. The author uses a semantic filtering procedure to extract terminological verbal collocations from different corpora with further *exempli gratia* deployment of them into specialized dictionaries according to different parameters. Thus LSP micro contexts must work to format definitions and explain away the lingual behaviour of terms.

The final article *Subject field components as integrated parts of LSP dictionaries* written by Henning Bergenholtz and Sandro Nielsen argues that there is no real difference between LSP lexicography and terminography. Both aim at building a bridge between a potential user and a specific field of knowledge, by which this user get his/her bearings in any concrete vocational, educative, and intermediary situation. The authors put forward a new model of the specialized dictionary claiming its value as a specific tool for every kind of user groups involved in respective terminology. Emphasizing the vital necessity of systematic presentation of any subject field in future LSP dictionaries, scholars, however, set up certain limits of their mega-, macro-, and microstructures. The idea of user profiling should, in the authors' viewpoint, lead to discrimination between *cognition oriented* and *communication oriented* dictionaries. Siding with the idea, it is necessary to remark the mandatory mutually complementary character of such dictionaries.

In the conclusion of our review it would be appropriate to gratify contributors for in-depth and fruitful ideas routed in the rich soil of previous linguistic and lexicographic research, although pioneering in many aspects. All speak for the tendency of more complicated, manifold, deep, and, on the whole, perfect theoretical schemes and practical methodology of inquiry. Although, in the case of the reviewed book, the complexity of insights and associations is successfully outbalanced by clear cut manner of presenting material and truly scientific writing style of the contributors. This volume has undoubtedly enriched the list of publications that have recently appeared in different countries under the auspices of advanced editing houses including John Benjamins Publishing Company.

ХРОНИКА

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ ШКОЛА-СЕМИНАР ПО ЛЕКСИКОГРАФИИ

«Новое в теории и практике лексикографии: синхронный и диахронный подходы»

Иваново, 10—12 сентября 2009 г.

В сентябре 2009 года кафедра английской филологии Ивановского государственного университета вновь проводит международную лексикографическую школу, которая за эти годы приобрела статус Международной конференции. С 1995 года мы организовали и провели семь международных конференций! Идея проведения была предложена основателем Европейской ассоциации лексикографов доктором Р. Р. К. Хартманном, который стал первым иностранным приглашенным ученым первой школы-семинара «Теоретические и прикладные аспекты лексикографии».

Форма, избранная организаторами школы-семинара, как нельзя лучше отражает идеи преемственности, передачи опыта, творческих споров и плодотворного обмена информацией, свойственного научному сообществу. В таком формате начинающие ученые могут не только доложить о собственных научных изысканиях, но и услышать лекции ведущих зарубежных ученых, познакомиться с известными лексикографами России, ближнего и дальнего зарубежья.

Особую атмосферу живого участия придает этому событию присутствие студентов и аспирантов на пленарных и секционных заседаниях, презентациях новых словарей и выставках издательств. По этой причине мы сохранили первоначальное название *школа-семинар*, поскольку именно здесь начинающие исследователи учатся проведению научной дискуссии, участвуют в обсуждениях докладов на заседаниях секций и круглых столов, вопросной сессии. Такая форма совместного участия в школе-семинаре маститых ученых и начинающих исследователей привлекает большое количество ученых, преподавателей, издателей и начинающих исследователей из многих стран.

За эти годы приглашенными лекторами школы-семинара были: экс-президент ЕВРАЛЕКСа К. Варантола (Финляндия), члены правления ЕВРАЛЕКСа Р. Ватведт Фьельд (Норвегия), Дж. ДеСезарис (Испания), почетный профессор ИвГУ К. Хейсли (США), президент Национального общества прикладной лингвистики и Российской ассоциации преподавателей английского языка С. Г. Тер-Минасова (Россия) и другие видные ученые.

С каждым годом расширяется география участников школы-семинара. Так, в 2007 году гостями VII школы-семинара «Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения» стали известные зарубежные лексикографы: Дж. Иамартино (Италия), Кр. Лорен и И. Вехмас-Лехто (Финляндия), Л. Пиенаар (ЮАР), Т. Бьорнсет и С. Соренсен (Норвегия), М. Милич и П. Новаков (Сербия), К. Миоши (Япония), а также многие оте-

чественные лингвисты: Л. М. Алексеева, М. В. Вербицкая, М. С. Колесникова, М. Р. Кауль, О. А. Леонтович, А. М. Мелерович, В. Ф. Новодранова, Т. П. Третьякова, представляющие ведущие вузы России (Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Самары, Тюмени, Перми, Екатеринбургa, Саратова, Воронежа, Волгограда, Ярославля и других городов России и ближнего зарубежья). Всего было заслушано более 100 докладов и сообщений, которые представили 38 докторов наук, 60 кандидатов наук, аспиранты и докторанты из Иванова, Владимира, Тюмени, Ярославля, Запорожья.

Работа над организацией VIII Международной школы-семинара «Новое в теории и практике лексикографии: синхронный и диахронный подходы» идет полным ходом.

В сентябре 2009 года мы услышим доклады президента Всемирной ассоциации по исторической лексикографии доктора Джули Коулман (Великобритания), автора многих книг по исторической и современной английской лексикографии доктора Джона Консидина (Канада), руководителя Лексикографического центра Университета г. Охус доктора Сандро Нильсена (Дания).

Программой предусмотрены семинары, мастер-классы и круглые столы с обсуждением важных вопросов теории и практики лексикографии в синхроническом и диахроническом аспектах. Планируются презентации проектов новых лингвистических и энциклопедических, печатных и электронных справочников для общих и специальных целей. Состоятся выставки ряда ведущих издательств *HarperCollins*, *Oxford University Press* (Великобритания), *Астрель*, *Флинта* (Россия), с которыми ивановская лексикографическая школа имеет давние научные связи. Организуется выставка новой теоретической литературы по лексикографии и демонстрация электронных справочников.

VIII Международная школа-семинар открывает новые страницы сотрудничества со своими партнерами. В этот раз под руководством заведующего Офисом английского языка Посольства США в Москве Дэвида Фэя будет работать однодневный семинар «Tips for Teaching Vocabulary to Tired Students» для преподавателей английского языка средних школ г. Иванова и области.

Общая направленность ивановских школ-семинаров тесно связана с современными тенденциями развития теоретической лексикографии и в то же время дает возможность всем интересующимся ознакомиться с достижениями и наработками в таких областях, как учебная лексикография, терминологическая лексикография, страноведческая, культурологическая, писательская лексикография (см. страницу в Интернете: <http://www.ivanovo.ac.ru/win125/protect/Karova.htm>). Опубликованные сборники трудов школ-семинаров (всего 7 томов): «Теоретические и практические аспекты лексикографии», 1997; «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лексикографии», 1997; «Словарь в современном мире», 2000; «Язык. Культура. Словари», 2001; «Теоретическая лексикография: новые тенденции развития», 2003; «Лексика, лексикография, терминология в русской, американской и других культурах», 2005; «Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения», 2007, помогают лучше понять теоретические и практические положения лекций, докладов и сообщений.

Мы гордимся и тем, что известное английское издательство *Cambridge Scholars Publishing* обратилось к нам с просьбой опубликовать материалы докладов в форме коллективной монографии. И после долгой совместной работы в Кэмбридже вышла в свет книга «*Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American and Other Cultures*» по материалам VI школы-семинара под редакцией О. М. Карповой и Ф. И. Карташковой.

В настоящий момент мы работаем над составлением другой коллективной монографии «*Lexicography and Terminology: a Worldwide Outlook*» (отв. ред. О. М. Карпова, Ф. И. Карташкова), которая базируется на докладах VII Международной школы-семинара. Такая работа ведется впервые и свидетельствует о международном признании нашей научной деятельности.

Успешная и плодотворная работа школ-семинаров едва ли была бы возможна без четкого взаимодействия бессменных членов оргкомитета С. Г. Тер-Минасовой, Ф. И. Карташковой, Г. М. Вишневецкой, А. Н. Таганова, а также многочисленных волонтеров, студентов и аспирантов кафедры английской филологии, без использования новых словарей и теоретической литературы для научно-исследовательской работы студентов, аспирантов, преподавателей кафедры и факультета, которые мы постоянно получаем из издательств *HarperCollins*, *Oxford University Press* и ведущих лексикографических центров мира. Только для издательства *Harper Collins* наша лексикографическая исследовательская группа написала более 80 рецензий на разные словари английского, немецкого, французского, итальянского, испанского и других языков.

Благодаря совместным усилиям маститых и молодых исследователей Ивановская школа стала международным лексикографическим центром. С 1995 года на нашей кафедре защищены 18 кандидатских и одна докторская диссертации по различным проблемам лексикографии. Среди них: Крестова С. А. Лексикографическое описание терминологической системы «лексикография», 2004; Бурлакова М. В. Культурно-ориентированная лексика британского варианта английского языка (лексикографическая разработка), 2004; Таганова Т. А. Заимствования в американский вариант английского языка: культурологический и лексикографический аспекты, 2003; Щербакова Е. В. Предметная область «Связи с общественностью» в терминологическом аспекте, 2005 и многие другие.

Приглашаем всех желающих принять участие в VIII Международной школе-семинаре. Подробную информацию можно получить на сайте: http://ivanovo.ac.ru/win1251/declar/Site_lec2/.

Заявки принимаются по электронной почте omk@ivanovo.ac.ru.

О. М. Карпова,
доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой английской филологии,
председатель секции лексикологии и лексикографии НОПРИЛ,
научный руководитель Ивановской лексикографической школы,
председатель программного комитета VIII Международной школы-семинара,
проректор по связям с общественностью и воспитательной работе ИвГУ

Научная жизнь кафедры зарубежной литературы в 2008 году

Общекафедральная тема научных исследований звучит как «Художественное слово в пространстве культуры». В рамках этой темы органично развиваются исследования по французской, немецкой, австрийской, швейцарской, американской, английской, южноафриканской литературам. В прошедшем году на кафедре продолжали функционировать научная школа «Художественное слово в пространстве культуры» и реализующий ее принципы научно-методический центр. В настоящее время школа насчитывает около 20 участников, из них 13 — моложе 35 лет. В составе школы плодотворно работают три доктора филологических наук и четыре кандидата. Деятельность научной школы разворачивается в том числе и в рамках аспирантуры и института старших научных сотрудников (Е. А. Комарова). В течение последних лет кафедрой проводится последовательная политика, направленная на воспитание среди студентов интереса к послевузовскому образованию, что способствует стремлению обучаться в аспирантуре по зарубежной литературе. В 2008 году начал свою работу диссертационный совет Д 212.062.04 по зарубежной и русской литературам (зам. председателя совета и координатор по зарубежной литературе — д-р филол. наук О. Ю. Анцыферова).

В рамках научной школы за 2008 год подготовлены два кандидата филологических наук: Л. Ю. Коршунова (Артур Шницлер и Зигмунд Фрейд: писатели и психологи в контексте австрийской культуры. Иваново, 2007), Т. Н. Шмелева (Художественные формы воплощения женского самосознания в прозе Кейт Шопен. Иваново, 2008).

Знаменательным событием в жизни кафедры в 2008 году стала подготовка, выход в свет и презентация сборника «Америка: слово, образ, судьба», посвященного памяти видного российского американиста Вадима Ивановича Яценко (1938—1985) и приуроченного к его семидесятилетию (отв. ред. О. Ю. Анцыферова и Н. Л. Ермолаева). Сборник включил воспоминания об ученом и статьи по вопросам, связанным с его научной деятельностью: южная школа в американской литературе и культуре, американский романтизм, национальная специфика американского юмора, образ Америки в инациональном сознании. Сборник получил самые благоприятные отзывы и достаточно широкий резонанс в пространстве научной американистики России (рецензия на сборник опубликована в этом же номере «Вестника ИвГУ»). 4 сентября 2008 года в читальном зале ИвГУ состоялись презентация сборника и юбилейная выставка трудов В. И. Яценко и материалов, связанных с его научной деятельностью. С воспоминаниями выступили коллеги В. И. Яценко, люди, в чьих сердцах жива память об ученом и человеке.

Свидетельством плодотворности научной школы кафедры стала успешная научная деятельность начинающих молодых ученых. Так, аспирант и ассистент кафедры М. Н. Павлова выиграла конкурс грантов ИвГУ на право выполнения научно-исследовательских работ молодыми преподавателями, сотрудниками, аспирантами и студентами в 2008/09 году (тема исследования — «Воздействие институализации естественных и точных наук в США на генезис романтической эстетики Эдгара По»). Ассистент кафедры П. В. Николаева не только успешно защитила в 2008 году кандидатскую диссертацию, но и координирует работу сектора компаративистики в рамках научно-методического центра кафедры.

За 2009 год членами научной школы подготовлены семь статей в журналах, рекомендованных ВАК (в том числе «Вопросы литературы», «Личность. Культура. Общество» и др.).

Печатные труды членов научной школы кафедры выходили в Великобритании, Германии, Австрии, Франции, Польше, Украине, Беларуси и других странах, что свидетельствует о международном признании ученых. Члены коллектива научной школы приняли участие в 20 конференциях, семинарах и других научных мероприятиях, организуемых международными научными ассоциациями, посольствами зарубежных стран на конкурсной основе не только на территории РФ, но и в других странах. География научных российских научных мероприятий, в которых принимали участие члены научной школы, охватывает всю территорию РФ — от Томска, Абакана и Тюмени на востоке до Калининграда и Санкт-Петербурга на западе — и включает все регионы и автономии России (Татарстан, Удмуртия, Хакассия и др.).

Члены коллектива научной школы участвовали в организации научных мероприятий, конференций семинаров. Профессора кафедры постоянно приглашаются для координирования работы секций на Пуришевских чтениях (МПУ), к работе в оргкомитете Международной конференции Общества по изучению американской культуры (МГУ), участвуют в ежегодных конференциях англистов (О. Ю. Анцыферова), Российского общества германистов (Ю. Л. Цветков, И. С. Киселева), в научных конференциях, организуемых Посольством Франции в РФ и Франко-Российским центром социальных и гуманитарных наук (А. Н. Таганов), а также принимают участие в организации секции зарубежной литературы Международной конференции «Художественный текст и культура» во Владимире и др. Профессора кафедры приглашались для участия в проектах РАН, посвященных зарубежной литературе (Ю. Л. Цветков, А. Н. Таганов, О. Ю. Анцыферова).

За 2008 год коллективом кафедры отредактировано и выпущено в свет **2 сборника научных статей.**

1. Художественное слово в пространстве культуры: Национальная специфика, жанровая типология, интертекстуальность / Отв. ред. Ю. Л. Цветков. Иваново, 2008. (11,4 печ. л.).

2. Америка: слово, образ, судьба: Межвуз. сб. науч. тр., посвящ. памяти В. И. Яценко / Отв. ред. О. Ю. Анцыферова, Н. Л. Ермолаева. Иваново, 2008. (17 печ. л.).

Издания, подготовленные членами научного коллектива, рецензировались в журналах «Вопросы литературы», «Новое литературное обозрение», реферативном журнале ИНИОН РАН и других научных изданиях. Была организована работа по рекламированию печатной научной продукции кафедры среди вузов России и ближнего зарубежья, в результате чего удалось добиться создания сети научных библиотечных контактов, по которой, в соответствии со сделанными заказами, распространяются кафедральные издания.

Благотворную роль в научной деятельности кафедры играет сотрудничество с международными научными фондами (Фулбрайт — О. Ю. Анцыферова, DAAD — Ю. Л. Цветков, И. С. Киселева).

Основным результатом деятельности научной школы стала разработанная учеными кафедры **концепция трансформации семиотической структуры художественного слова в условиях кризиса языковых и гносеологических систем.** Концепция предусматривает изучение бытования художественного слова в порубежные эпохи, на стыке традиционных и новых ху-

дожественных систем (авангард, постмодерн), на границе художественного и теоретического дискурсов, в интермедиаальном культурном пространстве; слово изучается как отражение этнического многообразия и инаковости (афро-американская и еврейская проблематика), как знак гендерной асимметрии. Постулируются и обосновываются **следующие изменения в статусе художественного слова**: оно отходит от своей миметической функции, становится саморефлективным; преодолеваются границы и конвенции метафизического, логоцентрического дискурса; в связи с трансформацией семиотической структуры слово приобретает новые функции (слово-пастиш, слово-палимпсест, слово-симулякр); дезавуируется гендерная и этническая нейтральность слова. Эволюция художественного слова прослеживается от традиционных форм словесности через модернистские эксперименты к радикальному постмодернистскому пантекстуализму и далее. Общетеоретические разработки осуществляются на примерах конкретных историко-литературных периодов и конкретных социокультурных и художественных систем (США, Англия, ЮАР, Австрия, Германия, Франция).

О. А. Анцыферова,
доктор филологических наук,
зав. кафедрой зарубежной литературы

Хроника научной жизни кафедры романской филологии и латинского языка

В рамках осуществления научных исследований кафедрой романской филологии и латинского языка подготовлены следующие монографии: В. М. Дебов, М. А. Скворцова «Сложноинициальные аббревиатуры в современном французском языке (На материале прессы)» (2007), В. М. Дебов «Верлан-код французского рэпа (О девиантном словотворчестве в молодежном социолекте)» (2008), В. М. Дебов «*Sigles et acronymes*». Словарь-справочник (2009), вышедшие в издательстве «Ивановский государственный университет».

В результате участия во всероссийском конкурсе научных публикаций две работы были удостоены дипломов лауреата конкурса на лучшую научную книгу: Дебов В. М. «Словарь верланизмов современного молодежного французского языка» за 2006 год, Дебов В. М., Скворцова М. А. «Сложноинициальные аббревиатуры в современном французском языке» за 2007 год.

В. М. Дебов,
кандидат филологических наук,
зав. кафедрой романской филологии и латинского языка

АННОТАЦИИ

Р. И. Бабаева

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА И КЛИШИРОВАННОСТЬ НЕМЕЦКОГО ОБИХОДНОГО ДИСКУРСА

Рассматриваются немецкие устойчивые сочетания и фразы, в состав которых входят служебные слова; уделяется внимание предложениям, которые в устойчивых фразах по семантике сближаются с полноточными словами и служат для создания определенного прагматического эффекта, союзам, которые в стереотипных фразах служат не для передачи грамматических отношений, а выполняют прагматические функции, а также частицам и междометиям, функционирующим в составе клишированных фраз и кластерных объединений.

Ключевые слова: устойчивые сочетания, служебные слова, дискурс.

Е. А. Вансяцкая

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ И СОКРЫТИЯ ЭМОЦИЙ КОММУНИКАНТОВ-ДЕВОЧЕК (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)

Рассматриваются способы выражения эмоций с помощью невербальных средств коммуникации коммуникантами-девочками, а также особенности сокрытия эмоций.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, невербальное поведение детей, эмоциональная реакция, языковой коррелят, маскировка эмоций.

К. М. Денисов

ОБ ОДНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРИАДЫ АНГЛИЙСКОЙ ИНТОНАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Рассматривается содержание понятия, включающего основной элемент интонационного рисунка английской фразы, но не получившего должного наименования, перевода и толкования в отечественном языкознании. Смысл термина «tonicity» анализируется с позиции стратегии говорящего субъекта при размещении и подчеркивании интонационного ядра. Указанный термин рассматривается в связи с двумя остальными, составляющими единую триаду в системе английской интонации.

Ключевые слова: интонация, ядерный тон, фразовое ударение, тон-акцент.

М. В. Лисник

**РЕЧЕВАЯ КОМПРЕССИЯ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНА ЭКОНОМИИ:
ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ**

Рассматривается понятие речевой компрессии с точки зрения действия закона речевой экономии. Прослеживается история развития понятия языковой экономии в отечественном и в зарубежном языкознании. Дана краткая классификация признаков речевой экономии на различных уровнях языка: фонетическом, грамматическом и лексическом. Анализируется понятие речевой компрессии (как одного из признаков речевой экономии) с позиций различных лингвистических теорий, посвященных изучению данной проблемы.

Ключевые слова: речевая экономия, компрессия, принцип наименьшего усилия, избыточность, языковые уровни.

О. А. Ужова

ДВА СЛОВАРЯ

Анализируются два издания лингвострановедческого словаря «Великобритания» — вышедшее в 1988 г. в Советском Союзе и в 2000 г. в России. Подробно рассматривается мега-, макро-, микроструктура обоих словарей. Детально изучены изменения, внесенные автором в словник последнего издания, а также модификации на мегауровне.

Ключевые слова: лексикография, лингвострановедение, анализ словаря, мега-, макро-, микроструктура.

А. К. Чичанова

**ПРОБЛЕМА БИЛИНГВИЗМА
В ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРИКЛАДНОМ АСПЕКТЕ**

Рассматриваются вопросы, связанные с билингвизмом, интерференцией, акцентом. Анализируются типологические классификации указанных явлений.

Ключевые слова: билингвизм, интерференция, языковой контакт, акцент.

М. В. Яценко

**КОРЕНЬ *WEG* В СЛОВАРЕ И ТЕКСТЕ ПОЭМЫ «ИСХОД».
К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

Рассматривается семантика древнеанглийского корня *weg* (совр. англ. — *way*) на материале поэмы «Исход». Большое место отводится анализу сложностей, связанных с описанием семантики древнеанглийского поэтического слова и интерпретацией текста в целом, которая предполагает многовариативность.

Ключевые слова: описание древнеанглийской культурной лексики, анализ древнеанглийского поэтического текста, концепт «путь», культурные коннотации, композиты в древнеанглийском поэтическом тексте, древнеанглийская поэма «Исход».

Н. В. Дзусева

**СИМВОЛИКА ЛИРИЧЕСКОГО СЮЖЕТА
В «ЗИМНИХ СОНЕТАХ» ВЯЧ. ИВАНОВА**

Рассматривается проблема лирического сюжета на материале поэтического цикла Вяч. Иванова «Зимние сонеты».

Ключевые слова: сюжет, цикл, символ, софийность, лирический герой, религиозно-философское сознание, духовность, жизнь, смерть, воскрешение.

И. В. Синохина

**ПРОЗА Н. И. КОЛОКОЛОВА.
СОЗВУЧИЯ С ДРУГИМИ АВТОРАМИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XX ВЕКА**

В произведениях Н. Колоколова, Н. Зарудина, И. Катаева, И. Бабея, М. Булгакова, Б. Пильняка, А. Платонова, Б. Пастернака воплощён трагический сюжет, продиктованный потаёнными способами художественного осмысления действительности. Представленные наблюдения — преамбула, в которой намечены возможности более обстоятельного типологического сопоставления текстов.

Ключевые слова: притчевое иносказание, семантическая полярность общих архетипов, библейская символика, спроецированная на эпоху социального переворота, духовный яд словесной риторики.

Ю. Л. Цветков

**ФРИДЕРИКА МАЙРЁКЕР —
«РАЙСКАЯ ПТИЦА» АВСТРИЙСКОЙ ПОЭЗИИ
(К 85-летию со дня рождения)**

Рассматривается эволюция лирики одной из известнейших представительниц австрийской поэзии XX века. Дадаистские и сюрреалистические традиции, а также опыт конкретной поэзии создают оригинальное и экспериментальное поле лирики Ф. Майрёкер. В ее творчестве ярко проявляется интегративный характер по отношению к мировой литературе, а подсознательные фантазии открывают глубины и бездны неведомого мира. В нем она распоряжается временем и пространством подобно сказочной «райской птице».

Ключевые слова: дадаизм, сюрреализм, конкретная поэзия, постмодернизм, интермедийность, игра, стихотворение-шифр, монтаж, экфрасис, партитура, жанро- и словотворчество.

З. М. Фейзуллаева

**ПРОРЫВ В МЕТАРЕАЛЬНОСТЬ
(На материале творчества Джамала)**

На примере творчества дагестанского поэта Джамала рассмотрен метареализм как новое поэтическое явление конца XX века. Основным ядром поэтов-метареалистов в Дагестане стало поэтическое сообщество «Новая волна», у истоков которого стоит русскоязычный поэт Джамаль, рассматривающий Слово как ключ к тайнам мироздания, а поэзию как метод познания Метареальности.

Ключевые слова: дагестанская поэзия, метареализм, символы и концепты, проблема времени.

SUMMARIES

R. I. Babaeva

FUNCTION WORDS AND CLICHEÉS IN GERMAN EVERYDAY DISCOURSE

The article is devoted to German set expressions and phrases including function words; special attention is paid to prepositions, which semantically, within those set expressions, which semantically, within those set expressions, come closer to notion words and serve to create a certain pragmatic effect, and also to conjunctions which in set expressions are used rather pragmatically than grammatically and finally, to particles and interjections functioning within cliché phrases and word clusters.

Key words: cliché phrases, function words, everyday discourse.

E. A. Vansyatskaya

PECULIARITIES OF EXPRESSING AND MASKING EMOTIONS OF GIRL-SPEAKERS (ON THE BASIS OF LITERARY TEXTS)

The ways the emotions of girl-speakers in the literary text described with the help of non-verbal elements are given. The peculiarities of masking and inhibiting emotions are represented by the author.

Key words: non-verbal communication, non-verbal behaviour of children, emotional reaction, language correlate, masking of emotions.

K. M. Denisov

ONE OF THE THREE TERMINOLOGICAL T'S IN THE INTONATION SYSTEM OF ENGLISH

The concept of tonicity undergoes special review for two reasons. Firstly, for its vague description in Russian linguistics, where by far, neither adequate translation to, nor appropriate interpretation of has been given yet. The very meaning of this term is being analyzed from the viewpoint of the speaker's communicative strategy, actually and eventually determining the placement and accentuation of the intonation nucleus. The afore named term is described in connection with two others forming the three T's of English intonation system.

Key words: intonation, nuclear tone, phrasal accent, tonicity.

M. V. Lisnik

**SPEECH COMPRESSION AS AN ECONOMY LAW`S MANIFESTATION:
RECOMPREHENSION OF THE NOTION**

This article is devoted to the speech compression analysis in the point of view of the economy law` s action. We trace the history of the development of the linguistic economy notion in the russian and in the foreign linguistic science. There is the brief description of the speech compression particularities for different linguistic levels: phonetic, grammatical and lexical. We analyze the speech compression notion (as one of speech economy particularities) in the point of view of different linguistics theories devoted to this problem study.

Key words: speech economy, compression, principle of the least effort, abundance, linguistic levels.

O. A. Uzhova

TWO DICTIONARIES

The article deals with the analysis of two editions of the country-study dictionary "Great Britain". The first edition appeared in 1988 in the Soviet Union, the second one in Russia in 2000. Mega-, macro-, microstructure of both dictionaries is under study. The changes made by the author on macrolevel are examined in detail, modification on megalevel are also taken into consideration.

Key words: lexicography, country-study, dictionary-analysis, mega-, macro-, micro-structure.

A. K. Chichanova

BILINGUISM IN ITS FUNCTIONAL AND APPLYING ASPECTS

This article is devoted to the questions of bilinguism, interference and accent. The analyze of tipological classifications of mentioned phenomena is given here.

Key words: bilinguism, interference, language contact, accent.

M. V. Yatsenko

**THE ROOT *WEG* IN THE DICTIONARY AND TEXT
OF THE OLD ENGLISH POEM *EXODUS*. TO THE PROBLEM
OF INTERPRETATION OF OLD ENGLISH POETIC TEXT**

The article deals with the semantics of the Old English root *weg* (modern English — *way*) in the context of the poem *Exodus*. Great attention is paid to the analysis of the difficulties in both semantic analysis of Old English poetic wording and the interpretation of the text as a whole.

Key words: study of Old English Poetic culturally-marked wording, analysis of Old English poetic text, concept of 'way', cultural connotations, compound words in Old English poetic text, Old English poem *Exodus*.

N. V. Dzuzeva

**SYMBOLISM OF LYRIC PLOT IN “WINTER SONNETS”
BY VYACHESLAV IVANOV**

The problem of lyrical plot is studied with the focus on the poetic cycle "Winter Sonnets" by Vyacheslav Ivanov.

Key words: plot, cycle, symbol, God's wisdom, lyric hero, religious-philosophical perception, spirituality, life, death, resurrection.

I. V. Sinohina

**PROSE BY N. I. KOLOKOLOV.
ACCORD WITH OTHER AUTHORS OF WORKS OF THE XX CENTURY**

The tragic plot having been dictated of secret ways of reality is personified in the works of N. Kolokolov, N. Zarudin, I. Kataev, I. Babel, M. Bulgakov, B. Pilnayk, A. Platonov, B. Pasternak. The produced observations are preamble where possibilities of more detailed typological confrontation of texts are outlined.

Key words: parable circumlocution, semantic polarity of common archetypes, biblical symbolism projected on the epoch of social upheaval, spiritual poison of verbal rhetoric.

Y. L. Tsvetkov

**FRIEDERIKE MAYRÖCKER
AS “PARADISE BIRD” OF AUSTRIAN POETRY
(85 years since birthday)**

The article is about the evolution of the lyrics of one of the most famous Austrian poets of the 20-th century. Dadaistic and surrealist traditions as well as the experience of the concrete poetry form the original and experimental basis of her lyrics. Her creative work is characterized by the integrative tendency towards the world literature, and her subconscious fantasy opens up the depths of the unknown world. In this imaginary world the poet arranges the space and the time like the fairy «paradise bird».

Key words: dadaism, surrealism, concrete poetry, postmodernism, intermedialite, play, poem-script, assembly, efracice, score, style-and words creative work.

Z. M. Feyzullaeva

BREAKTHROUGH INTO METAREALITY (based upon works of Jamal)

The article considers metarealism as a new poetical phenomenon of the end of the 20th c. giving as an example the works of Dagestan poet Jamal. The basic nucleus of the poets-metarealists in Dagestan is poetic community “The New Wave” founded by Jamal, who considers the Word as a key to the secrets of the World and poetry as a method of understanding the Metareality.

Key words: Dagestan poetry, metarealism, symbols and concepts, problem of time.

Сведения об авторах

- БАБАЕВА Раиса Ивановна** кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Ивановский государственный университет. nitdaf@mail.ru
- ВАНСЯЦКАЯ Елена Александровна** кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка, Ивановский государственный университет. eva@ivanovo.ac.ru
- ДЕНИСОВ Константин Михайлович** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, факультет РГФ, Ивановский государственный университет. bondin5@yahoo.com
- ДЗУЦЕВА Наталья Васильевна** доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и русской литературы XX века, Ивановский государственный университет. starova@bk.ru
- ЛИСНИК Марина Владимировна** кандидат филологических наук, ассистент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет. marinalisnik@mail.ru
- СИНОХИНА Ирина Викторовна** кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы и русской литературы XX века, Ивановский государственный университет. sinokhina@yandex.ru
- УЖОВА Ольга Александровна** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Ивановский государственный университет. gluhovar@mail.ru
- ФЕЙЗУЛЛАЕВА Заира Магомедовна** соискатель кафедры литературы. Дагестанский государственный педагогический университет. 8-87-240-4-24-84 (тел./факс)
- ЦВЕТКОВ Юрий Леонидович** доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы, Ивановский государственный университет. jzvetkow@stv-info.ru
- ЧИЧАНОВА Анастасия Камилевна** ассистент кафедры романской филологии и латинского языка, Ивановский государственный университет. anastacie@inbox.ru
- ЯЦЕНКО Мария Вадимовна** кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка, Ивановский государственный университет. yatsenm@mail.ru

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия «Гуманитарные науки»
Выпуск 1
Филология**

Подписано в печать 11.03.2009 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 100 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru